К54 2/35

104

СТВІЙ

5-й Erc ва Великаго Князя Михаила Александровича

БАТАРЕИ

ГВ. ЛЕЙСКОЙ КОННО-АРТИЛЛЕРІЙСКОЙ БРИГАДЫ.

ВЪ ВОСТОЧНУЮ КАМПАНІЮ 1877—78 ГОДОВЪ.

Составилъ капитанъ Н. Н. Мартыновъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1881.

Ис. Исл. 1878 г. 227 — Благод. прин. посещения Госуд.
— " — 319 — — " — Ад. по Восп. отр.

41

5 К51 35 нет

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

ДѢЙСТВІЙ

5-й Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Александровича

БАТАРЕИ

ГВАРДЕЙСКОЙ КОННО-АРТИЛЛЕРІЙСКОЙ БРИГАДЫ.

ВЪ ВОСТОЧНУЮ КАМПАНІЮ 1877—78 ГОДОВЪ.

Составилъ капитанъ Н. Н. Мартыновъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1881.

Его Императорскому Величеству

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ

АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ.

ВСѢПОДДАННѢЙШЕ ПОСВЯЩАЕТСЯ

СОСТАВИТЕЛЕМЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Состояніе духа войскъ до мобилизаціи	1
Ходъ мобилизаціи	3
Походъ по желѣзной дорогѣ	11
Движеніе походнымъ порядкомъ по Россіи	13
Походъ по Румыніи	18
Походъ по Болгаріи	23
Высочайшій смотръ	24
Періодъ маневрированія	26
Диспозиція и приказъ на 12-е октября	32
Первый бой подъ Телишемъ 12 го октября	36
Дѣйствія 3-го взвода	43
Охраненіе Ракитской высоты	52
Второй бой подъ Телишемъ 16-го октября	56
Стоянка подъ Плевной	65
Балканскій походъ	76
Диспозиція на 11-е декабря	81
Описаніе дороги черезъ Балканы	83
Переходъ черезъ Балканы	86
Дѣйствія 1-го взвода	96
Дѣйствія 3 го взвода	109
Бой при горномъ Бугоровѣ	110
Бой подъ г. Самаковымъ	118
Наступленіе къ г. Татаръ Базарджику	121
Бой у деревни Дермендере	122
Вступленіе въ Филиппополь	123
Стоянка на берегу Мраморнаго моря	127
Появленіе болѣзней	128
Отъѣздъ на родину	131

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Неудобства конской повинности 137
О обременяющемъ вооруженіи. 139
Неудобство довольствія обувью деньгами. 140
Затруднительное положеніе отъ жеребцовъ. 141
Обозъ, его удобство и неудобство 142
Укладка обоза 144
О ковкѣ 145
Неудобство довольствія войскъ солью (денежное) 147
Неудобство форсированнаго марша въ началѣ похода 148
Мѣры, принимаемыя для облегченія въ походѣ. 151
О удобствѣ бивуачнаго расположенія въ сравненіи съ квартирнымъ . . 152
Характеръ болѣзней и количество лошадей, пришедшихъ въ негодность за время похода и кампаніи 154
Неудобство сокращенія запасныхъ людей 158
Бѣдствіе отъ облегченія вьюка 159
Уменьшеніе возимой тяжести. 160
О довольствіи сухарями 161
Пополненіе лошадьми конныхъ батарей 162
Возможность оставлять лошадей по пути 164
Особенность румынской артиллеріи 166
Относительно здоровья и лазаретовъ 167
Относительно формы строя 169
Относительно отчетности 171
Результатъ кампаніи 172
Списокъ офицеровъ, участвовавшихъ съ батареею въ кампаніи . . . 174
Маршруты батареи по Россіи и Румыніи. 176

К51 2/35
20898 XII 1903 г.

(Копія)

ПРИКАЗЪ
ПО ГВАРДЕЙСКОМУ КОРПУСУ

Въ С.-Петербургѣ.

января 3-го дня 1879 года.

Значеніе Исторіи войнъ понятно всякому военному: она доставляетъ лучшіе уроки для будущаго.

Исторіи полковъ служатъ однимъ изъ вѣрныхъ залоговъ нравственной силы частей войскъ: сохраняя основныя традиціи и боевыя преданія, онѣ составляютъ одно изъ средствъ для поддержанія славы и чести полковъ; изъ примѣровъ прошлаго молодежь пріобрѣтаетъ любовь и уваженіе къ своей части и рвеніе къ подвигамъ въ будущихъ войнахъ.

Желая, чтобы событія минувшей кампаніи не прошли безслѣдно и не изгладились изъ памяти, не принеся той пользы, которую доставляетъ намъ Исторія войнъ,--я уже сдѣлалъ распоряженіе, чтобы въ частяхъ ввѣреннаго мнѣ корпуса тщательно были собраны и приведены въ систему всѣ документы о славномъ походѣ 1877 и 78 годовъ. Одновременно съ этимъ предписываю нынѣ же во всѣхъ частяхъ приступить къ обработкѣ собираемыхъ матеріаловъ, дабы воспользоваться ближайшимъ временемъ къ минувшимъ событіямъ, когда они свѣжи въ памяти у большинства участниковъ геройскихъ дней, пока еще возможно записать всѣ драгоцѣнныя подробности военныхъ дѣйствій.

Составленіе полной Исторіи войны 1877 и 78 годовъ будетъ удѣломъ спеціалистовъ—ученыхъ, но, безъ помощи правдивыхъ разсказовъ ближайшихъ участниковъ, ихъ трудъ будетъ не полонъ; ихъ выводы, не основанные на всесторонней обработкѣ фактовъ во всѣхъ деталяхъ, не могутъ имѣть истиннаго научнаго значенія. Кромѣ того разработка подробностей боевыхъ дѣйствій должна составить для насъ лучшее пособіе при тактическихъ занятіяхъ, какъ письменныхъ, такъ и полевыхъ съ войсками.

Осуществленіе Моего желанія поручаю особенной заботливости начальниковъ: дивизій, артиллеріи и стрѣлковой бригады, предлагаю имъ назначить въ каждой части войскъ одного изъ нѣсколькихъ офицеровъ, склонныхъ къ упомянутымъ выше занятіямъ; офицерамъ этимъ поручить составленіе подробныхъ описаній дѣйствій своихъ частей; описаніе общихъ дѣйствій отрядовъ и дивизій возложить на штабы дивизій; обработку общихъ распоряженій по корпусу—на штабъ ввѣреннаго мнѣ корпуса. Строевыхъ офицеровъ, которымъ будетъ поручено составленіе историческихъ описаній, разрѣшаю освободить отъ другихъ служебныхъ занятій; въ этомъ не встрѣтится затрудненій, въ виду сверхкомплекта офицеровъ.

Общую организацію всего дѣла и наблюденіе за ходомъ его въ разныхъ частяхъ войскъ возлагаю на Начальника Штаба ввѣреннаго Мнѣ корпуса, которому поручаю представлять Мнѣ посему періодическіе доклады.

Оконченныя работы представлять Мнѣ по командѣ для напечатанія, если это будетъ найдено возможнымъ.

Подписалъ: Командиръ корпуса,
Генералъ-Адъютантъ Александръ.

НАЧАЛЬНИКЪ ШТАБА

ГВАРДЕЙСКАГО КОРПУСА

(Копія)

17-го февраля 1879 года.

№ 719.

Въ С.-Петербургѣ.

Милостивый Государь,
Михаилъ Михаиловичъ! [1])

Вслѣдствіе писемъ моихъ къ Начальникамъ дивизій, отъ 12-го прошлаго января за № 318 — 328 въ настоящее время получены отвѣты, которые и были доложены Его Императорскому Высочеству, Командиру корпуса.

Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, оставаясь при прежнемъ своемъ мнѣніи не стѣснять формами личныя способности офицеровъ, составляющихъ историческія описанія, изволилъ однакожъ приказать поставить для такихъ описаній требованія, которыя должны быть выполнены.

Вслѣдствіе этого, въ дополненіе къ упомянутому выше письму за № 318—328, имѣю честь сообщить Вашему Превосходительству слѣдующій рядъ вопросовъ, которые желательно было бы разъяснить въ историческихъ полковыхъ хроникахъ:

1) Практическіе пріемы, выработавшіеся въ войскахъ во время

[1]) Генералъ Адъютантъ Михаилъ Михаиловичъ Жуковскій — Начальникъ Артиллеріи Гвардейскаго Корпуса.

кампаніи для дѣйствій въ бою, на походѣ и на отдыхѣ.

2) Случаи примѣненія саперныхъ работъ, ихъ размѣръ, видъ и способъ производства въ различныхъ случаяхъ.

3) Убыль въ людяхъ и лошадяхъ, главныя причины ея: составъ частей, въ которомъ онѣ вступали на театръ войны, составъ ихъ въ различные другіе періоды кампаніи.

4) Продовольствіе нижнихъ чиновъ: въ какіе періоды кампаніи части довольствовались изъ артельныхъ котловъ, въ какіе изъ походныхъ котелковъ. Особенно важно разъясненіе довольствія сухарями: получали ли солдаты постоянно сухари и въ какомъ размѣрѣ? Сколько суточныхъ дачъ сухарей приходилось солдату носить на себѣ въ наиболѣе горячіе періоды войны и какъ велика была въ этихъ случаяхъ дача. Приходилось ли и когда печь хлѣбъ самимъ войскамъ или получать его отъ жителей?

5) Расходъ огнестрѣльныхъ припасовъ въ теченіи кампаніи вообще, а, по возможности, и важнѣйшихъ дѣлахъ. Соображенія, сколько патроновъ было разстрѣлено и сколько утеряно. Какія затрудненія встрѣчались при подвозѣ и пополненіи боевыхъ припасовъ? Каковы оказались боевые припасы при стрѣльбѣ въ дѣлахъ и при учебной стрѣльбѣ подъ Санъ-Стефано.

6) Насколько обозы оказались соотвѣтствующими своему назначенію. Какія повозки все время слѣдовали при войскахъ, какія далеко отставали, соображенія, на сколько это зависѣло отъ недостатка повозокъ и на сколько отъ исключительныхъ условій мѣстности (Балканы). Какія части полковаго имущества, взятаго въ походъ, оказались необходимыми, какія лишними.

7) Санитарная часть въ войскахъ: состояніе здоровья въ разные періоды, главные виды заболѣванія.

Состояніе духа войскъ до мобилизаціи.

Впродолженіе 4-хъ мѣсяцевъ со дня объявленія войны Турціи, гвардія, съ лихорадочнымъ вниманіемъ, слѣдя за ходомъ дѣлъ, рвалась на эту арену міровой драмы. Каждому изъ насъ тяжела была даже мысль оставаться въ Петербургѣ: хотѣлось броситься въ это дѣло и побѣдить или умереть. Но все тяготѣніе ея было къ Болгаріи; всѣ инстинктивно сознавали, что именно тамъ должны произойти рѣшительные удары противнику, которые напомнятъ Европѣ вѣковую славу русскаго оружія и создадутъ что-то великое: то великое, что начерталъ любимый Монархъ и къ выполненію чего стремится съ геройскимъ самоотверженіемъ всякій солдатъ, полный священныхъ традицій, не щадя своей жизни и высоко держа знамя Россіи. Среди этихъ томительныхъ 4-хъ мѣсячныхъ ожиданій, были минуты и полнаго отчаянія, какъ, напримѣръ, въ началѣ мая 1877 года, когда со всѣхъ частей гвардейскаго корпуса вызвали часть офицеровъ въ Кавказскую армію. Въ этой мѣрѣ гвардія увидѣла роковой приговоръ себѣ бездѣйствовать въ эту компанію. Съ чувствомъ горячихъ пожеланій провожали счастливцевъ остальные товарищи, и какъ сильно сказывалась у провожавшихъ безпредѣльная скорбь что, быть можетъ не прійдется имъ послужить Государю, Россіи и славянамъ?..

Отъ Гвардейской конно-артиллерійской бригады уѣхали 2-й батареи поручикъ Денъ и 4-й батареи подпоручикъ Баранцовъ.

Объявленіе мобилизаціи.

Но вотъ, наконецъ, 22-го іюля была объявлена мобилизація гвардейскаго корпуса. Вѣсть эта поразила насъ своею неожиданностью. Хотя до этого, всѣ наши мысли и желанія сосредоточивались лишь на этомъ, но мы какъ-то боялись даже желать, не надѣясь на осуществленіе этой мечты; и теперь всякій изъ насъ находился въ томъ состояніи, когда человѣкъ, страстно чего нибудь желая, получаетъ его, но боится даже вѣрить въ это счастье и спрашиваетъ себя «не сонъ ли это?» «Не уйдетъ ли онъ?», но нѣтъ, это ужъ не былъ сонъ?

Командиръ 5-й батареи полковникъ Безакъ пріѣхалъ въ батарею, собралъ всѣхъ чиновъ батареи и съ торжественнымъ сіяющимъ лицемъ прочелъ приказъ о мобилизаціи. Нѣтъ словъ выразить ту силу восторга, съ которымъ былъ встрѣченъ этотъ достопамятный приказъ; послѣднія слова его были сигналомъ для взрыва громкаго и долго-неумолкаемаго «ура» за своего обожаемаго Вѣнценосца. Затѣмъ, послѣ краткихъ, но глубоко прочувствованныхъ и сердечныхъ словъ отца-командира, всѣ присутствующіе осѣнились широкимъ твердымъ русскимъ крестомъ, свободно, глубоко вздохнули, и пошли товарищескія объятія и братскіе поцѣлуи, въ которыхъ смѣшались всѣ чины и званія. На всѣ лица легла какая-то торжественная серьезность, и выражалась какая-то могучая твердость и рѣшимость.

Въ моментъ объявленія мобилизаціи, войска гвардейскаго корпуса, казалось и были подготовлены къ этому великому акту своего назначенія, но подготовка эта выражалась въ тѣхъ циркулярахъ, разъясненіяхъ и положеніяхъ Главнаго Штаба, которые давали, такъ сказать, программу или канву тому, что должно будетъ совершаться безъ замедленій и недоразумѣній. Сами же части въ строевомъ и матеріальномъ отношеніи были въ своемъ обычномъ порядкѣ—порядкѣ мирнаго состава, такъ что для перехода на военное положеніе пришлось многое и очень многое дѣлать.

Объявленіе мобилизаціи застало батарею на полномъ отдыхѣ, обыкновенно даваемомъ послѣ лагернаго сбора; нижніе чины исправляли и пристраивали свое незатѣйливое хозяй-

ство,—устраивали и принаравливали къ зимнимъ занятіямъ казарменныя помѣщенія. Лошади для отдыха ногъ стояли раскованными, сбруя и конская аммуниція разобранная—для исправленія и смазки, послѣ лагерныхъ и маневренныхъ дождей и непогодъ. Артиллерія красилась и исправлялась по своему установленному годовому ремонту.

Въ виду этихъ обстоятельствъ и тѣхъ, которыя создаются при мобилизаціи всякой части, чтобы привести батарею на военное положеніе въ 11-ти дневный срокъ потребовалось масса труда и энергіи; и дѣйствительно, начиная отъ командира батареи, флигель-адъютанта полковника Безака, и кончая мастеровыми—всѣ съ лихорадочной дѣятельностью принялись за дѣло. Тутъ ужъ усталости и отдыху не было мѣста; всякій какъ бы возродился, удесятерилась его сила при сознаніи всей важности результата его трудовъ, и мобилизація батареи—во всемъ, что зависѣло отъ внутренняго ея быта — пошла спорно и подвигалась не по днямъ, а по часамъ.

Ходъ самой мобилизаціи.

23-го іюля былъ отданъ приказъ по батареѣ о мобилизаціи по плану Главнаго Штаба въ 11-ти дневный срокъ.

Для уравненія офицеровъ по батареямъ, приказомъ по бригадѣ, были переведены въ 5-ю батарею изъ 1-й Его Величества батареи: поручикъ Леонтьевъ и подпоручикъ Чичаговъ 3-й, а изъ 5-й батареи въ 1-ю Его величества прикомандированный изъ полевой конной артиллеріи подпоручикъ Щербачевъ 2-й. Для болѣе успѣшнаго веденія дѣлъ, командиръ батареи, флигель-адъютантъ полковникъ Безакъ, распредѣлилъ занятія и обязанности между наличнымъ числомъ офицеровъ, слѣдующимъ образомъ: старшему офицеру капитану Мартынову поручено ближайшее наблюденіе за точнымъ выполненіемъ всѣхъ предначертаній командира батареи, по всѣмъ отраслямъ батарейнаго управленія. Поручикъ Леонтьевъ назначенъ командиромъ 1-го взвода и пріемщикомъ всѣхъ полученій изъ вещевыхъ интендантскихъ и другихъ складовъ. Подпоручикъ Кузьминъ-Караваевъ 2-й—командиромъ 3-го взвода и завѣдующимъ батарейной швальней и цейхгаузомъ, т. е. об-

*

мундированіемъ батареи. Подпоручикъ Шереметевъ—командиромъ 2-го взвода—завѣдующимъ артиллеріею, лабораторіею и пріемщикомъ нужныхъ вещей изъ арсенала и порохового завода. Подпоручикъ Чичаговъ 3-й—завѣдующимъ письменною частью въ батареѣ и состоять въ 3-мъ взводѣ. Прапорщикъ Мезенцовъ 1-й—состоять въ 1-мъ взводѣ.

Вольноопредѣляющемуся Зволянскому состоять въ помощь подпоручику Чичагову 3-му при письменныхъ занятіяхъ въ батареѣ. Вольноопредѣляющемуся Графу Бреверну-де-ла-Гарди—состоять при 2-мъ взводѣ.

Кромѣ того капитанъ Мартыновъ назначенъ былъ отъ бригады въ коммисію по конской повинности [1]) и пріемщикомъ на полученіе отъ столицы лошадей для гвардейской конно-артиллерійской бригады. Съ перваго же дня пошла усиленная, до глубокихъ сумерокъ, работа въ кузницѣ, чтобы подковать всю батарею; кромѣ того полковникъ Безакъ приказалъ приготовить помимо существующихъ въ мирное время 160 круговъ (640 подковъ) запасныхъ подковъ—еще 209 круговъ (836 подковъ) — такъ чтобы батарея вышла въ походъ, имѣя всѣхъ (246) лошадей подкованными на новыя подковы, и въ запасѣ на каждую лошадь по $1^1/_2$ круга (6 подковъ). Такъ какъ штатное число кузнецовъ въ батареѣ, при самой усиленной работѣ и несмотря на то, что имъ въ подмогу придали всѣхъ людей, знающихъ это ремесло, не могли успѣть въ 10 дней окончить эту работу то командиръ батареи, полковникъ Безакъ, оцѣнивая всю важность этой мѣры, нанялъ на свой счетъ вольныхъ рабочихъ, и къ 4-му августа вся эта масса подковъ была готова. Подковныхъ гвоздей было взято съ собой въ запасъ 9 пудовъ.

Относительно сбруи и аммуниціи, было обращено особое вниманіе на крѣпость ленчиковъ, врѣзку путлищъ въ лавки ленчика, исправность потниковъ и пригонку хомутовъ. Хотя батарея брала съ собою въ походъ сбрую новаго комплекта, но такъ какъ она уже прослужила годъ, то для большей вѣрности командиромъ батареи, полковникомъ Безакомъ, было куплено въ шорномъ магазинѣ Курикова полный комплектъ сбруи

[1]) Неудобство принятой системы конской повинности изложены въ приложеніи § 1.

на шесть ящиковъ, взято въ запасъ 10 ленчиковъ, войлокъ для потниковъ, постромки, разные ремни и кожи.

Что касается обмундированія, строже всего отнеслись къ обуви и требовали, чтобы каждый солдатъ имѣлъ 2 пары сапогъ—одну новую, другую вполнѣ крѣпкую, и главное, чтобы они были настолько просторны, что могли бы свободно надѣваться на 2 пары портянокъ [1]); осмотрѣны были портянки и бѣлье; а мундиры, рейтузы и шинели были выданы новые, 1-го срока; 2-й срокъ уложенъ въ цейхгаузѣ, а 3-й срокъ мундировъ и рейтузъ перечинены и уложены въ чемоданчики. Вслѣдствіе этихъ работъ батарейная шорня и швальня были завалены работой, и сюда, также какъ и въ кузницу, были приставлены въ помощь къ штатнымъ мастеровымъ всѣ маломальски знающіе это дѣло строевые чины. Въ это же время отданъ былъ приказъ оставить каски дома, а къ фуражкамъ пришить козырки, и сдѣлать на нихъ бѣлые чахлы. Такъ какъ работа эта очень затрудняла батарейное хозяйство, то командиръ батареи, полковникъ Безакъ, на свой счетъ заказалъ чахлы на фуражки частнымъ мастерамъ.

Что касается артиллеріи и оружія—былъ принятъ, изъ арсенала и лабораторіи: боевой комплектъ:

Обыкновенныхъ гранатъ .	356
Шрапнелей	330
Картечей.	66
Боевыхъ зарядовъ . . .	789

Запасныя части, шанцевый инструментъ; а изъ интендантскихъ складовъ—палатки; все это пересматривалось и прилаживалось; конечно, больше всего работы выпало на долю боевого комплекта. Всякій солдатъ съ первыхъ дней его службы артиллерійскимъ обученіемъ былъ проникнутъ убѣжденіемъ, что вся боевая сила артиллериста очень много зависитъ отъ туго набитаго и хорошо сохраненнаго заряда, и исправно содержаннаго снаряда съ трубкой. Револьверы осмотрѣны, и розданы на руки въ подсумки патроны; сабли оттачивались. Самой

[1]) Это особенно необходимо для кавалериста, по полусутокъ не слѣзающаго съ лошади, отчего ноги отекаютъ, пухнутъ, а сапоги отъ дождей, росы и водопоя размокаютъ, вслѣдствіе чего очень затрудняютъ при обуваніи и, обтягивая ногу, сильно безпокоятъ.

веселой работой была отточка сабель; сколько во время этой работы было соревнованія въ искусствѣ, смѣху, предположеній, прибаутокъ, а выострив ее, какъ бритву, всякій, потрясая въ воздухѣ, посылалъ угрозы противнику; во всемъ этомъ сказывалась твердая рѣшимость постоять за себя. А затѣмъ, съ благоговѣйнымъ крестомъ упованія и надежды на Всевышняго, бережно и осторожно, сабля эта вкладывалась въ ножны. Въ ту минуту никому въ голову не могла придти мысль, что за всю кампанію ни одинъ револьверный патронъ не будетъ выпущенъ и ни одна сабля не обнажится. Это еще больше доказываетъ сомнительность необходимости артиллеристу имѣть столько оружія при себѣ [1]).

По санитарной части, изъ бригадняго пріемнаго покоя, прикомандированъ былъ въ батарею старшій фельдшеръ Твердовскій, какъ оказалось впослѣдствіи на походѣ, и въ бою, человѣкъ въ высшей степени гуманный, расторопный и честный, и знающій свое дѣло. Было принято положенное число бѣлья, лазаретныхъ вещей и медикаментовъ. Командиръ батареи, полковникъ Безакъ, зная, какъ часты лихорадочные случаи въ мѣстности будущаго для насъ театра войны, отъ себя еще купилъ для батареи 2 фунта хинина. Изъ конскаго бригаднаго лазарета были прикомандированы 2 унтеръ-офицера—коновала; взяты запасные медикаменты; на счетъ командира куплены въ большомъ количествѣ глицеринъ, іодъ, арника и глауберова соль, все, что намъ такъ пригодилось во время длиннаго и быстраго похода по Румыніи въ эту страшную августовскую жару.

Нижнимъ чинамъ сдѣланъ былъ подробный тѣлесный осмотръ бригаднымъ врачомъ, и всѣ слабосильные оставлены для присмотра за казармами и остающимся батарейнымъ имуществомъ; такихъ было оставлено 11.

Всѣ люди перенумерованы, составленъ нумерной списокъ батареи и розданы нумерныя бляшки для ношенія на груди съ крестикомъ. Это была единственная мѣра, къ которой солдаты отнеслись очень несимпатично. Вслѣдствіе ихъ религіознаго отношенія къ крестикамъ и образкамъ, и ихъ суевѣ-

[1]) Въ приложеніи § 2 изложенъ взглядъ на предметъ вооруженія.

рія къ разнымъ ладонкамъ (сильно укорененнаго у нашего простого народа), они очень неохотно привѣшивали къ нимъ эту бусурманскую (какъ они называли) нумерацію. Конечно, солдаты ничего не заявляли, и выполнили это безпрекословно; но зачастую случайно можно было подслушать въ родѣ подобныхъ выраженій: «Нечто мнѣ попъ при крещеніи имени не далъ? Лошади и той имя даютъ» или же подобныя шутки между собою: когда какой нибудь солдатъ при работѣ дѣлалъ что нибудь неловко, то другой и попрекаетъ его словами: «Ужъ правда, что нумерованный—на тебя другого и званія нѣтъ». Офицеры разъясняли имъ причины этой мѣры, возможно осторожнѣе касаясь смерти, такъ какъ тема эта была слишкомъ не по духу минуты, и вслѣдствіе ли этихъ объясненій или массы занятій, но черезъ нѣсколько дней они забыли объ этомъ—а можетъ быть и освоились. Но во всякомъ случаѣ, нужно было бы взвѣсить пользу и практичность этой мѣры—быть можетъ, она не на столько велика, чтобы нельзя было ею пожертвовать, уступивъ народнымъ обычаямъ и вѣрованіямъ.

1-го августа прибыли въ батарею на укомплектованіе ея изъ запаса 29 человѣкъ; народъ все здоровый, по преимуществу послѣднихъ выпусковъ и служившихъ въ 5-й же и 3-й нашихъ батареяхъ. Сейчасъ же было приступлено къ обмундированію и вооруженію ихъ изъ неприкосновеннаго запаса, всегда хранящагося въ цейхгаузѣ батареи. Вслѣдствіе того, что они были въ большинствѣ недавно выпущенные и что они составляли относительно малый процентъ къ дѣйствительно служащимъ—батарея по фронтовой стройности не измѣнила наружности. Слабой стороной у этихъ людей была ихъ собственная обувь [1]).

1-го же августа поступило на пополненіе въ батарею изъ Петербурга по конской повинности 79 лошадей. 10 считавшихся строевыми, 64 артиллерійскими и 5 подъемными. Изъ всѣхъ 79 лошадей было 1 кобыла, 16 мериновъ и 62 жеребца. Эта масса жеребцовъ на долгое время была страшнымъ горемъ для батареи, рождала много затрудненій и даже несчастій съ людьми, а особенно съ лошадьми [2]).

---

[1]) Въ приложеніи § 3 высказано мнѣніе по этому поводу.

[2]) Въ приложеніи § 4 высказаны причины этому.

По прибытіи людей и лошадей былъ сдѣланъ боевой разсчетъ людямъ и лошадямъ по запряжкамъ.

Люди, прибывшіе изъ запаса, какъ немного уже отставшіе отъ артиллерійскаго дѣла, большею частью попали въ ѣздовые, къ обозу и запасными, исключая бывшихъ наводчиковъ, которые поставлены были во фронтъ.

Молодые солдаты послѣдняго набора были перемѣшаны по всюду со старослуживыми.

Лошади, поступившія по конской повинности, безъ исключенія, пошли въ ящики 2-го эшелона, въ обозъ и заводными. По сдѣланіи разсчета, всякій солдатъ получилъ на свою отвѣтственность все имущество, подлежащее ему по мѣсту въ разсчетѣ, по его должности и обязанностямъ. Приведенныхъ лошадей сейчасъ же начали ковать, пригонять на нихъ сбрую, и съѣзжать ихъ; тутъ-то и оказалось еще болѣе горя отъ жеребцовъ—особенно при обозной запряжкѣ четверкой въ рядъ.

Одновременно съ этимъ начали укладку обоза [1]) интендантскаго, артиллерійскаго и артиллеріи, т. е. запасныхъ частей ея и шанцеваго инструмента. При укладкѣ обоза болѣе всего затруднили своею тяжестью—вторая пара артиллерійскихъ колесъ и запасныя оси, тѣмъ болѣе, что батарея брала съ собою много тяжестей сверхъ положенія, которыя командиръ батареи, полковникъ Безакъ, считалъ крайне необходимыми, какъ это въ кампаніи и подтвердилось; такъ, напримѣръ, кругъ подковъ на всѣ 246 лошадей—всего 984 подковы—что составляло 23 пуда [2]), два боченка подковныхъ гвоздей—9 пудовъ [3]), запасъ ремней, кожи, войлока, веревокъ, поддышленныхъ канатовъ, коломази, запасныя вещи по обмундированію и другія мелочи. Чтобы уложить всѣ эти тяжести, не обременяя обоза, рѣшено было помѣстить все это въ артиллерійскую телегу въ которой полагается возить зерновой фуражъ на артиллерійскихъ лошадей; 2 интендантскія фуры, 1 артельная, 1 для письменныхъ дѣлъ

[1]) Въ приложеніи § 5 высказанъ взглядъ на практичность укладываемыхъ вещей и удобства формы обоза.

[2]) Кромѣ этого были розданы на руки $^1/_2$ круга (т е. 2 подковы), которыя и были уложены съ соотвѣтствующимъ количествомъ гвоздей въ корманчики потника.

[3]) Въ приложеніи § 6 изложенъ взглядъ о доставкѣ во время кампаніи интендантствомъ въ войска подковъ и гвоздей натурой, а не деньгами.

и денежнаго ящика, 1 лазаретная линейка и 2 офицерскія—были уложены по утвержденной формѣ. Но къ положеннымъ продуктамъ было прибавлено 4 пуда соли [1])

Впродолженіи этого періода мобилизаціи, въ вечерніе часы были собираемы молодые солдаты послѣдняго набора и поступившіе по призыву и имъ офицеры повторяли, артиллерійское дѣло. Собирали также и фейерверкеровъ, которымъ напомнили тактическія правила объ употребленіи артиллеріи въ бою, правила стоянки на бивуакахъ, движеніе походомъ и передвиженія по желѣзнымъ дорогамъ.

4-го августа приведеніе батареи на военное положеніе было окончено, и люди приступили къ укладкѣ оставшагося батарейнаго имущества, а затѣмъ принялись и за свое хозяйство; но очень многіе солдаты, особенно старыхъ сроковъ, не захотѣли оставить на сохраненіе свои вещи и все это понесли на базаръ; какъ ихъ не уговаривали офицеры, «вернешься тѣ же вещи будешь покупать въ три дорога, за что теперь тебѣ едва десятую долю даютъ», но въ большинствѣ случаевъ получали одинъ отвѣтъ «вернешься, либо нѣтъ, Ваше Высокоблагородіе, а тутъ ужъ вѣрныя деньги—либо самъ проживу, либо домой пошлю» и дѣйствительно имѣвшіе деньги, или сдавали ихъ въ казенный ящикъ, или отправляли домой. Улицы около казармъ въ это время представляли видъ самаго оживленнаго и бойкаго базара; солдатъ несъ сюда все, что у него не уложилось или что онъ не имѣлъ права уложить въ чемоданчикъ и кабуры. Покупщики, пользуясь, конечно, такой массой предложеній давали за все баснословно низкія цѣны. Въ батареѣ, впрочемъ, строго слѣдили, чтобы люди не продавали того, что должны были взять съ собою; но такъ какъ они должны были имѣть 2 пары сапогъ, а многіе имѣли по 3 и 4 пары, то въ продажѣ излишняго имъ и не дѣлали препятствія; а на этотъ товаръ ихъ покупщики и подбивали больше всего, такъ какъ на него былъ большой спросъ въ Михайловскомъ манежѣ, гдѣ собирались безсрочные.

5-го августа былъ сдѣланъ разсчетъ батареи на 2 эшелона, такъ какъ 7-го августа батарея должна была выступить въ по-

[1]) Въ приложеніи § 7 изложенъ взглядъ о довольствіи во время кампаніи солью натурой, а не въ числѣ приварочныхъ денегъ.

ходъ, по желѣзной дорогѣ, двумя эшелонами. Потомъ люди остриглись короче обыкновеннаго и сходили въ баню. Этимъ актомъ окончательно закрѣплялся конецъ мобилизаціи.

6-го августа, въ день обще-артиллерійскаго праздника, начальникъ артиллеріи гвардейскаго корпуса, генералъ-адъютантъ Жуковскій, произвелъ смотръ батареѣ съ полной походной укладкой и въ боевомъ разсчетѣ. Послѣ смотра, тутъ же на преображенскомъ плацу, былъ отслуженъ напутственный молебенъ, гдѣ каждый, поручая себя Всевышнему, горячо молился за успѣхъ предстоявшаго ему великаго дѣла.

День былъ совершенно ясный и теплый, но во время колѣнопреклоненія набѣжала тучка и въ нѣсколько минутъ крупнымъ дождемъ промочила насъ всѣхъ насквозь; въ претензіи на это никто не былъ, а, напротивъ, всѣ сочли это хорошимъ предзнаменованіемъ; а служившій молебенъ священникъ, въ своей напутственной рѣчи, прибавилъ, что дождь этотъ окрестилъ насъ на будущую трудную походную и славную боевую жизнь.

Послѣ молебствія командиръ батареи, полковникъ Безакъ, обратился къ батареѣ съ краткою рѣчью, въ которой яркими красками обрисовалъ то великое дѣло, на которое ведетъ насъ нашъ обожаемый Монархъ, напомнилъ прошлую боевую славу русскаго оружія и то, что юной батареѣ [1]), не имѣвшей еще боевого прошлаго, предстоитъ создать себѣ ту же славу, которою въ правѣ гордится всякая старая часть, и заработать спасибо Царя, за благоденствіе котораго и грянуло ура. Остатокъ дня батарея провела въ прощаніи съ товарищами другой батареи, оставшейся въ городѣ, съ родными и знакомыми.

4-го августа были отправлены по желѣзной дорогѣ подпоручикъ Кузьминъ-Караваевъ съ фуражирами и хлѣбопеками, для заготовленія по пути продуктовъ, ежели таковыя не доставлялись бы отъ интендантства, а на конечномъ пунктѣ слѣдованія по желѣзной дорогѣ, въ Жмеринкѣ, заготовить фуражъ, испечь хлѣбъ и занять бивуакъ.

---

[1]) 5-я батарея сформирована была 2 года назадъ, въ 1875 году.

Походъ по желѣзной дорогѣ.

7-го августа батарея выступила въ походъ по Варшавской желѣзной дорогѣ, по плану изъ Главнаго Штаба [1]), двумя эшелонами, въ двухъ поѣздахъ; 1-й эшелонъ—въ 7 часовъ утра, 2-й—въ 2 часа дня.

Для нагрузки батарея была раздѣлена по эшелонно слѣдующимъ образомъ: въ 1-мъ: 1-й и 2-й взводы и вся артиллерія—6 орудій и 6 ящиковъ съ упряжными лошадьми; всего 128 человѣкъ, 130 лошадей и 12 повозокъ, подъ нихъ было дано 17 вагоновъ конскихъ, 3 людскихъ, 1 II класса офицерскій, 1 для фуража и тяжестей и 6 платформъ для артиллеріи всего 28 вагоновъ. Начальникомъ эшелона назначенъ былъ поручикъ Леонтьевъ, при немъ находились офицеры, подпоручики: Чичаговъ 3-й и Шереметевъ, при этомъ эшелонѣ ѣхалъ также и командиръ батареи, флигель-адъютантъ полковникъ Безакъ.

Во 2-мъ эшелонѣ 3-й взводъ, запасныя лошади, весь обозъ [2]) съ упряжными лошадьми, запасный лафетъ и вся пестроевая команда. Всего 127 нижнихъ чиновъ, 123 лошади и 12 повозокъ; подъ нихъ дали 16 конскихъ вагоновъ, 4 людскихъ, 1 II класса офицерскій, 1 для фуража и багажа и 4 платформы для повозокъ всего 25 вагоновъ. Начальникомъ эшелона былъ капитанъ Мартыновъ, при немъ состояли офицеры: подпоручикъ Мезенцевъ 1-й и вольноопредѣляющіеся Зволянскій и графъ Бревернъ де-ла Гарди.

Еще 6-го августа въ батареѣ былъ сдѣланъ разсчетъ по эшелонно и въ каждомъ эшелонѣ людей и лошадей по вагонамъ, а также были повторены правила нагрузки. Въ каждый эшелонъ были распредѣлены по ровну: кузнецы, плотники, шорники, артельщики, хлѣбодары, фуражиры, коновалы, фельдшера и писаря, и всѣ они, а особенно послѣдніе, три были снабжены всѣмъ необходимымъ по ихъ спеціальностямъ. Каждый эшелонъ выступилъ изъ казармъ за три часа до отхода. Самая же нагрузка, несмотря на страшную возню съ жереб-

[1]) Планъ передвиженія батареи по желѣзной дорогѣ приложенъ въ концѣ.

[2]) 3 артиллерійскихъ повозки, 2 интендантскихъ, 1 артельная, 2 офицерскихъ, 1 лазаретная линейка, 1 аптечная одноколка, 1 денежный ящикъ.

цами, и на относительно малое число людей сравнительно съ числомъ лошадей и повозокъ въ конной артиллеріи, продолжалась 1 часъ и 5 минутъ. Только усѣвшись въ вагоны, люди предались полному отдыху послѣ усиленнаго и хлопотливаго двухъ-недѣльнаго труда по мобилизаціи. Во время слѣдованія, особенное вниманіе было обращено на гигіеническія условія; и такъ какъ это было въ августѣ, когда фрукты едва дозрѣвали, то при всѣхъ остановкахъ обязанность дежурнаго была прогонять торговцевъ съ недозрѣлыми плодами, за чѣмъ офицеры строго слѣдили, да и зрѣлыхъ не позволяли много разомъ покупать, особенно огурцовъ; не позволяли часто пить сырую воду, рекомендуя побольше употреблять чай, для предоставленія пользованія которымъ, были употреблены всѣ средства, чтобы не было затрудненія ни въ кипяткѣ, ни въ самомъ продуктѣ. Съ заходомъ солнца обязательно было всѣмъ надѣвать мундиры или шинели. Несмотря, однако, на всѣ предосторожности, одинъ человѣкъ заболѣлъ холериной, и былъ оставленъ въ военномъ госпиталѣ г. Могилева. Впродолженіи всего пути, люди довольствовались горячею пищею по положенію, изъ котла на продовольственныхъ пунктахъ; въ большинствѣ случаевъ, пища была приготовлена очень хорошо. Относительно лошадей наблюдали, чтобы вагоны не были закупорены, но во избѣжаніе сквознаго вѣтра не позволяли отодвигать разомъ обѣ двери. Поили лошадей почаще, но понемногу; а чтобы онѣ жадно не тянули, въ ведро поверхъ воды клали сѣно. Во время семидневнаго переѣзда отъ Петербургѣ до Жмеринки, два раза дѣлали проѣздку—въ Динабургѣ и Бѣлостокѣ, а въ остальные дни, для остраненія отека ногъ утромъ и вечеромъ растирали ноги скрученной соломой.

Фуражъ получали изъ интендантскихъ складовъ [1]), который принимали фуражиры, отправленные съ подпоручикомъ Кузьминъ-Караваевымъ впередъ, по пути слѣдованія батареи. На станціи Казатинъ Кіево-Брестской желѣзной дороги, мы въ первый разъ встрѣтили санитарный поѣздъ съ ранеными; нужно было видѣть, съ какимъ теплымъ участіемъ отнеслись къ нимъ наши солдатики и съ какой сердечной вѣжливостью распра-

[1]) Сѣно было хорошее, но овесъ почти всюду, а особенно въ Динабургѣ, былъ легковѣскій, пыльный и затхлый.

шивали этихъ первыхъ героевъ войны, но во всякомъ случаѣ встрѣча эта была непріятна: между ними были раненые подъ первой Плевной, увозившіе съ собою на родину тяжелое чувство неудачнаго боя, что сильно отражалось въ ихъ разсказахъ. Видъ же и устройство самаго санитарнаго поѣзда произвелъ самое благопріятное впечатлѣніе. Солдаты воочію увидѣли то стараніе, которое прикладывается для облегченія ихъ участи.

На этой же станціи батареѣ былъ предложенъ прекрасный обѣдъ съ виномъ и пивомъ, кромѣ этого каждому солдату—пакетъ чаю, сахару и табаку—все это отъ жены командира батареи, Маріи Федоровны Безакъ, имѣніе которой находится вблизи этой станціи. А на дорогу батарея получила отъ нея еще прекраснаго малороссійскаго сала, которое впослѣдствіи сослужило громадную услугу, такъ какъ случайно сохранилось до самаго перехода черезъ Балканы.

13-го августа, послѣ 7-мидневнаго переѣзда по желѣзной дорогѣ, мы прибыли въ Жмеринку—гдѣ насъ встрѣтилъ подпоручикъ Кузьминъ-Караваевъ съ выбраннымъ мѣстомъ для бивуака, заготовленнымъ фуражемъ и хлѣбомъ. Въ Жмеринкѣ собралась вся 2-я Гвардейская Кавалерійская Дивизія съ ея артиллеріею, и отсюда она ужъ пошла походнымъ порядкомъ, эшелонами побригадно. 5-я батарея пошла съ Л.-Гв. Гусарскимъ Его Величества и Л.-Гв. Уланскимъ полками.

Движеніе походнымъ порядкомъ по Россіи.

14-го августа, 5-я батарея пошла по маршруту [1]) походнымъ порядкомъ, въ составѣ 2-й бригады 2-й Гвардейской Кавалерійской дивизіи. Но, чтобы не стѣснять движенія, части шли на большомъ разстояніи, имѣя весь свой обозъ непосредственно за каждою частью. Первый переходъ отъ Жмеринки до г. Шаргорода былъ очень тяжелъ, хотя по маршруту и значилось 37 верстъ — но въ дѣйствительности былъ никакъ не менѣе 45 в. и не такъ еще утомителенъ былъ своею величиною, какъ тѣмъ, что лошади, набранныя по конской повин-

[1]) Маршрутъ приложенъ въ концѣ.

ности, не были достаточно съѣзжены; поминутно приходилось останавливаться, чтобы перепрягать—то та нейдетъ подъ рукой, другая не везетъ въ переднемъ выносѣ, третья надрывается подъ сѣдломъ, четвертая не сдерживаетъ съ горы въ корню, жеребецъ радъ всегда валыки порвать; приходилось ихъ перепрягать сообразно темпераментамъ, привычкамъ и полу; а тутъ еще отъ неснаровки укладывать, что нибудь развязывалось или расшатывалось; все это отнимало много времени, такъ что на ночлегъ пришли и люди, и лошади очень усталые, да къ тому же и очень поздно, а на завтра опять переходъ, по маршруту въ 42 в., что на нашъ языкъ обозначало всѣ 50. На ночлегѣ, чтобы не нарушать укладки, люди не хотѣли было отвязывать палатки отъ ящиковъ и орудій; но, продѣлавъ это раза два, три, они ужъ потомъ не видѣли въ этомъ затрудненія и были очень довольны имѣть ихъ всегда при себѣ [1]). И вообще пройдя перехода 4, когда лошади легли въ хомуты, потянули ровно, люди пріобрѣли практическія снаровки—то походъ составлялъ уже пріятную прогулку. Выступали обыкновенно съ начинающейся жарой въ 7 часовъ, а приходили на ночлегъ въ вечернюю прохладу между 4 и 6 часами, дѣлая въ часъ почти 6 верстъ не считая приваловъ Во время слѣдованія, были принимаемы всѣ мѣры для облегченія и уравненія тягости похода—особенно въ виду того форсированнаго марша, которымъ насъ вели [2]). Пройдя верстъ 6, обыковенно дѣлали маленькій привалъ, минутъ на 5, въ это время люди и лошади оправлялись, подтягивались подпруги; подвязывались разныя разболтавшіеся ремешки и т. п. Потомъ пройдя болѣе половины перехода, дѣлался большой привалъ минутъ въ 20; тутъ люди съѣдали свою порцію мяса, выдаваемую имъ при выступленіи съ бивуака, и утоляли жажду, по преимуществу арбузами, которые въ это время совершенно поспѣли, и отличались и дешевизной; а такъ какъ плодъ этотъ, по заключенію врачей и по выводамъ практики, оказывался вполнѣ безвреднымъ, то и упо-

[1]) Для конно-артиллериста палатки эти были новостью, такъ какъ во время красносельскихъ маневровъ, весь Гвард. Корпусъ пользовался ими, исключая Конной артиллеріи—которая и мокла всегда подъ дождемъ—тогда какъ другіе были укрыты.

[2]) Въ приложеніи § 8 выяснены подробнѣе тѣ условія, въ которыя стали по случаю форсированнаго марша и мѣры, принимаемыя для облегченія.

требленіе его солдатами не только не преслѣдовалось (какъ употребленіе сливъ и кислыхъ яблокъ), но напротивъ поощрялось [1]). Послѣ большого привала, шли не менѣе версты пѣшкомъ—а потомъ, не доходя верстъ 3-хъ до ночлега, еще столько же пѣшкомъ. Такого порядка придерживались при переходахъ, не болѣе 35 верстъ. При тѣхъ же, которые были болѣе 35 верстъ—порядокъ слѣдованія немного измѣнялся—на большомъ привалѣ люди получали кромѣ мясной порціи, еще кашицу, которая къ приходу батареи приготовлялась высланнымъ впередъ, часа за два, на обывательской подводѣ, помощникомъ кашевара. Послѣ завтрака люди наскоро поили лошадей, и сейчасъ же трогались; на все это уходило $\frac{1}{2}$ часа. По серединѣ второй половины пути, дѣлался еще маленькій привалъ, минутъ въ 5—10.

На ночлегахъ батарея, во время похода, останавливалась бивуакомъ, а не по квартирамъ, хотя кавалерія почти черезъ день становилась по квартирамъ [2]). Подходя къ мѣсту ночлега, батарею всегда встрѣчали квартиръеры: 1 офицеръ, 1 унтеръ-офицеръ и 3 рядовыхъ, которые и указывали бивуакъ. Для этого, какъ только батарея располагалась на бивуакѣ, взводные фуражиры получали фуражъ отъ батарейнаго фуражира, помощникъ артельщика принималъ отъ артельщика сваренный обѣдъ и хлѣбъ, и сейчасъ же ѣхали верхами на слѣдующій ночлегъ—очередный офицеръ (для выбора мѣста бивуака, сообщенія подлежащимъ властямъ о приходѣ батареи, полученіе справочныхъ цѣнъ на фуражъ и продукты, и истребованія обывательскихъ подводъ), 4 квартиръера, 2 фуражира для закупки фуража [3]) и 1 артельщикъ для закупки приварка, дровъ и полученія хлѣба отъ товарищества по продовольствію войскъ. Когда батарея располагалась на бивуакѣ, то люди, задавши сѣно, сейчасъ же шли обѣдать и тогда, опорожнивъ котлы,

[1]) Поощреніе это выражалось въ томъ, что командиръ батареи и офицеры угощали солдатъ не водкой, а арбузами. Ежели по времени перехода видѣли, что скоро надо дѣлать большой привалъ,—а по дорогѣ встрѣчался баштанъ (арбузный огородъ), то батарею останавливали минутъ на 5, чтобы люди могли купить арбузовъ, не выѣзжая изъ фронта на ходу.

[2]) Причины этому высказаны въ приложеніи § 9.

[3]) Фуражъ покупался частями у мѣстныхъ обывателей, согласно приказа начальника 2-й Гв. Кавалерійской дивизіи генералъ-маіора Гурко.

кухня укладывалась въ артельную телѣгу и отправлялась на слѣдующій ночлегъ; пройдя съ вечера часть перехода, ночевали въ деревнѣ по пути и раннимъ утромъ оканчивали переходъ, приходя такимъ образомъ на мѣсто часа за 4 до прихода батареи, время совершенно достаточное для приготовленія обѣда.

Ежели предстоялъ переходъ болѣе 35 верстъ, то съ вечера вмѣстѣ съ артельной телѣгой отправляли и обывательскую пароконную, на которой укладывался котелъ для каши и продукты къ кашицѣ; съ телѣгой этой ѣхалъ второй кашеваръ съ унтеръ-офицеромъ, и на другой день по серединѣ перехода въ назначенномъ для привала мѣстѣ, они останавливались, варили кашицу и ждали батарею; а съ привала, телѣга эта уже шла съ батареею. Батарея выступала съ бивуака обыкновенно въ 7 часовъ утра, а съ разсвѣтомъ, отправляли впередъ обывательскія воловьи подводы (требуемыя по положенію за контрамарки) съ тяжестями и съ ними отправляли больныхъ лошадей и запасныхъ пѣшихъ людей. Пищу людямъ обыкновенно варили и раздавали такъ: на бивуакѣ варились щи съ кашей, въ щи клали по 1 ф. говядины на человѣка [1]), выдавались же за обѣдомъ полуфунтовыя порціи и $1^1/_2$ ф. хлѣба, а остальныя $1^1/_2$ ф. хлѣба и вторая полуфунтовая порція сдавались артельщикомъ дежурному фейерверкеру, который и раздавалъ это людямъ при выступленіи—для завтрака на привалѣ. По утрамъ люди заваривали въ котелкахъ чай. Ежели же предстоялъ большой переходъ, съ варкой кашицы на привалѣ, то въ этотъ день за обѣдомъ на ночлегѣ каша уже не варилась. Водку давали во время похода на ночь [2]), а на дневкахъ и долгихъ стоянкахъ за раннимъ завтракомъ и обыкновенно въ водку всыпали хинины, съ такимъ разсчетомъ, чтобы на каждаго человѣка приходилось около $1^1/_2$ грана.

Во время дневокъ, всякій разъ начинали день съ тѣлеснаго осмотра людямъ; (такъ какъ при батареѣ доктора не было,

---

[1]) За время похода и кампаніи постной пищи не готовили.

[2]) Водку давали вечеромъ потому, что на югѣ рѣзкая перемѣна температуры дня и ночи къ чему наши сѣверяне не привыкли, а чарка водки вечеромъ ихъ согрѣвала. Кромѣ того, ежели давать водку на привалѣ, или утромъ, то во время перехода, подъ вліяніемъ жгучихъ лучей солнца, она сильнѣе дѣйствовала на голову, люди дремали въ сѣдлахъ, качались, набивали лошадей, да и сами болѣе разламывались и болѣли у нихъ голопы.

то медицинская часть въ ней, была поручена младшему доктору Лейбъ-Гусарскаго полка Шевелеву, который въ высшей степени добросовѣстнымъ и гуманнымъ отношеніемъ къ дѣлу, заслужилъ общую любовь и расположеніе, какъ офицеровъ, такъ и солдатъ). Потомъ дѣлалась выводка лошадямъ для осмотра ковки, набивокъ, обжоговъ отъ хомута и т. п. увѣчій. За вечерней же уборкой осматривалось бѣлье у солдатъ, которое они обязательно должны были вымыть на всякой дневкѣ.

Сдѣлавъ такимъ образомъ семидневный походъ, мы 20-го августа пришли въ м. Скуляны на границу Румыніи. Прійдя въ Скуляны, еще не становясь на бивуакъ, батарея съ полками 2-й бригады выстроилась для смотра начальника дивизіи генералъ-маіора Гурко. На смотру батарея проходила въ одно орудіе, номера по одному за батареею, весь обозъ, всѣ заводныя лошади и запасные люди. Хотя командиръ батареи и получилъ благодарность за бодрый, здоровый видъ людей, исправность матеріальной части и тѣла лошадей — отъ начальника дивизіи генералъ-маіора Гурко, который не очень-то щедръ на нихъ, но мы сами съ прискорбіемъ видѣли, что смотръ этотъ не тотъ обычный, опрятный и блестящій, да и тѣла лошадей не Петербургскія; правда, реберъ не было видно, но за то животики подобрали. Эта разница взглядовъ—генералъ-маіора Гурко и нашего—понятна; генералъ-маіоръ Гурко только что окончилъ тогда свой первый забалканскій походъ, и смотрѣлъ на вещи съ точки зрѣнія боевыхъ требованій, а а мы же все еще были подъ впечатлѣніемъ мирныхъ привычекъ и обычаевъ.

Послѣ смотра генералъ-маіоръ Гурко обратился къ батареѣ съ краткой и свойственной ему энергичной рѣчью, упомянулъ о предстоящихъ большихъ трудахъ и могущихъ быть лишеніяхъ, высказалъ полную увѣренность, что батарея покажетъ себя молодцомъ и пожелалъ ей счастья. Слова эти, сказанныя голосомъ строгимъ, отрывистыми фразами, и гармонирующая съ этимъ его величественно-начальническая осанка и молодецкій видъ на прекрасномъ боевомъ конѣ... произвели сильное впечатлѣніе на людей, и рѣшительное и зычное; «постараемся, ваше превосходительство», вырвалось изъ батареи, какъ изъ одной груди; веселость въ крикѣ этомъ не звучала!

но онъ былъ совершенно въ тонъ къ вызвавшимъ его словамъ: тонъ этотъ — строго дисциплинарное сознаніе исполненія долга!

Во время 3-хъ дневной стоянки въ Скулянахъ, къ обычнымъ занятіямъ дневокъ прибавили: пересмотръ боевого комплекта, и провѣрки прицѣльныхъ линій орудій; тутъ же пришлось оставить 2-хъ искалѣченныхъ лошадей [1]).

Во время купанія въ пограничной рѣчкѣ Прутѣ, солдатики много трунили надъ впервые видѣнномъ ими румынскомъ Каларашѣ; особенно досталось его плохой выправкѣ, башмакамъ и уродливой мѣховой шапкѣ. Но насмѣшки эти имѣли характеръ шутокъ дядьки съ новобранцемъ. Солдаты знали, что армія эта еще молодая и необстрѣленная, и многіе съ молодецкою увѣренностью говорили: «ничего, какъ потрутся около насъ—такъ выправятся и будутъ солдаты... да чего и не быть... тоже вѣдь христіашинъ».

23-го августа былъ послѣдній бивуакъ на русской землѣ. Итого съ 14-го числа въ 7 дней мы прошли 220 верстъ, имѣя 1 дневку. За все время этого похода, войска были встрѣчаемы и провожаемы жителями съ теплымъ радушіемъ; проходя черезъ деревни, по всей улицѣ, жители стояли съ фруктами, хлѣбомъ, водой и зачастую молокомъ, предлагая все это безвозмездно и напутствуя крестомъ.

У мѣстныхъ властей и управленій всегда встрѣчали полное содѣйствіе во всѣхъ нуждахъ.

Походъ по Румыніи.

24-го августа въ 7 часовъ утра мы на-долго простились съ русской землею [2]). Начальникъ дивизіи, генералъ-маіоръ

[1]) Въ приложеніи § 10 сообщены свѣдѣнія о характерѣ болѣзней и количествѣ заболѣвшихъ и пришедшихъ въ негодность лошадей. за время похода и кампаніи.

[2]) Поднимаясь съ послѣдняго бивуака въ Россіи, въ Скулянахъ можно было видѣть, какъ многіе солдаты зашивали въ ладонку горсточку земли, и слышались подобные разговоры: «А ты что же, Козловъ?» (или другая фамилія). «Да я еще изъ Питера взялъ». Въ этомъ обычаѣ ясно высказывается святая привязанность русскаго человѣка къ своей родинѣ; ужъ ежели ему придется умереть и быть похороненнымъ на чужбинѣ, то хоть щепотка род-

Гурко, въ головѣ своей дивизіи, первый, переѣхавъ мостъ черезъ рѣку Прутъ, вступилъ на иноземную почву; хотя иноземцы эти и были наши союзники, но въ ту минуту земля ихъ составляла еще подвластную Турціи территорію. Проѣхавъ мостъ, генералъ-маіоръ Гурко, пропуская мимо себя дивизію, напутствовалъ насъ добрымъ пожеланіемъ. Солдатъ, вступая на румынскую землю, особенно какъ-то подтягивался; это не было то молодцоватое подтягиваніе, которое обыкновенно дѣлается, проходя мимо начальства; это ужъ былъ геройскій видъ, во взглядѣ и осанкѣ этой выражалось убѣжденіе въ силѣ и могуществѣ той арміи, къ которой онъ принадлежитъ.

По Румыніи мы опять пошли форсированнымъ маршемъ, переходы большіе, дневки рѣдкія отъ границы до Дуная прошли 472 версты въ 16 дней и имѣли 3 дневки. По этому пути мы уже не встрѣчали того радушія и содѣйствія, какъ на родинѣ; сельскія обыватели смотрѣли и относились къ намъ не то что недружелюбно, а какъ-то запуганно, а среднее и высшее городскія сословія выказывали исключительно еврейское желаніе поживиться и поэксплуатировать. Къ тому же румынскій языкъ такъ сильно разнится съ русскимъ, что ни одного слова не попадается хотя близко подходящаго къ нашему, это еще больше отдаляло отъ нихъ нашихъ солдатъ: «они хуже чухонца», говорили солдаты, «тотъ хоть понимаетъ по нашему коли самъ не говоритъ, а этотъ и крестится по нашему, да ничего не понимаетъ». Къ тому же и дороговизна пошла страшная, вслѣдствіе уплаты за все золотомъ и серебромъ, да и размѣнное серебро тоже не шло по нашему курсу. Этого солдаты никакъ не могли понять и негодовали на жидовское отродіе, не принимавшее ихъ кредитокъ; впрочемъ, мы (офицеры) и не посвящали солдатъ въ тайны финансовой политики, объясняя имъ этотъ фактъ тѣмъ, что румыну не куда сбыть наши деньги, а что они четвертакъ, цѣлковый и золотой берутъ по настоящей цѣнѣ, то это потому что монеты эти совершенно подходятъ по размѣру къ ихнимъ монетамъ.

ной земли чтобы около него лежала, а то, по народному повѣрію, душа мѣста не найдетъ и все будетъ странствовать.

Солдаты, впрочемъ, привыкли очень скоро къ расчету своихъ денегъ на ихъ счетъ, при этомъ очень зорко слѣдили чтобы не обсчитать «несчастнаго румына» и въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда это бывало, всегда товарищи или отнимутъ не вполнѣ уплоченную покупку, или заставятъ доплатить, порядкомъ пристыдивъ виновнаго. Помнимъ такой фактъ: коренной хохолъ, фейерверкеръ Чикирисъ покупаетъ арбузъ на баштанѣ (арбузный огородъ); румынъ проситъ за него, на наши деньги около 2-хъ копѣекъ; Чикирисъ съ видомъ знатока посмотрѣлъ на арбузъ, взвѣсилъ его на рукѣ, кладетъ ему 5 к. и хочетъ уходить, офицеръ и говоритъ ему: зачѣмъ же ты платишь 5 к.. когда онъ спрашиваетъ всего 2? «Да онъ, ваше высокоблагородіе, ничего не понимаетъ, развѣ можно такой арбузъ продавать за 2 к.», съ тѣмъ и ушелъ. Развѣ въ этомъ не сказывается широкая и честная натура русскаго человѣка? Для удобства размѣна, войска получили изъ Ясскаго казначейства по рублю на каждаго солдата курсоваго серебра въ обмѣнъ на бумажки, да командиръ батареи отъ себя размѣнялъ имъ еще по рублю, а фейерверкерамъ по 5 рублей; выдавъ, конечно, рубль за рубль. Идя по Румыніи пришлось проходить мѣста запечатлѣнныя въ исторіи русскаго оружія, Рымникъ, Фокшаны, Бухарестъ. Проходя по этимъ мѣстамъ офицеры разсказывали славные походы Дибича и Суворова [1]).

30-го августа, въ день тезоименитства Государя Императора, при выходѣ съ бивуака у Бырлада, эшелонъ нашъ выстроился покоемъ за городомъ, и здѣсь былъ отслуженъ благодарственный молебенъ.

7-го сентября, переходя изъ м. Сафтикъ въ м. Махалешти, проходили черезъ г. Бухарестъ; особенныхъ овацій и торжествъ мы не видѣли, народу толпилось немного, и букеты были какъ рѣдкость. Солдаты даже рады были, что столица Румыніи такая невзрачная; «по народу и столица», говорили они, «гдѣ же имъ до насъ». Проходомъ черезъ г. Бухарестъ

[1]) Особенно интересны были разсказы командира батареи, флигель-адъютанта полковника Безака. Онъ, будучи въ военной академіи, основательно и подробно изучилъ эту исторію, и кромѣ того войну 1828 и 29 годовъ, такъ какъ объ ней, въ началѣ нынѣшней кампаніи, онъ дѣлалъ въ Петербургѣ сообщеніе офицерамъ Гвард. Конной Артиллеріи

у Киселевскаго сада войска смотрѣлъ генералъ-адъютантъ Дрентельнъ, и несмотря на его строгій и умѣлый взглядъ на вещи, видомъ батареи онъ остался доволенъ [1]).

Вновь повеселѣли солдатскія лица, увидѣвшія на чужбинѣ знакомаго имъ начальника и услышавъ отъ него бравое и сердечное слово. 10-го сентября за одинъ переходъ до р. Дуная въ г. Александріи имѣли дневку. Тутъ начальникъ дивизіи генералъ-лейтенантъ Гурко сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія въ составѣ и хозяйствѣ частей, клонившіяся къ развитію и облегченію подвижности дивизіи въ виду предполагавшагося тогда, быстраго движенія дивизіи за Балканы, для чего приказалъ:

1) Сократить обозъ;—батарея должна была оставить одну интендантскую телѣгу, и одну для казны и письменныхъ дѣлъ. На всѣ долженствующія быть въ частяхъ телѣги выданы были изъ Штаба дивизіи нумерованныя чугунныя дощечки (№ 00,2-ой Гв. К. Д.). Нумерація шла по всей девизіи. Безъ этой дощечки ни одна телѣга не могла идти въ обозѣ, за Дунай.

2) Ограничиться частямъ крайне необходимымъ числомъ запасныхъ пѣшихъ людей, дабы они не затрудняли собою движеніе кавалерійскихъ частей, и по преимуществу людей слабосильныхъ оставить. Батареѣ былъ сдѣланъ докторскій осмотръ и отобраны люди послабѣе; всего оставлено было 25 нижнихъ чиновъ.

3) Оставить чемоданчики со второй парой мундировъ, рейтузъ, сапогъ и 3-ей парой бѣлья.

4) Всѣ лишнія тяжести батарейнаго хозяйства: письменныя дѣла—исключая крайне необходимаго, лазаретное бѣлье, лишнюю одежду и посуду и т. п. оставить [2]). Ветеринарныя пособія и медикаменты тоже приказано оставить, причемъ генералъ лейтенантъ Гурко выразился такъ: «Тамъ некогда будетъ лѣчить лошадей; придется ихъ бросать или пристрѣливать». Команда эта, со всѣмъ оставляемымъ имуществомъ была поручена инвалидному офицеру Л.-Гв. Уланскаго полка. Остав-

---

[1]) Генералъ-адъютантъ Дрентельнъ всегда былъ популяренъ въ гвардейскомъ корпусѣ, какъ начальникъ строгій, правдивый, хорошо знающій службу, и любящій и берегущій солдата.

[2]) Въ приложеніи § 11 высказаны выгоды и неудобства, происшедшія изъ этой мѣры.

ленныя люди были снабжены отъ батареи 8-ми дневнымъ провіантскимъ запасомъ, аттестатомъ на довольствіе, и на продовольствіе авансовой суммой по 1 франку на человѣка въ день на 2 мѣсяца. Лошадей оставшихся отъ упраздненныхъ телѣгъ приказано было употребить на припряжку къ четверочнымъ телѣгамъ; такъ что у насъ всѣ четверочныя телѣги пошли шестерикомъ, а парныя—четверкою.

11-го Сентября подошли къ Зимницѣ на Дунаѣ, тутъ ужъ на насъ пахнуло войной. За частую стали попадаться по дорогѣ палые волы и лошади поденщиковъ [1]). Передъ самой Зимницей громадные артиллерійскіе и интендантскіе склады; въ самыхъ улицахъ Зимницы—пыль, гамъ, шумъ, суета и бѣготня; этапныя команды, санитары, разные торгаши, поставщики, еврейчики, казенныя фуры, загорѣлыя и оборванныя на измученныхъ лошаденкахъ погонщики, кареты краснаго креста, все это между собой перепуталось, смѣшалось и все куда-то спѣшило съ крикомъ, бранью и пощелкиваніемъ кнута по всѣмъ по тремъ. Голова пошла кругомъ, глядя на эту повидимому безтолковую и безпорядочную суету.

Батарею поставили бивуакомъ на берегу Дуная, у самаго госпиталя Краснаго креста. Госпиталь былъ переполненъ; какъ намъ говорили устроенный на 800 человѣкъ, онъ въ этотъ день вмѣщалъ до 2-хъ тысячъ, да около него стоялъ транспортъ, готовящійся къ отправкѣ съ 4-мя тысячами раненыхъ подъ 3-й Плевной. Запахъ здѣсь былъ характерно удушливый—такъ какъ имъ дѣлали здѣсь первязку; оханіе и стоны страдальцевъ были ужасны; съ выразительной нѣжностью относились наши солдаты, къ этимъ героямъ, ни одного не было который бы не отдалъ послѣдній свой запасъ табаку изъ Россіи, а многіе дѣлились деньгами и бѣльемъ. На солдатъ въ высшей степени благотворное впечатлѣніе произвело—видъ устройства госпиталя Краснаго Креста, а особенно та материнская заботливость съ

[1]) Къ чему только не привыкаетъ человѣкъ: видъ этихъ палыхъ животныхъ производилъ непріятно тягостное впечатлѣніе, а потомъ, особенно между Филиппополемъ и Адріанополемъ—проходя по дорогѣ, буквально усѣянной трупами замерзшихъ и убитыхъ турецкихъ солдатъ, стариковъ, женщинъ и дѣтей.... нервы до того отупѣли, что почти равнодушно проходили мимо этой ужасной картины міровой драмы

которой сестры милосердія, обходя эти сотни повозокъ, перевязывали, обмывали кормили, раненныхъ, какъ своихъ родныхъ дѣтей.

Походъ по Болгаріи.

12-го Сентября перешли Дунай, ожидая очереди у переправы; солдаты съ рѣдкимъ вниманіемъ выслушивали разсказы мѣстной береговой команды о эпизодахъ переправы. Переправлялись въ одно орудіе, нумера по одному, ведя лошадей въ поводу. Тутъ одинъ изъ шутниковъ замѣтилъ: «эка богатырь рѣка, что наша Волга или Днѣпръ; гдѣ же басурману съ ней управиться»;

Перейдя Дунай, только что начали подниматься на крутую Систовскую гору и запѣли ухарскую пѣсню, какъ опять встрѣтили громадный траспортъ раненыхъ тысячи 3; и почти весь переходъ до Турко-Сливы тянулся этотъ транспортъ; но уже подавляющаго впечатлѣнія на нашихъ онъ не производилъ, а у нихъ явилось скорѣе желаніе отомстить и наказать за своихъ братьевъ. «Ладно! постой, еще мы подвалимъ, какъ-то ты тогда запоешь», и говорящій это принималъ ожесточенно рѣшительную позу.

Перейдя черезъ Дунай, дивизія пошла побригадно, артиллерія между полками на маленькихъ дистанціяхъ; обозъ отдѣльнымъ эшелономъ побригадно за своей бригадой.—5-я батарея шла позади Л.-Гв. Гусарскаго Его Величества полка и и имѣя за собою Л.-Г. Драгунскій полкъ.

Въ д. Турко-Сливы батарея простояла 4 дня, встрѣтившись здѣсь впервые съ тѣми затрудненіями, которыя существовали въ Болгаріи относительно закупки предметовъ первой необходимости, особенно соли; командиръ батареи послалъ артельщика и фуражира въ Систово для закупки соли: коломази, желѣза, веревокъ и другихъ мелочей,—а также и овса.—Все это было привезено на купленныхъ тамъ же 4-хъ парахъ воловъ съ арбами; волы эти потомъ поступили въ порціонный. скотъ. Прійдя въ Болгарію солдатъ нашъ ожилъ среди православнаго народа, языкъ настолько близкій къ нашему, что одинъ другого легко понимали, типъ и одежда очень похожи

на малороссовъ (которые исключительно наполняютъ ряды кавалеріи и конной артиллеріи), народъ въ высшей степени гостепріимный (несмотря на свое полное разореніе), радушный, честный и богомольный, наконецъ, это Божеское поклоненіе нашему Государю «Да живетъ великій Царь Александръ и братушка Руссъ»—обыкновенная фраза болгарина при встрѣчѣ и прощаніи; все это сильно напоминало нашему солдату его родину, и сразу онъ почувствовалъ себя сродненнымъ съ этимъ несчастнымъ народомъ. А разсказы болгаръ о тѣхъ жестокостяхъ, которыя они терпѣли отъ бусурманъ, и видъ ужаснаго разоренія, до котораго они ихъ довели,—на яву подкрѣпило убѣжденіе солдатъ въ святости войны, на которую они шли. Но впрочемъ болгаре, разсказывая о своихъ невзгодахъ, говорили объ этомъ,—какъ о томъ прошломъ, которое, благодаря «Великому Царю Александру», уже не повторится; а солдаты, утѣшая ихъ, иначе и не говорили о ихъ освобожденіи, какъ о фактѣ совершившемся; они были глубоко въ этомъ убѣждены въ силу безпредѣльной вѣры въ Царскую волю, «что нашъ Государь захотѣлъ—такъ ужъ это такъ и будетъ».

Высочайшій смотръ.

17-го Сентября перешли въ д. Дольная Липица; по серединѣ перехода, въ д. Горный Студень, гдѣ была главная квартира Государя Императора, дивизія остановилась для Высочайшаго смотра. Солдаты вѣрить не хотѣли, когда имъ указали на хижину и палатки, въ которыхъ помѣщалась, въ это ненастное время года, священная особа Императора. Съ искреннимъ соболѣзнованіемъ горячо любящихъ своего отца дѣтей отнеслись солдаты къ тѣмъ лишеніямъ и неудобствамъ, на которыя обрекъ себя обожаемый Монархъ—лишь бы только быть среди своихъ дѣтищъ.

Дивизія была построена въ одну линію, конная артиллерія стояла во 2-й линіи, и каждая батарея противъ интервала своей бригады. Всей линіей артиллеріи командовалъ флигель-адъютантъ полковникъ Безакъ, а передъ 5-ю батареею за командира находился старшій офицеръ капитанъ Мартыновъ.

При объѣздѣ Государя Императора всякій изъ насъ въ крикъ «ура» влилъ всю душу, все сердце свое. Тутъ послѣ долгой разлуки мы вновь увидѣли любимаго молодцоватаго Главнокомандующаго, близкія намъ лица начальника артиллеріи, князя Масальскаго, бригаднаго командира генерала Бреверна (въ ту минуту исправлявшаго должность начальника артиллеріи гв. корпуса) и много другихъ такъ знакомыхъ и пріятныхъ намъ лицъ. Всякій изъ нихъ смотрѣлъ на насъ радушно, привѣтливо, съ ласковой улыбкой, и мы себя почувствовали вновь въ своей семьѣ; какъ-то тепло и уютно стало на душѣ. Было горе, но въ эту минуту мы считали его еще поправимымъ; это отсутствіе сердечно обожаемаго, нашего корпуснаго командира Государя Наслѣдника Цесаревича. Но въ это время общее наше убѣжденіе было таково, что мы сейчасъ же поступимъ подъ Высочайшее его командованіе и этотъ лучъ надежды утѣшалъ насъ въ этомъ горѣ.

Сердечныя слова, обращенныя Государемъ Императоромъ къ войскамъ, глубоко проникли въ душу каждаго изъ насъ и вызвали слезу умиленія! «Увѣренъ, что вы покажете себя въ бою такими же молодцами, какъ и въ мирное время». Государь говорилъ эти слова, зная свои войска, и всѣ, отъ солдата до генерала, были убѣждены, что Боготворимый нами Монархъ не сомнѣвается въ нашей самоотверженной преданности Престолу, Вѣрѣ и Отчизнѣ. Какъ только Государь объѣхалъ— офицеръ видитъ, что уносный фейерверкеръ съ унылымъ видомъ почесываетъ затылокъ, «что Татаринцовъ? или неладно что было», обращается къ нему офицеръ, «никакъ нѣтъ, все слава Богу благополучно, а это меня сумленіе беретъ, что вѣроятно Его Величеству скучно проѣзжать мимо насъ артиллеристовъ, грудь разрывается отъ радости, а ура все же выходитъ куда какъ плоше, чѣмъ въ кавалеріи» [1]). Конечно, офицеръ началъ его утѣшать, что Государь и артиллеристовъ также любитъ какъ всѣхъ, и что онъ очень хорошо знаетъ, что

---

[1]) И дѣйствительно артиллерія, занимая по фронту длинную линію, имѣетъ рѣдкій строй, да и за каждымъ орудіемъ очень мало людей; такъ что наше «ура» выходитъ замѣтно жиже, чѣмъ въ кавалеріи, а тѣмъ болѣе пѣхоты— стоящихъ глубокими колоннами.

нашъ фронтъ рѣдкій и людей мало. Но не скоро еще эта честная и любящая натура успокоилась отъ своихъ «сумленій».

Батарея проходила церемоніальнымъ маршемъ развернутымъ фронтомъ на шагу [1]). Государь Императоръ изволилъ остаться доволенъ и благодарилъ солдатъ за молодцоватость, а командира за исправный видъ. Послѣ этой Монаршей благодарности не могло быть впереди никакихъ препятствій и лишеній, на которыя мы не пошли бы съ увѣренностью и радостью, чтобы оправдать довѣріе нашего обожаемаго Государя. Тотчасъ же послѣ парада мы съ веселыми и торжествующими лицами, подъ ухарскую пѣсню, пошли дальше въ д. Дольная Липница. Этимъ и заканчивается, такъ сказать нашъ мирный боевой походъ, которымъ мы прошли 787 верстъ; съ этого момента начинаются наши маневрированія и бои.

Періодъ маневрированія.

17-го сентября пришли въ д. Дольная Липница, гдѣ простояли 17 дней, до 6-го октября. Вся дивизія стала общимъ бивуакомъ въ бригадной колоннѣ, у самой деревни, по обѣ стороны оврага, на днѣ котораго протекалъ ручей, и гдѣ были расположены кухни всѣхъ частей. 1-я и 2-я бригады стояли по одну сторону оврага, слѣво въ бригадной колоннѣ, а 3-я бригада по другую сторону, имѣя при себѣ кромѣ своей 3-й батареи Гвард. Конно-Артиллерійской бригады, еще и 6-ю Л.-Гв. Донскую батарею.

Только что стали на бивуакъ, немедленно полилъ двухъ-

[1]) Во время парада, среди этой торжественности былъ и комичный эпизодъ. Офицеръ батареи, подпоручикъ Шереметевъ, взялъ съ собою изъ Петербурга маленькую собачку «Крысоловку», которая прошла весь походъ за хвостомъ лошади своего хозяина, передъ парадомъ ее посадили въ лазаретную линейку; но, какъ разъ передъ прохожденіемъ батареи, она вырвалась изъ рукъ санитара, отыскала своего хозяина, идущаго въ замкѣ за батареею, стала на своемъ мѣстѣ за хвостомъ его лошади, да такъ и прошла мимо Государя. Собачка эта продѣлала потомъ всю кампанію отъ Дуная до Стефано переходила Балканы, присутствовала на позиціи на всѣхъ бояхъ, гоняясь за осколками турецкихъ гранатъ, и, не бывъ раненой, вернулась на родину. Звали ее Бишка; солдаты, конечно, перекрестили ее въ Мышку; она была любимица батареи и всеобщей потѣхой; въ минуты самыхъ тяжелыхъ невзгодъ, она смѣшила до слезъ своимъ безобразіемъ и неустанной игривостью.

недѣльный непрерывный дождь. Бивуакъ разгрязнило до невѣроятной степени, лошади стояли на коновязяхъ на ½ аршина въ грязи, люди, мокшіе цѣлый день чуть не по колѣно, топтали липкую, глинистую грязь; просушить одежду и обувь не было возможности, такъ какъ для этого нужно было бы надѣть другую пару, а это все осталось въ Александріи. Перемѣнить мѣсто бивуака батарея не могла; стоя между полками, она ограничена была отъ нихъ уставнымъ интерваломъ, и сзади на установленной же дистанціи имѣла 2-ю бригаду, такъ что податься было некуда. Всю же дивизію на новый бивуакъ не переводили.

Промокши 12 дней, 30-го сентября, части поставили по квартирамъ въ близъ лежащія деревни. 5-й батареѣ съ Л.-Гв. Драгунскимъ полкомъ и Штабомъ дивизіи досталась д. Дольная Липница. Какъ только стали по квартирамъ, черезъ 2 дня дождь пересталъ, и настала хорошая осенняя погода.

Во время стоянки на бивуакѣ, 18-го сентября, получено было распоряженіе полевого интендантства, чтобы полки и батареи косили траву для корма лошадей, а деньги, полученныя на сѣно, показывали бы къ зачету. Мѣра эта была бы пагубна, ежели бы долго продержалась. Лошади, сдѣлавъ утомительный походъ, сильно перепали и требовали поправки, чего вполнѣ можно было достигнуть стоянкой въ Дольной Липницѣ, а тутъ ихъ ставятъ на траву, которая и въ пору ея полной питательности ослабляетъ лошадей, особенно въ началѣ; въ концѣ же сентября трава была уже старая, переросшая и отъ обильныхъ дождей и утреннихъ заморозковъ даже подгнившая, и лошади не только не могли отъ нея поправиться, но положительно отказывались ее ѣсть. Подобная денежная экономія, влекущая за собою ежели и не полную гибель, то во всякомъ случаѣ сильное разстройство живой силы, была крайне неосторожна, особенно въ виду осенней и зимней кампаніи, гдѣ предстояла людямъ и лошадямъ масса трудовъ и громадная выносливость; для вторыхъ это прямо зависитъ отъ физической подготовки. Командиръ батареи попробовалъ одинъ день выполнить это предписаніе, но тутъ оказалось еще второе неудобство (кромѣ высказаннаго выше). Люди, имѣя одну пару сапогъ, и истаптывая ее цѣлый день въ грязи, въ нихъ же должны

были ходить по высокой и мокрой травѣ на косовицѣ, черезъ что и эта единственная пара одежды и обувь могли преждевременно придти въ полную негодность, что было бы страшнымъ лишеніемъ, въ виду поздней кампаніи. Выписать же изъ Александріи оставленныя вещи не имѣли права, не получая на то разрѣшенія начальника дивизіи.

Въ виду всего этого, по представленію начальника дивизіи, къ нашему благополучію, 22-го сентября получено было отъ Главнокомандующаго разрѣшеніе на покупку сѣна.

Къ этому же времени, 26-го сентября, товарищество по продовольствію войскъ отказалось доставлять намъ хлѣбъ [1]), а интендантскіе транспорты сухарей еще не подвозили, такъ что съ этихъ поръ мы начали довольствоваться собственнымъ иждевеніемъ; изрѣдка лишь пополняя изъ интендантскихъ транспортовъ, всегда хранящійся при частяхъ въ обозѣ, 8-ми дневный запасъ сухарей и крупы. Для довольствія хлѣбомъ, деревни были раздѣлены между частями; отъ каждой части назначены были унтеръ-офицеры, которые имѣя свой районъ, наблюдали, чтобы жители пекли хлѣбъ и, не продавая его на сторону, несли на сборный пунктъ къ Чурбаджи (сельскій старшина); по утрамъ части принимали должное количество хлѣба отъ Чурбаджи, платя ему за весь заборъ и получая отъ него квитанцію. Цѣна на хлѣбъ утверждалась Штабомъ дивизіи по соглашенію съ этими же старшинами на всякой стоянкѣ сызнова. Но что это былъ за хлѣбъ! прѣсныя лепешки, испеченныя въ 15, 20 минутъ, на половину изъ кукурузной муки. Онѣ тяжело ложились на желудокъ, а главное, сильно развивали поносъ, хотя и безъ боли, но все же ослабляющій организмъ. Во время этой двухъ-недѣльной дождливой стоянки у людей и лошадей начались лихорадки. Людямъ три раза варилась въ артельномъ котлѣ горячая пища, утромъ кашица, въ обѣдъ щи съ 1 ф. говядины и каша, а къ ужину похлебка. Кромѣ того раздавалась усиленная порція чая, съ обязательной варкой 2 раза въ день, а за ужиномъ чарка водки, къ которой прибавлялось на человѣка отъ $1^1/_2$ до 2-хъ грань хинины.

[1]) Въ приложеніи § 12 разобрано довольство сухарями.

Вслѣдствіе заболѣванія и большого расхода людей на работы 21-го сентября вызваны были изъ оставшихся въ Александріи 10 человѣкъ, которые и прибыли въ батарею 2-го октября. Въ это же время измѣнился составъ офицеровъ въ батареѣ: поручикъ Леонтьевъ назначенъ былъ состоять при исполняющемъ должность начальника артиллеріи Гв. Корпуса, генералъ-маіорѣ Бреверпѣ, подпоручикъ Кузьминъ Караваевъ назначенъ постояннымъ ординарцемъ къ начальнику дивизіи генералъ-лейтенанту Гурко.

Поручикъ Михаилъ Чичаговъ 2-й, который въ началѣ сербской войны пошелъ, изъ нашей среды, добровольцемъ,—заслуживъ тамъ, до высшихъ сферъ включительно,—общую любовь и репутацію толковаго и безпредѣльно храбраго офицера, съ открытіемъ нашей кампаніи, поступилъ въ дунайскую армію ординарцемъ къ начальнику артиллеріи дѣйствующихъ войскъ; при составленіи отряда для перваго Шибкинскаго набѣга генералъ-лейтенантомъ Гурко, онъ поступилъ въ этотъ отрядъ бригаднымъ адъютантомъ въ временную бригаду Его Высочества принца Евгенія Лейхтенбергскаго, съ которой и продѣлалъ весь 1-й Шибкинскій походъ; при расформированіи этого о ряда (мы уже перешли Дунай) Чичаговъ вновь присоединился къ горячо любящимъ его товарищамъ.—Его мастерскіе и прочувствованные разсказы о томъ, что онъ испыталъ и видѣлъ впродолженіи двухлѣтней славной и кипучей боевой жизни—много сокращали часы нашего томительнаго дождливаго сидѣнія, и вмѣстѣ съ тѣмъ разсказы эти во многомъ поучали насъ на предстоящую дѣятельность. Отпускали мы его 2 года назадъ совершенно юнымъ; теперь онъ предсталъ предъ нами возмужалымъ, серьезнымъ и опытнымъ въ бою; такъ что онъ сразу пріобрѣлъ въ нашей семьѣ авторитетъ боевого и бывалаго офицера.

Трехъ недѣльное сидѣніе въ Дольной-Липницѣ дѣйствительно было тягостно для войскъ, не вслѣдствіе физической обстановки, а главное въ моральномъ отношеніи. Сперва мы надѣялись, что вотъ-вотъ пойдемъ въ Рущукскую армію, и поступимъ подъ начальство нашего Царственнаго командира Гв. Корпуса; но доходившіе до насъ слухи о другихъ назначеніяхъ нашихъ поселили въ насъ разочарованіе, и мы убѣ-

дились въ неисполнимости нашей любимой мечты. Затѣмъ второе огорченіе—отъ насъ взяли начальника дивизіи генералъ-лейтенанта Гурко, назначивъ его начальникомъ всей кавалеріи, оберегающей доступы къ Плевнѣ; его мы знали, а онъ насъ, мы привыкли къ нему и, главное, безусловно вѣрили въ его могущество, энергію, счастье и желѣзную волю. А тутъ каждый день долетаетъ до насъ громъ Плевненской канонады; мы видимъ, что есть счастливцы, которые своею грудью упрочиваютъ Царскую волю, тогда какъ мы (по выраженію солдатъ) только переводимъ хлѣбъ. Уныніе до того засосало эти рвущіяся въ бой распаленныя силы, что начало возникать опасеніе, «что вотъ Плевну возмутъ, Османъ сдастся, Турція приметъ всѣ наши условія, миръ будетъ подписанъ и мы съ конфузомъ пойдемъ во свояси» и въ голову ни кому не приходило то, что досталось потомъ на нашу долю.

Но, наконецъ, 5-го октября, пришло приказаніе придвинуться къ Плевнѣ; съ сіяющими лицами солдаты оставляли свои болгарскія квартиры, фейерверкеръ Ничепуренко (ученый) съ пафосомъ декламировалъ «Бородинскій бой» Пушкина «Не ужъ-то же зимнія квартиры», и, поздравляя другъ друга. 6-го октября мы выступили: шли всею дивизіею по бригадно слѣва, обозъ общимъ дивизіоннымъ эшелономъ сзади на $^1/_2$ перехода. Въ три дня прошли 125 верстъ и 8-го прибыли въ д. Бѣжаново. На второмъ переходѣ отъ д. Лажине въ д. Боготъ, по серединѣ перехода, у д. Парадимъ, дивизія проходила мимо принца Карла Румынскаго (какъ солдаты его называли «Царскій племянникъ [1]). Подходя къ Боготу, около котораго не вдалекѣ былъ расположенъ одинъ изъ подвижныхъ госпиталей, отправили туда больного дезинтеріей; сдавши больного, лазаретная линейка, возвращаясь черезъ высокій и испорченный мостъ, свалилась и разломалась до того, что дальше везти ее, а также и починить не было никакой возможности: протащивъ ее съ большимъ трудомъ почти на рукахъ до Бо-

[1]) Это характерное солдатское прозвище даваемое новобранцамъ состоящимъ подъ попеченіемъ старослуживыхъ; старослуживый относительно своего новобранца называется «дядька», а этотъ послѣдній относительно дядьки «племяшъ».

гота мы, сдали ее на храненіе Чурбаджію, а взамѣнъ ея устроили лазаретную линейку изъ крытаго фургона, который и служилъ намъ всю кампанію. Посерединѣ перехода отъ Богота къ Бѣжанову, наша дивизія встрѣтила на своемъ пути 3 Гвард. Пѣхотную Дивизію, что и замедлило наше движеніе; пройдя верстъ 8 еще, опять остановка встрѣтился глубокій оврагъ, съ очень узкимъ и крутымъ спускомъ и подъемомъ, и какъ разъ въ этомъ мѣстѣ разстянулся весь обозъ 3-ей Гвард. Пѣхотной Дивизіи. Прошло добрыхъ 2 часа, пока при помощи солдатъ нашей дивизіи втащили на гору телѣги, успѣвшія спуститься въ оврагъ, а остальныхъ задержали на той сторонѣ оврага—пока мы не прошли его. Обстоятельство это, конечно, не обошлось безъ взаимныхъ недоразумѣній и даже споровъ и претензій. Подходя къ Бѣжанову, версты 4 дорога идетъ по дѣвственному лѣсу, и такая узкая, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ трудомъ можно было ѣхать по 2. Насъ застали уже сумерки, когда начали втягиваться въ лѣсъ; въ лѣсу подавались шагъ за шагомъ, останавливаясь часто подолгу, и уже совсѣмъ ночью, подойдя къ площадкѣ, насъ встрѣтилъ ординарецъ начальника дивизіи съ приказаніемъ, батареѣ расположиться на ночлегъ на этой площадкѣ; такъ какъ при выходѣ изъ лѣсу подъ самой деревней Бѣжаново опять глубокій оврагъ, по дну котораго протекаетъ рѣка, и что главной задержкой служитъ артиллерія, спускаемая въ эту темноту по очень крутому и не разработанному спуску, орудія и ящики по одиночкѣ. Въ 10-мъ часу мы и расположились бивуакомъ на прогалинѣ. Часу въ 12-мъ къ намъ присоединилась 3-я батарея, а въ 1 часъ ночи и 6 Л.-Гв. Донская. На другой день, 9-го октября утромъ мы прошли оврагъ, и стали на общій бивуакъ; оврагъ дѣйствительно былъ очень крутой съ каменистымъ спускомъ, такъ что мы и днемъ затормозивши по 2 колеса, съ большимъ затрудненіемъ спустились, – особенно ящики. Къ обѣду подошелъ обозъ всей дивизіи, который при помощи своихъ частей и былъ переправленъ. 10-го числа мы посылали верхомъ верстъ за 16 привезти на вьюкахъ пополненіе 8-ми дневнаго запаса сухарей и крупы изъ интендантскаго транспорта, котораго мы ждали еще въ 20 числахъ сентября въ д. Дольная-Липница. За время стоянки въ д. Бѣжаново мы

узнали, что поступаемъ опять подъ начальство генералъ-адъютанта Гурко, но не какъ начальника дивизіи, а какъ начальника большого и самостоятельнаго отряда. Новость эта окончательно подбодрила насъ всѣхъ.

10-го числа, съ разсвѣтомъ была произведена большая рекогносцировка начальникомъ отряда, всей мѣстности между Телишемъ и Д. Дубнякомъ, въ которой приняли участіе, командиръ батареи, полковникъ Безакъ, и поручикъ Чичаговъ 2-й. 11-го числа въ обѣденную пору, очередный офицеръ для выписыванія приказанія буквально прилетаетъ съ торжествующимъ видомъ: «Что такое?»—«Диспозиція на завтрашній бой!» Магическая фраза эта какъ электрическая искра пробѣжала всю батарею, все встрепенулось! Диспозиція не къ маневренному бою, а къ дѣйствительному, отъ результата котораго зависитъ участь освобождаемаго народа и слава нашего оружія! И такъ настала минута оправдать цѣль своего существованія и показать результаты долгой мирной подготовки и обученія: этотъ экзаменъ въ виду всего свѣта не страшилъ насъ, и мы съ гордостью пошли, надѣясь на Бога и вѣруя въ себя.

Въ диспозиціи на 12 октября было сказано:

«Завтра, 12-го октября, войскамъ ввѣреннаго мнѣ отряда перейти на Плевно-Софійское шоссе съ цѣлью занять позицію у Горнаго Дубняка, укрѣпиться на ней и тѣмъ сомкнуть блокаду непріятельскихъ войскъ, собранныхъ въ Плевнѣ, для чего, (4)—Л.-Гв. Егерскому полку, съ его артиллеріею и со 2-ою бригадою 2-ой Гв. Кавалерійской дивизіи съ ея артиллеріею [1]) и 1 сотней казаковъ, выступить со сборнаго пункта въ $6^1/_4$ часовъ утра и *атаковать* непріятельскую позицію у с. Телиша (4 батальона, 8 пѣшихъ орудій, 7 эскадроновъ, 6 конныхъ орудій и 1 сотня).

Въ приказѣ на 12-ое октября.

«8-ое) 2-ой бригадѣ 2-ой Гвардейской Кавалерійской дивизіи съ одной конной батареею [1]) выступить съ бивуака съ

[1]) Артиллерія эта была, 5-я батарея гвардейской конно-артиллерійской бригады.

такимъ разсчетомъ времени, чтобы прибыть къ выходу изъ д. Свинаръ на Телишъ къ 3-мъ часамъ по полуночи 12-го сего октября. Затѣмъ, войти въ лощину, ведущую въ с. Телишъ и расположиться въ ней на разстояніи около $2^1/_2$ версть отъ д. Свинаръ.

Въ приказаніи.

1) Всѣмъ войскамъ, переходящимъ р. Видъ, никакого обоза, за исключеніемъ санитарнаго, не брать, въ артиллеріи взять запасныя лафеты [1]) и т. д.

2) 11-го октября сварить людямъ по 3 фунта мяса изъ нихъ $1^1/_2$ ф. съѣсть 11-го числа, и $1^1/_2$ ф. взять съ собою на 12 октября, такъ какъ легко можетъ быть, что варки не будетъ.

3) .... Медикамъ кавалерійскихъ и артиллерійскихъ частей слѣдовать при своихъ полкахъ и батареяхъ и по оказаніи раненымъ первоначальной помощи, отсылать ихъ на ближайшіе главные перевязочные пункты пѣхотныхъ частей.

Начальникъ 2-й Гв. Кавалерійской Дивизіи отдалъ приказъ.

2-ой бригадѣ съ 5-ой Гв. Конной батареею выступить съ бивуака у д. Бѣжаново въ 12 часовъ ночи и слѣдовать до сборнаго пункта подъ командою флигель-адъютанта полковника барона Мейндорфа,—а соединившись съ Л.-Гв. Егерскимъ полкомъ, поступить подъ общую команду командира Л.-Гв. Егерскаго полка, флигель-адъютанта полковника Челищева. Получивши эти приказанія, всѣ весело и радостно принялись за приготовленія: осмотрѣли боевой комплектъ, орудія, принадлежности къ нимъ, повѣрили людей по списку, провѣривъ еще разъ боевой разсчетъ, уложили на запасный лафетъ собранныя носилки; людей, назначенныхъ къ нимъ, обучали ходить съ ними, при этомъ много было остротъ и смѣху со стороны солдатъ надъ вызвавшимися лежать на нихъ; на запасный же лафетъ увязали боченокъ спирту; фельдшера и коновалы уложили все необходимое въ аптечную одноколку, и приготовили лазаретный фургонъ. Людямъ роздали тройную,

[1]) Выписки изъ диспозиціи, приказа и приказанія сдѣланы только касающіяся батареи.

противъ положенія, порцію чаю и сахару, 4-хъ дневный запасъ сухарей, 5-ти дневную дачу крупъ и соли, и по 2 фунта варенаго мяса для слѣдующаго дня. Овса насыпали въ саквы и мѣшки, увязанные на ящикахъ 3-хъ дневную, дачу.

Затѣмъ уложили обозъ и палатки, и дали людямъ пораньше ужинать, чтобы они имѣли возможность до выступленія отдохнуть. За ужиномъ командиръ батареи благодарилъ солдатъ за исправно совершенный походъ и, пожелавъ имъ также благополучно окончить боевую кампанію, выдалъ имъ денежную награду по 50 к. рядовымъ, 1 р. фейерверкамъ, не занимающимъ особыхъ должностей, а этимъ послѣднимъ отъ 3 до 5 р. Послѣ ужина, запрещены были всѣ работы и людямъ приказано было отдыхать; многіе, сидя въ кружкахъ у костровъ, вели оживленную бѣседу, характеръ разговоровъ этихъ былъ по преимуществу таковъ, что они пытались нарисовать себѣ предстоящую имъ картину боя, а другіе—сообщали хорошія и дурныя примѣты, слышанныя ими отъ встрѣчныхъ раненыхъ; нѣкоторые мылись, брились, и одѣвали чистое бѣлье—и такіе непремѣнно получали замѣчаніе товарищей: «Ноздренко, нашто чистую рубаху надѣваешь? знаешь, что неладная примѣта».—«Что тамъ ладно не ладно, всѣ подъ Богомъ ходимъ, а убьютъ такъ по крайности какъ слѣдъ быть похоронятъ», отвѣчалъ фаталистъ Ноздренко. Почти всѣмъ намъ бросилось въ глаза, что ѣздовой 1-го выноса 1-го орудія, Соцковъ, который обыкновенно славился за самаго исправнаго солдата, въ этотъ вечеръ особенно старательно и долго чистилъ свою пару. Уже совсѣмъ стемнѣло, а онъ все скребетъ; дѣлалъ ли онъ это безсознательно подъ гнетомъ тяжелыхъ думъ, или же по предчувствію [1]), что придется съ ними проститься, но даже лошадямъ, привыкшимъ къ его педантической уборкѣ—начало надоѣдать такое долгое ухаживаніе и они стали безпокоиться, а онъ, знай свое, чиститъ да приговариваетъ «чего милый, киваешъ, а какъ меня убьютъ, кому-то вы еще достанетесь, голубчики; пожалуй порядкомъ и не присмотритъ, а то и тебя подкоситъ, такъ что я буду дѣлать безъ васъ»; солдаты слышали все это, но никто не позволилъ себѣ отвлекать его; онъ былъ сол-

[1]) Пару эту на слѣдующій день убили, а самъ Соцковъ былъ раненъ и умеръ отъ ранъ

дать серьезный и не терпѣлъ балагурства. Но мало по малу съ темнотой все пріутихло, а кто и не спалъ такъ хранилъ свои думы въ себѣ.

Въ 11 часовъ ночи бивуакъ поднялся, а въ полночь уже стояли въ строю. Командиръ пожелалъ всѣмъ удачи и, перекрестясь, мы тронулись въ путь. Ночь была лунная и холодная; пройдя верстъ 10, пришлось переходить р. Видъ въ бродъ, тутъ онъ не глубокъ, около $^{3}/_{4}$ арш., но довольно широкъ. Картина, этой ночной переправы въ бродъ была до того художественна, что, несмотря на серьезное теченіе мыслей, каждый изъ насъ не могъ не остановиться передъ ней. Блѣдные лучи неполной луны, скользя по живописной мѣстности, придавали всему какую то таинственность; вдоль рѣки видѣлись отдѣльные всадники уланскихъ аванпостовъ, вода далеко бросала зыблющуюся тѣнь переправляющихся; полная тишина вокругъ: только грохотъ колесъ нашихъ по каменистому дну, да кони вступая въ холодную воду, отфыркивались, а брызги, отъ ихъ ногъ, освѣщаемыя луной, милліардами брильянтовыхъ звѣздочекъ разсыпаясь въ стороны, производили воздушное сіяніе вдоль всего пути по рѣкѣ.

Перейдя р. Видъ, пошли въ полной тишинѣ; лишь изрѣдка слышались въ полъ-голоса возгласы и то только служебные, «подъ ноги, вправо, лѣвѣе, натягивай постромки и т. п.».

Въ $3^{1}/_{2}$ ч. пришли въ д. Свинаръ, и пройдя отъ нея лощиной, ведущей къ с. Телишу, около $2^{1}/_{2}$ верстъ, въ 4 ч. утра, 12-го октября, остановились въ балкѣ поросшей рѣдкимъ дубовымъ лѣсомъ, на его опушкѣ. Въ 5-мъ часу къ намъ присоединился Л.-Гв. Егерскій полкъ съ 9 ф. 3-ей батареею 1-й Гвард. Артиллерійской бригады. Людямъ дано оправиться, но разговора почти не было. Безсонная ночь, утренній морозъ и напряженность нервовъ—брали свое; кто сидя дремалъ, кто сосредоточенно погружался въ свои думы; въ половинѣ 6-го взошла заря, гдѣ-то офицерскій голосъ тихонько затянулъ извѣстную арію Сусанина изъ «жизни за Царя» «ты взойдешь моя заря», большинство недружелюбно взглянули въ сторону пѣвца, но на второй же строчкѣ, голосъ оборвался и умолкъ, а невольные слушатели, продолжая мысленно этотъ мотивъ, призадумались надъ его словами.

Первый бой подъ Телишемъ 12-го октября.

Въ 6 часовъ подъѣхалъ рысцой, на распущенныхъ поводьяхъ, полковникъ Генеральнаго Штаба баронъ Криденеръ. Лице его не выражало спокойствія и увѣренности; на немъ ясно выражалось, что это первая командировка съ громадной нравственной отвѣтственностью за удачное ее выполненіе. И безъ того не обладая отъ природы плавной и звучной рѣчью—онъ, запыхавшись, передалъ подробности диспозиціи, состоявшія въ слѣдующемъ: «Вамъ (обращаясь къ флигель-адъютанту полковнику Челищеву) съ Л.-Гв. Егерскимъ полкомъ и 9 ф. пѣшею батареею атаковать Телишъ въ лобъ, примѣрное направленіе вотъ», при этомъ показалъ рукою изъ балки въ гору по направленію Телиша. «Вамъ (къ флигель-адъютанту полковнику барону Мейндорфу) съ Л.-Гв. Гусарскимъ полкомъ и 4-мя конными орудіями, раскрыть непріятельскія силы и, дѣйствуя на правый флангъ Турецкой позиціи, прикрывать и поддерживать лѣвый флангъ Егерей», «а вамъ (полковнику Ковалевскому, командиру Л.-Гв. Драгунскаго полка) съ Драгунами и 2-мя конными орудіями, занявъ, вонъ тамъ виднѣющуюся влѣво, Ракитскую высоту, охранять тылъ, и лѣвый флангъ всего отряда и не дать противнику обойти и отрѣзать насъ отъ р. Видъ, а въ случаѣ непріятель пойдетъ изъ Радомиръ по Софійскому шоссе на помощь къ Телишскому отряду, преградивъ ему путь, не допустить». Вотъ буквально все, что имъ было передано.

Командиръ батареи назначилъ идти съ гусарскимъ полкомъ 1-му и 2-му взводу подъ его личной командой, при поручикѣ Чичаговѣ 2-мъ и подпоручикѣ Шереметевѣ. Съ драгунами 3-му взводу подъ командой капитана Мартынова при поручикѣ Чичаговѣ 3-мъ. Прапорщику Мезенцову 1-му, командовать вторымъ эшелономъ ящиковъ (4 ящика) и держаться, смотря по ходу дѣла, ближе къ 1-му и 2-му взводу. Первый ящикъ пошелъ съ 1 и 2 взводомъ, а шестой съ 3-мъ, на которыхъ также сидѣли носильщики съ носилками. Ровно въ 6 час. съ $^1/_4$ Л.-Егеря стали дебушировать изъ балки на право въ гору. Гусары съ 4-мя конными орудіями пошли на рысяхъ вдоль ложины; къ отряду этому пристроился и полковникъ Криденеръ.

Въ 6 же съ $^1/_4$ часовъ и Драгуны съ 2-мя конными орудіями пошли изъ Балки въ полъоборота на лѣво, по направленію къ Ракитской высотѣ; отрядъ этотъ тронулся шагомъ выславъ, впередъ, на большихъ рысяхъ, сильный разъѣздъ къ этой высотѣ. Отрядъ барона Мейндорфа, выйдя изъ балки на ровное мѣсто, пошелъ на полныхъ рысяхъ, (4 орудія шли во взводной колоннѣ между эскадронами Гусаръ) по направленію къ Телишу съ южной стороны. Съ разстоянія болѣе 3-хъ верстъ отъ укрѣпленій, отрядъ вошелъ уже въ сферу ружейнаго огня; турки, пользуясь громаднымъ кукурузнымъ полемъ, окружающимъ Телишскія укрѣпленія съ Ю.-В. Ю. и Ю.-З., далеко выдвинули впередъ линію отдѣльныхъ ложементовъ. Непривычному уху, рѣдкія посвистыванія казались жужжаніемъ пчелъ, тѣмъ болѣе, что ничего еще не было видно, ни укрѣпленій, ни дымковъ и даже не слышно было звука ружейной пальбы; но замѣчаніе бывалаго поручика Чичагова 2-го: «а вотъ и шальныя пули пошли» объяснило намъ истинное значеніе этого свиста, съ которымъ мы такъ хорошо познакомились черезъ какихъ нибудь $^1/_2$ часа. Замѣтивъ приближеніе нашего отряда, непріятель открылъ по немъ усиленный ружейный огонь, причемъ цѣпь его стала наступать. Осыпанный пулями, отрядъ продолжалъ движеніе впередъ, пока ясно не обозначилась главная линія непріятельскихъ ложементовъ. Тогда, по приказанію начальника отряда, оба взвода занявъ позицію на межѣ кукурузнаго поля (на планѣ № 1) открыли огонь по цѣпи и ея резервамъ. Это было около 7 часовъ. Такимъ образомъ изъ Гвард. артиллеріи всего отряда 5-я батарея была первой, открывшей огонь по непріятелю, такъ какъ бомбардировка Горнаго Дубняка еще въ то время не начиналась.

Ставъ на позицію, огонь открыли обыкновенной гранатой по орудійно съ права. Полковникъ Безакъ назначилъ дистанцію 500 саж. по резерву цѣпи, первый выстрѣлъ далъ перелетъ; второй—на 350 саж. граната разорвалась, ударившись на линіи цѣпи, третій—400 саж.—далъ незначительный перелетъ, 4-й—380 саж.—прекрасно и тогда вторую очередь немедленно начали шрапнелью.

Послѣ второго выстрѣла, когда граната разорвала на линіи цѣпи, она перестала наступать и, залегши въ кустахъ, стала

рѣже стрѣлять. Нашъ огонь вызвалъ огонь 2-хъ дальнобойныхъ орудій изъ непріятельскаго укрѣпленія (исходящій уголъ на югъ); гранаты ложились чрезвычайно мѣтко на батарею, не принося впрочемъ вреда, такъ какъ большинство ихъ, вслѣдствіе большой силы полета при паденіи и большаго его угла зарывались въ пахоть и не разрывались, тѣ же, которые разрывались, давали самый ничтожный разлетъ осколковъ (отъ 6 до 8 шаговъ въ діаметрѣ), причиной чему было кромѣ глубокаго зарыванія и относительно малый разрывной зарядъ.

Послѣ нѣсколькихъ мѣткихъ очередей шрапнелью, правофланговая непріятельская пѣхота въ безпорядкѣ отступила (былъ часъ девятый). Еще гораздо раньше, приблизительно въ девятомъ часу, на нашемъ правомъ флангѣ послышалась ружейная и артиллерійская пальба. Это завязывала бой наша пѣхота. Выбивая изъ переднихъ линій ложементовъ непріятельскую цѣпь—Егеря бойко подавались впередъ; выйдя немного выше насъ, они залегли въ послѣднихъ, передъ укрѣпленіемъ, турецкихъ ложементахъ, чтобы перевести духъ и приготовиться къ атакѣ передовыхъ укрѣпленій. Въ это время пѣшая батарея умолкла, и мы ее больше не видѣли и не слышали ни во время боѣ, ни послѣ его. Во время кратковременной пріостановки егерей, мы провожали шрапнелью отступающіе резервы непріятельской цѣпи доведя, уголъ возвышенія до 800 саж. Въ одиннадцатомъ часу егеря поднялись и пошли стройно и весело въ атаку; хотя мы сами были заняты своимъ дѣломъ, но не могли не видѣть и не любоваться этой геройской атакой. Турки подняли тогда такую частую и непрерывную ружейную трескотню, что мы долго не хотѣли вѣрить, чтобы у нихъ не было картечницъ; подъ градомъ этихъ пуль, егеря падали уже не по одиночкѣ, а цѣлыми шеренгами; остальные же, не дрогнувъ, шли да шли впередъ, наконецъ «ура» и наши въ передовыхъ укрѣпленіяхъ! мы со своей позиціи стрѣлять уже больше не могли—Егеря закрывали цѣль. Съ этого момента начинается тягостное положеніе для егерей, движеніе подъ густыми выстрѣлами по громадному открытому пространству, и взятіе передовыхъ укрѣпленій, вывело массу молодцовъ изъ строя, а смотря теперь на остальныхъ, залегшихъ въ ложементахъ, чувствовалось, что они ждутъ только хотя бы горсти свѣ-

жихъ силъ, чтобы вновь броситься и покончить бой, овладѣвъ редутомъ: но въ резервѣ не было ни одного солдата, весь полкъ, сразу былъ вытянутъ въ длинную 1 боевую линію. Многіе роты пытались не разъ выходить изъ занятыхъ укрѣпленій и ложементовъ, но всякій разъ встрѣчали такой адскій огонь, что почти всѣ ложились съ честью на бранномъ полѣ. Въ это время появляется на нашей батареѣ, полковникъ Криденеръ: «Вамъ полковникъ (обращаясь къ командиру батареи полковнику Безаку) кажется придется подъѣхать къ редуту на картечь, чтобы выручить егерей». На это полковникъ Безакъ отвѣтилъ: «ежели начальникъ отряда прикажетъ это,—батарея выполнитъ; но я имѣю въ виду занять другую позицію лѣвѣе и ближе къ непріятелю, откуда я возьму во флангъ и отчасти въ тылъ его укрѣпленіе, и тѣмъ болѣе помогу егерямъ нежели выѣздомъ на картечь во фронтъ одного изъ фасовъ редута, для того только, чтобы сбить пыль съ его высокаго бруствера и безполезно рисковать батареей. На всякій случай, командиръ батареи послалъ все таки фейерверкера изъ вольноопредѣляющихся, Зволянскаго, высмотрѣть лучшую дорогу черезъ оврагъ къ редуту, въ случаѣ если бы приказано было исполнить предначертанія полковника Криденера. Переѣхавъ оврагъ, отдѣлявшій насъ отъ редута, и высмотрѣвъ путь для движенія батареи, Зволянскій донесъ объ немъ командиру; но приказанія исполнить планъ этотъ не пришло, и тогда, по совѣщаніи съ командиромъ бригады барономъ Мейндорфомъ, орудія съ прикрывавшими эскадронами гусаръ передвинулись на рысяхъ лѣвѣе, на высоту, командовавшую надъ д. Телишъ (на планѣ № 2-й), а относительно редута, мы очутились противъ открытой горжи и вдоль его праваго фаса. Отсюда открыли огонь сперва по самой деревнѣ, гдѣ на площадѣ около мечети (ближняя сторона къ редуту) былъ расположенъ резервъ. Разсѣявъ, послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ резервъ, батарея продолжала 2-мъ взводомъ бомбардировку деревни, выбирая цѣлью мѣста, въ которыхъ могъ укрываться непріятель, а 1-й взводъ направилъ свои выстрѣлы во флангъ праваго фаса главнаго редута.

Первый выстрѣлъ по деревнѣ былъ данъ гранатой на 450 саж; розорвало на сѣверной окопечности деревни и противоположномъ склонѣ, 2-й на 300 саж. разрыва точно не было

видно, но на южномъ склонѣ, 3-й на 375 саж.—на площади (дальній ея край), 4-й на 350 саж. хорошо; перешли на частую пальбу; первый взводъ, начавъ стрѣльбу по фасу редута. далъ 1-й гранатой на 400 саж. небольшой перелетъ (ударилась въ дальній край), 2-й 380 саж. прекрасно, перешелъ на шрапнель.

Вскорѣ изъ дальняго конца деревни показался подъ прикрытіемъ небольшого числа пѣхоты, длинный обозъ, подымавшійся по противоположному склону возвышенности къ укрѣпленному лагерю, находившемуся въ верстѣ по той сторонѣ Телиша, и какъ казалось тогда, незанятому непріятелемъ. Но тутъ же изъ него показалась колонна пѣхоты и быстро начала спускаться къ Телишу; командиръ батареи приказалъ 1-му взводу перевести свой огонь съ редута на эту пѣхоту, а 2-му провожать обозъ изъ деревни. Выстрѣлами 2-го взвода, нѣсколько повозокъ обоза было опрокинуто, а прикрытіе разбѣжалось обратно въ окраину деревни, оставивъ обозъ на произволъ судьбы. 2-й взводъ довелъ высоту своего прицѣла съ 350 саж. до 450 саж. 1 взводъ направилъ выстрѣлы свои на спускавшуюся изъ лагеря пѣхоту, первымъ выстрѣломъ на 700 саж., гранатою далъ большой недолетъ; пѣхота продолжала быстро спускаться; 2-й на 850 саж.—попалъ въ голову колонны, 3-й шрапнель на ту же высоту произвелъ замѣшательство въ непріятельской пѣхотѣ; пальба чаще,—и колонна бѣгомъ скрылась за валъ лагеря. Пока огонь батареи былъ направленъ на обозъ и лагерь, изъ Телиша вышла небольшая кучка стрѣлковъ, которые пробравшись поросшей высокой травой и кустарникомъ, лощиной, къ нашему лѣвому флангу, залегли въ кукурузѣ и стали сильно безпокоить Гусарскій полкъ и батарею своими выстрѣлами.

На этой позиціи въ первый разъ раздалась роковая команда: «носилки»—кто ранепъ?—4-й номеръ 1-го орудія Ноздренко. Взводный фейерверкеръ Салыга при этомъ угрюмо почесалъ затылокъ и пробурчалъ: «говорили ему вчера, не надѣвай чистой рубахи, а онъ свое—надѣлъ» [1]). Не успѣли отнесть Ноздр-

[1]) Повѣріе это сильно распространено у солдатъ, а подобныя случайности еще болѣе укрѣпляютъ ихъ въ этомъ суевѣріи.

ренку—какъ 8-и номеръ 4-го орудія, Палатниковъ, раненъ, а тамъ лошадь убило, неуспѣли привести другую изъ запасныхъ, на мѣсто ее—какъ еще одна убита, тамъ ранена и пошли потери. Перепряжкой лошадей, на мѣсто убитыхъ и тяжело раненыхъ, завѣдывалъ и распоряжался съ замѣчательнымъ хладнокровіемъ вахмистръ батареи Александровъ—старикъ, прослуживший 28 лѣтъ. Наконецъ, турецкіе стрѣлки настолько подвинулись по кукурузѣ къ батареѣ, что просто на выборъ начали бить. Убили красавицу нашу, подручную 1-го выноса 1-го орудія, которую такъ старательно на прошломъ бивуакѣ, передъ боемъ, чистилъ ѣздовой Соцковъ; вахмистръ, выпрягая ее, обратился къ ѣздовому: «что братъ Соцковъ, остались мы съ тобою сироты!» Но не успѣлъ онъ этого выговорить, какъ и подсѣдельной раздробило колѣно. Тогда Соцковъ съ отчаяніемъ, бросилъ свою фуражку и со слезами почти вскрикнулъ «Доканай же и меня, что же я буду дѣлать одинъ». Въ высшей степени богомольный вахмистръ, пораженный такимъ, по его мнѣнію, богохульствомъ—перекрестясь, началъ дѣлать Соцкову внушеніе, но не успѣлъ онъ кончить своей рѣчи, какъ и Соцковъ былъ тяжело раненъ въ животъ [1]). Все это продолжалось какихъ нибудь минутъ пять.

Командиръ батареи, видя, что батарея начала серьезно терпѣть, сообщилъ объ этомъ начальнику бригады барону Мейндорфу. Онъ, не имѣя подъ рукой ни одного свободнаго пѣхотинца, чтобы отогнать горсть непріятельскихъ стрѣлковъ, снѣшилъ взводъ гусаръ и разсыпавъ его, скрытно направилъ на цѣпь. Какъ только гусары отогнали стрѣлковъ, батарея перестала терпѣть отъ огня.

Въ это время непріятель, переставъ стрѣлять по Егерямъ, сидящимъ въ передовыхъ укрѣпленіяхъ, обратилъ огонь 2-хъ орудій, съ праваго исходящаго угла редута, противъ насъ. Гранаты его, чрезвычайно вѣрно направленныя, падали недолетомъ или перелетомъ и по прежнему не принося намъ никакого вреда. Многія же гранаты пролетали очень высоко надъ нашими го-

[1]) Сцена эта произвела тяжелое впечатлѣніе на окружающихъ, и солдаты остались убѣждены, что Соцковъ прогнѣвалъ Господа, накликивая самъ себѣ смерть.

Соцковъ отъ этой раны и умеръ.

ловами; слѣдя за ихъ полетомъ мы убѣдились, что онѣ были направлены и дѣйствительно падали около нашего, 3-го взвода, стоявшаго далеко сзади насъ, и почти тыломъ къ намъ, фронтомъ же къ караулкѣ на Софійскомъ шоссе, и обстрѣливая это шоссе. Въ это же время вновь показалась пѣхотная непріятельская колонна изъ, за лагеря; такъ-какъ разстояніе до него было уже извѣстно (850 саж.), то по ней немедленно былъ залпъ шрапнелью изъ 4-хъ орудій, немедленно принудившій ее снова быстро повернуть обратно. Между тѣмъ по улицамъ Телиша опять начали показываться кучки пѣхоты и всадниковъ, огонь 2-го взвода немедленно же былъ переведенъ на нихъ, и заставилъ ихъ искать убѣжища за разными закрытіями. Первый взводъ продолжилъ свое анфилированіе фаса редута и обстрѣливаніе открытой горжи, пока въ третій разъ не попробовала начать спускаться пѣхота, сидѣвшая въ лагерѣ на горѣ; но и на этотъ разъ усилія ея оказались тщетными. Усиленный нашъ огонь вновь заставилъ ихъ разстроенными вернуться въ лагерь и болѣе они уже не показывались.

Такимъ образомъ, благодаря дѣятельности батареи, 1) изъ лагеря, не смотря на неоднократныя попытки непріятеля, ни одинъ человѣкъ не пробрался на помощь Телишкому отряду. 2) въ самомъ Телишѣ не позволяли собраться подбодриться и устроиться войскамъ; и 3) принявъ на себя огонь 2-хъ орудій, а сами анфилируя фасъ редута и обстрѣливая его внутренность, на столько ослабили силу ихъ ружейнаго и орудійнаго огня, что дали возможность егерямъ по крайней мѣрѣ выйти изъ занятыхъ ими передовыхъ укрѣпленій и отступать при гораздо меньшихъ потеряхъ.

Къ этому времени опять появился на батареѣ, гдѣ обыкновенно собираются начальство и офицеры, какъ на хорошій пунктъ для наблюденія, полковникъ Криденеръ и когда увидѣлъ нашу чудную позицію почти въ тылъ открытаго тогда укрѣпленія, то замѣтилъ: «какъ жаль, что егерей не повели въ атаку на этотъ пунктъ, и вѣдь вы прошли сюда изъ Свинарской балки почти безъ потерь—все время лощиной». На замѣчаніе это никто изъ насъ изъ чувства снисхожденія къ нему же ничего не возразилъ, да какъ видно и онъ спохватился, что самъ себя бичуетъ, какъ офицера генеральнаго Штаба на-

шего отряда, и потому постарался замять разговоръ, переведя его на другіе предметы. Въ это время было уже около 2-хъ часовъ пополудни и получено приказаніе—бригадѣ съ нашей батареей отступить и, перейдя вправо на позицію въ тылу за центромъ Лейбъ Егерей, прикрыть ихъ отступленіе и уборку раненыхъ, приготовившись къ отраженію непріятеля, если бы онъ вздумалъ преслѣдовать нашу пѣхоту.

Отходъ съ позиціи былъ начатъ повзводно; 2-й взводъ подъ командою подпоручика Шереметева съ прикрытіемъ одного эскадрона гусаръ, былъ оставленъ на позиціи, и продолжалъ стрѣлять по укрѣпленію и порывавшейся выйти изъ него пѣхотѣ. Первый взводъ съ остальными эскадронами пошелъ вправо и занялъ позицію въ тылу егерей (на планѣ № 3-й); давши время 1-му взводу занять позицію, и 2-й взводъ снялся и пристроился къ 1-му. Непріятельская артиллерія, во время перехода на новую позицію, открыла по насъ учащенный огонь, причемъ непріятельская пѣхота, преслѣдуя части нашей пѣхоты, нѣсколько разъ открывала по кавалеріи и батареѣ сильный ружейный огонь. Мы не стрѣляли, такъ какъ передъ нами по всему полю были разсыпаны одиночные раненые егеря, съ трудомъ тащившіеся за наше расположеніе. Въ это же время къ намъ присоединился Л.-Гв. Драгунскій полкъ съ 3-мъ взводомъ нашей батареи, которые отдѣлились утромъ изъ Свинарской балки, въ исполненіе диспозиціи занять Ракитскую высоту, охранять тылъ и лѣвый флангъ отряда, и не допускать подкрѣпленія, могущія направиться къ Телишу.

Дѣйствіе 3-го взвода.

Командиръ Л.-Гв. Драгунскаго полка, полковникъ Ковалевскій, выславъ на полныхъ рысяхъ одинъ эскадронъ въ видѣ сильнаго разъѣзда для занятія Ракитской высоты, самъ съ полкомъ и 2 орудіями, подъ командою капитана Мартынова, пошелъ туда же шагомъ; выйдя изъ Свинарской, балки отрядъ выстроилъ боевой порядокъ (2 орудія шли развернутымъ фронтомъ) и пошли рысью. Пройдя версть 6, получено было донесеніе отъ эскадроннаго командира, посланнаго впередъ, что Ра-

китская высота имъ занята, непріятеля на флангѣ нѣтъ, а изъ караулки вытягивается по шоссе, по направленію къ Телишу, обозъ съ прикрытіемъ, и у караулки скопилось много войскъ. Полковникъ Ковалевскій съ капитаномъ Мартыновымъ выскочили на близь лежащую высоту, съ которой, простымъ глазомъ, убѣдились въ истинѣ этого донесенія; а потому отрядъ, заѣхавъ лѣвымъ плечемъ впередъ, пошелъ по направленію къ Телишу. Пройдя еще верстъ 6,—взводъ подъ прикрытіемъ драгунъ занялъ позицію (на планѣ № 4), съ которой очень хорошо можно было обстрѣливать вдоль все шоссе до караулки. Когда взводъ сталъ на позиціи, непріятельскій обозъ съ прикрытіемъ пѣхоты въ головѣ и съ боковъ уже порядочно отошелъ отъ караулки. Чтобы опредѣлить дистанцію, капитанъ Мартыновъ обратился къ наводчику 6-го орудія, Куропяченкѣ, славившемуся своимъ глазомѣромъ, «сажень 750, Ваше Высокоблагородіе будетъ»; раздалась команда—«на 750 саж. гранатой—шестое»—граната ударилась и разорвалась въ 5-ю или 6-ю телѣгу отъ хвоста; эфектный этотъ выстрѣлъ произвелъ такое замѣшательство у непріятеля, что они поспѣшно начали ворочать телѣги и вьюки, чтобы идти обратно. Въ отвѣтъ на этотъ Куропяченкинъ выстрѣлъ, драгуны закричали «молодчина», а наши солдатики приговаривали «завсегда какъ и въ Красномъ Селѣ—первый попадетъ». На что самолюбивый и смѣтливый хохолъ отвѣчалъ,—«что тутъ мудренаго—сочти телеграфные столбы, накинь на каждый 25 саж. вотъ тебѣ и будетъ вся дистанція». Оно дѣйствительно телеграфные столбы были видны вдоль всего шоссе, но, чтобы на такое разстояніе сосчитать ихъ, нужно было превосходное зрѣніе. Второй выстрѣлъ дали на 700 саж.—опрокинули и разбили одну изъ передовыхъ телѣгъ, загромоздившую шоссе. Обозъ съ прикрытіемъ буквально побѣжалъ тогда въ безпорядкѣ обратно въ караулку, преслѣдуемые нашими выстрѣлами, которые мы продолжали до высоты прицѣла въ 950 саж., а затѣмъ прекратили за дальностью и безполезностью тратить снаряды на разбивку осиротѣлыхъ повозокъ. Не успѣлъ уцѣлѣвшій обозъ спрятаться за караулку,—какъ изъ за нея стала дебушировать непріятельская пѣхота отъ 2 до 3 таборовъ. Давши имъ подойти на ту дистанцію, съ которой перестали стрѣлять по обозу, дали 1-й

выстрѣлъ гранатою на 900 саж.—недолетъ; пѣхота продолжаетъ наступать; выждавъ немного, дали второй на 900 саж. попало въ голову колонны,—пальба пошла чаще постепенно понижая высоту прицѣла, а дойдя до 750 саж. перешли на шрапнель съ болѣе высокой установкой трубки; послѣ нѣсколькихъ, очень удачныхъ выстрѣловъ, непріятель повернулъ и въ безпорядкѣ торопливо сталъ отступать, провожаемый съ нашей стороны до 800 саж. шрапнелью, а далѣе гранатой; затѣмъ онъ совсѣмъ скрылся за караулкой. Въ это время изъ Телишскаго укрѣпленія открыли по насъ пальбу изъ 2-хъ дальнобойныхъ орудій; сначала мы думали что, снаряды эти предназначались не намъ, а нашему же 1-му и 2-му взводу, стоящимъ далеко сзади насъ фронтомъ къ Телишу, и почти тыломъ къ намъ, и что снаряды эти, перелетая черезъ нихъ, случайно падали къ намъ. Но они начали падать такъ мѣтко и учащенно на нашу позицію, что угрожали серьезными потерями. А потому капитанъ Мартыновъ приказалъ накатить орудія на рукахъ вправо, и спустить немного съ гребня вершинки; такъ что орудія стали въ мертвомъ пространствѣ относительно полета снарядовъ изъ Телишскаго редута. Въ это же время, часть непріятельской пѣхоты, выйдя изъ д. Телишъ и пробравшись поросшимъ оврагомъ, расположилась въ немъ противъ праваго фланга нашей позиціи и стала насъ угощать ружейнымъ огнемъ. Полковникъ Ковалевскій спѣшилъ эскадронъ драгунъ, и повелъ ихъ въ атаку на этихъ стрѣлковъ безъ остановочно; драгуны сбили ихъ, и отогнали обратно. Было около 11 часовъ дня; получено было донесеніе отъ эскадрона, занимавшаго Ракитскую высоту, что изъ-за караулки выходитъ пѣхота, направляясь на Юго-Западъ, какъ бы желая обойти расположеніе всего нашего отряда съ нашего лѣваго фланга. Движеніе это непріятельской колонны замѣтили и мы, со своей позиціи, по столбу пыли въ томъ направленіи; почему командиръ Л.-Гв. Драгунскаго полка полковникъ Ковалевскій приказалъ сняться съ позиціи и идти занимать Ракитскую высоту. Едва только взяли въ передки и начали вытягиваться, какъ непріятельская граната съ визгомъ врылась у самыхъ ногъ лошади уноснаго фейерверкера Татаринцова; черезъ мигъ-взрывъ, и дымъ и масса взрытой земли скрыла отъ нашихъ

глазъ унтеръ-офицера и первый выносъ. Полковникъ Ковалевскій, стоявшій тутъ же, съ капитаномъ Мартыновымъ, невольно обратился къ послѣднему: «Ну, погибъ вашъ фейерверкеръ», но едва разсѣялся дымъ, какъ мы увидѣли молодца Татаринцова обернувшагося назадъ и, съ угрожающимъ жестомъ рукой, кричащаго на ѣздоваго 1-го уноса: «чего позволяешь лошадямъ кидаться (лошади естественно шарахнулись въ сторону отъ такой неожиданности), чего глядишь на нее (т. е. гранату); знай свое дѣло, *гляди* на мой хвостъ». Такое присутствіе духа при точномъ выполненіи уставнаго правила, въ такую критическую минуту, вызвало всеобщее одобреніе и похвалу, на что онъ не замедля самымъ веселымъ голосомъ отвѣтилъ «радъ стараться, ваше высокоблагородіе». И дѣйствительно, обошлось очень благополучно, только ѣздокъ и лошадь были немного обожжены и закиданы землею; и уже на ходу Татаринцовъ, протирая глаза, пробормоталъ, «и чего лѣзетъ, коли не умѣетъ рвать».

Отрядъ нашъ пошелъ на Ракитскую высоту большой рысью; придя на мѣсто, заняли позицію (на планѣ № 5): 2 орудія стали на гребнѣ высоты, фронтомъ къ караулкѣ, поставивъ передки на восточномъ склонѣ горы; хотя здѣсь они были прекрасно видны изъ Телишскаго укрѣпленія, но позиція эта была внѣ его выстрѣла; 2 эскадрона Драгунъ, спѣшившись, заняли цѣпью край оврага передъ фронтомъ батареи.

Чтобы обратить вниманіе турокъ, что мы готовы ихъ встрѣтить и не дать имъ продолжать направляться на Юго-западъ, гдѣ они могли бы скрыться отъ нашихъ выстрѣловъ въ лѣсу, мы открыли огонь по караулкѣ, изъ-за которой они выходили. Первый выстрѣлъ гранатой на 900 саж. далъ большой недолетъ. 2-ой на 1,250 саж.—недолетъ, 3-й выше нашей нормы, на 1,350 саж. разрыва не видѣли; 4-й на 1,300—недолетъ 5-й опять на 1,350—перелетъ, «Что же, Куропяченко? пристрѣлка идетъ плохо!»—«Ваше высокоблагородіе, кабы стень, либо одна гора—а то по этимъ перекатамъ глазъ непрывыченъ». Дѣйствительно, и лучшіе наводчики много ошибались на этой волнистой мѣстности. Дали 6-й выстрѣлъ на 1320 саж.—кажется попали, 7-й на ту же дистанцію, и повторенный возгласъ солдатъ «молодчина Куропяченко, въ самую трубу попалъ», до-

казалъ, что дистанція найдена. Непріятель, увидя нашъ огонь, перемѣнилъ направленіе на Югъ и сталъ наступать на насъ. Его пѣхотная цѣпь, пользуясь кукурузнымъ полемъ и кустарникомъ, спустилась къ оврагу, гдѣ и завязала перестрѣлку съ нашими Драгунами, мы, провожая выстрѣлами спускавшіяся сомкнутыя части, резервы цѣпи, замѣтили мѣсто, (на планѣ V) представляющее небольшую возвышенность съ насыпаннымъ, будто валомъ, въ 800 саж. дистанціи отъ насъ. За цѣпью начали спускаться таборы, мы встрѣтили ихъ учащеннымъ огнемъ гранатъ съ 900 саж.; не дошли они и до замѣченнаго нами мѣста, какъ повернули назадъ, за ними пошла было и цѣпь съ резервами, но раздалась какая-то раздирающая ухо гармонія ихъ сигнальныхъ рожковъ, и цѣпь пріостановилась, а изъ караулки въ это время начали спускаться 4 непріятельскихъ орудія; весь огонь свой тогда мы обратили на орудія,—но они все таки быстро шли и повидимому потерь не несли. Дойдя до замѣченной нами высоты они стали на ней; зная дистанцію, мы участили по нимъ огонь. Подъ прикрытіемъ своихъ 4-хъ орудій, таборы вновь начали наступленіе. Тогда капитанъ Мартыновъ приказалъ 5-му орудію заниматься пѣхотой, а 6-му продолжать стрѣлять по батареѣ. 5-е орудіе, подпустивъ пѣхоту на линію ихъ батареи 800 саж., перешло на шрапнель. Непріятельскіе снаряды сразу начали падать замѣчательно мѣтко на батарею—шагахъ въ 20 за орудіями, и почти въ одну точку; тутъ стоялъ обгорѣвшій толстый пень, вѣроятно они и выбрали его цѣлью, принимая его за что нибудь другое. Капитанъ Мартыновъ, давши залпъ изъ двухъ орудій, чтобы застлаться дымомъ, приказалъ на рукахъ скатить орудія немного впередъ съ края гребня, и взять большой интервалъ; тутъ орудія хорошо замаскировались кустарникомъ, такъ какъ площадка занимаемой нами вершины была совершенно голая, а, начиная отъ самаго гребня, весь склонъ былъ поросши кустарникомъ дубняка. Маневръ этотъ вполнѣ удался, такъ какъ турки, не измѣнивъ высоты прицѣла стрѣляли все въ тотъ же пень, не принося никакого вреда орудіямъ и прислугѣ, а тѣмъ менѣе передкамъ и коноводамъ, которые стояли на восточномъ склонѣ горы и были въ сторонѣ полета непріятельскихъ гранатъ.

Не прошло и часу непрерывной перестрѣлки, какъ непріятельская батарея снялась и ушла обратно; тутъ весь отрядъ ясно увидѣлъ, что они увезли только 3 орудія, а 4-ое оставили—подбитымъ. Орудіе это было подбито выстрѣломъ изъ 6-го орудія (наводчикъ тотъ же Куропяченко), и подбитіе его такъ ясно было видно всему отряду, что всѣ захлопали въ ладоши. А Куропяченко, снявъ фуражку, перекрестился и сказалъ: «Теперь и помереть можно спокойно,—свое взяли». Какъ только снялась непріятельская батарея, сейчасъ же начали отходить ихъ таборы, а за ними потянулась и цѣпь, преслѣдуемые нашими выстрѣлами вплоть до караулки, за которую весь турецкій отрядъ и спрятался. Но такъ какъ намъ нужно и оттуда ихъ прогнать, то мы, несмотря на дальнюю для насъ дистанцію 1320 саж., продолжали направлять туда свои выстрѣлы. Терпя отъ нашихъ выстрѣловъ и видя наступленія на нихъ драгунъ непріятель потянулся изъ караулки на Западъ по Софійскому шоссе. Наконецъ, драгунскій разъѣздъ, слѣдившій за врагомъ по пятамъ, донесъ, что онъ скрылся въ укрѣпленный лагерь подъ д. Родомиромъ. Такимъ образомъ отрядъ нашъ 1) не допустилъ непріятеля, порывавшагося подкрѣпить Телишскій гарнизонъ; 2) не далъ ему обойти лѣвый флангъ всего отряда, вызвавъ атаку на себя; 3) отбилъ попытки этой атаки и 4) отогналъ дальше войска, скрывавшіяся за караулкой.

Около 3-хъ часовъ, получено было приказаніе Драгунскому полку съ нашими 2-мя орудіями, снявшись съ Ракитской высоты, оставивъ тамъ только наблюдательный постъ, идти на соединеніе съ Л.-Гв. Гусарскимъ полкомъ и нашими 1-мъ и 2-мъ взводами и, занявъ позицію въ тылу расположенія Егерей. прикрывать ихъ отступленіе и выносъ раненыхъ. Отрядъ нашъ, снявшись, пошелъ на рысяхъ и въ четвертомъ часу присоединился къ Гусарамъ, гдѣ вся батарея и стала на одной позиціи.

Батарея стала на позицію (на планѣ № 3-й) фронтомъ къ Южному исходящему углу Телишскаго редута, подъ прикрытіемъ Гусаръ, Драгунъ и высланной впередъ драгунской цѣпи стрѣлковъ. Батарея съ этой позиціи не стрѣляла, такъ какъ непріятельскія орудія молчали, да и впереди насъ по всему

полю происходила уборка раненыхъ Егерей. Непріятельская пѣхота, порывавшаяся до того преслѣдовать отступавшихъ Егерей и мѣшать выносу раненыхъ, увидя выстроившуюся и готовую къ встрѣчѣ ихъ нашу бригаду—оставила свое намѣреніе, угощая насъ лишь довольно рѣдкой ружейной пальбой, отъ которой, впрочемъ, батарея не пострадала, исключая одной пораненной офицерской лошади подпоручика Шереметева, который только что слѣзъ съ лошади, чтобы оправиться, какъ пуля пробила сѣдло и, пробороздивши крыло, сильно обожгла лошади бокъ и ляжку.

Какъ только всѣ взводы собрались, командиръ батареи освѣдомился у капитана Мартынова о ходѣ дѣла на Ракитской высотѣ; а получивъ отъ командира Драгунскаго полка, полковника Ковалевскаго, хорошій отзывъ о дѣйствіяхъ 3-го взвода, благодарилъ его за молодецкій первый бой. 1-й и 2-й взводы, бывшіе подъ его командою, онъ благодарилъ еще на боевыхъ позиціяхъ. Офицеры и солдаты, подъ радостнымъ впечатлѣніемъ хорошо исполненнаго своего назначенія, обмѣнивались впечатлѣніями перваго боя, передавая другъ другу выдѣляющіеся факты. Но радость наша не могла быть полной, при видѣ тяжелой картины, разстилавшейся передъ нами, и наполненной массой отступавшихъ раненыхъ Егерей. Полкъ этотъ на столько былъ дисциплинированъ, что, не смотря на тяжелое чувство неудачнаго перваго боя, онъ нисколько не упалъ духомъ. Какъ они сами, такъ и всѣ мы (2-я Кавалер. бригада) сознавали, что Егеря сдѣлали все, *что отъ нихъ зависѣло*—даже больше, и не на ихъ совѣсть и славу полка долженъ лечь упрекъ за этотъ бой. Съ какимъ геройствомъ они шли въ атаку, съ такимъ же самоотверженіемъ возвращались ранеными; мало-мальски могущій тащиться (ужъ не идти) не позволялъ себя нести, а плелся самъ, а собравшись въ кучку непремѣнно затягивали пѣсню; особенно насъ поразила одна кучка, гдѣ запѣвалой былъ раненый 2-мя пулями въ кисть руки и плечо, и несмотря на эту боль,—онъ, окровавленный, потный, запыленный, съ запекшейся кровью на губахъ, отъ истомленія и жажды,—отхватывалъ ухарскую солдатскую пѣсню.

Тутъ произошелъ высоко-грустный торжественный эпизодъ.

Командиръ бригады Баронъ Мейндорфъ, увидѣвъ, что вдали идетъ какая-то кучка Егерей, человѣкъ 70 не больше, и несутъ наклонно какія-то древки, послалъ своего адъютанта, Графа Бобринскаго, узнать въ чемъ дѣло; узнавъ же изъ донесенія, что это возвращаются знамена Л.-Егерей, Баронъ Мейндорфъ сейчасъ же скомандовалъ «Смирно! сабли вонъ! гг. офицеры», а Драгунскіе и Гусарскіе трубачи заиграли походъ. Проходя мимо насъ знамена подняли, и развернули. Стоявшіе около насъ, и проходившіе мимо Егеря—со слезами благодарности смотрѣли на насъ, отдававшихъ честь боевой славѣ ихъ полка.

Простояли мы на этой позиціи до 7 часовъ вечера, пока совсѣмъ не стемнѣло, и не кончили уборку раненыхъ. Тогда бригаду, отведя съ $^1/_2$ версты назадъ, поставили какъ дежурную часть, при выходѣ изъ Свинарской Балки, для охраны и прикрытія, какъ балки, въ которой собраны были раненые Егеря, такъ и д. Свинаръ (Чириково тожъ), куда свезены были всѣ раненые подъ Горнымъ Дубнякомъ, находились дивизіонные лазареты и артиллерійскіе парки. Послѣ боя, сейчасъ же, командиръ батареи послалъ подъ командою фейерверкера Нечипуренко, опорожненные два зарядные ящика, для пополненія ихъ снарядами изъ летучаго отдѣленія Кавалерійскаго парка,—подошедшаго въ это время къ д. Чириково; и ящики эти, пополнившись, прибыли къ батареѣ съ разсвѣтомъ. 13-го октября. Второй эшелонъ ящиковъ подъ командою прапорщика Мезенцова 1-го во время боя старался держаться поближе къ позиціямъ 1-го и 2-го взвода, но, чтобы быть внѣ выстрѣловъ, онъ располагался въ лощинѣ, идущей кругомъ позицій; не смотря на это, непріятельскія пули все же ложились въ его расположеніе; да не только наши ящики, но и перевязочный пунктъ, помѣщавшійся въ лощинѣ при выходѣ изъ Свинарской Балки, не былъ обезпеченъ отъ этихъ пуль. Нельзя умолчать о замѣчательной дѣятельности нашего фельдшера унтеръ-офицера Твердовскаго, Находясь на самой батареѣ съ 1 и 2 взводами, онъ перевязывалъ нашихъ раненыхъ на самой позиціи; но такъ какъ у насъ ихъ было немного, всего 4, то онъ остальное время, а особенно когда мы прикрывали выносъ раненыхъ, перевязывалъ Егерей на са-

мыхъ передовыхъ линіяхъ боя; быстро и ловко владѣя своими орудіями и сохраняя стоическое хладнокровіе подъ градомъ пуль и свистомъ гранатъ, онъ сдѣлалъ большую услугу медицинскому персоналу этого отряда. За этотъ подвигъ, достойный глубокаго уваженія, Твердовскій удостоился получить отдѣльный знакъ отличія Военнаго Ордена.

Во время боя, нѣкоторые солдаты, первое время наклоняли головы, и какъ бы присѣдали при свистѣ непріятельскихъ гранатъ, но послѣ 4—5 выстрѣловъ, а особенно отъ шутокъ товарищей, они отъ этого избавились. Но вообще наши солдаты къ артиллерійскому огню скорѣе привыкали, чѣмъ къ ружейному: «эту видишь, а та не знаешь откуда и взялась!» И дѣйствительно, онъ видитъ дымъ, потомъ слышитъ звукъ выстрѣла, затѣмъ привычный ихъ глазъ зачастую улавливаетъ снарядъ въ высшей точкѣ траекторіи его полета, и съ этого момента по звуку (привыкнувъ въ мирное время стоя въ наблюдательной цѣпи) опредѣляетъ перелетъ, недолетъ или «наша»; при первомъ или второмъ, конечно, является ужаснымъ критикомъ, а при хорошемъ попаданіи—отдаетъ справедливость, какъ цѣнитель искусства. «Ловко! хоть и Турка—а пшь какъ угораздилъ—пожалуй, призъ выбилъ бы».

Въ этомъ дѣлѣ у насъ ранены:

Ѣздовой 1-го выноса 1-го орудія—Соцковъ.

4-й номеръ 1-го орудія—Ноздренко.

8-й номеръ 4-го орудія—Палатниковъ.

Выпущено снарядовъ { обыкновенныхъ гранатъ 102. / шрапнелей 50.

Лошадей ранено 4.

Убито лошадей 5; изъ нихъ одна была тяжело ранена—раздроблено плечо, и ее нужно было пристрѣлить; командиръ, не желая поручать этой грустной обязанности кому-либо изъ нижнихъ чиновъ, предоставилъ сдѣлать это Болгарину; дали ему револьверъ и показали куда надо стрѣлять, на что этотъ сынъ природы отвѣтилъ: «Знамъ, братушка, я Турка въ Ловча рѣзалъ».

Такъ какъ бригада наша была поставлена при выходѣ изъ Свинарской Балки, какъ охранительный отрядъ, то мы всю ночь простояли, не разбивая коновязей и не разсѣдлывая; а

взводы поочереди по 3 часа дежурили. Лошадей поочередно поили изъ ручья, и дали фуражъ, имѣвшійся въ сѣткахъ при себѣ. Костровъ не позволено было разводить, и люди совсѣмъ уже въ темнотѣ въ 9 часу вечера, въ первый разъ принялись за ѣду того мяса, которое было сварено еще 11-го числа, съ размоченнымъ въ водѣ сухаремъ; для подкрѣпленія силъ имъ дано было по чаркѣ водки. Проведя прошлую ночь безъ сна, цѣлый день (очень жаркій) пробывъ подъ сильнымъ впечатлѣніемъ перваго боя, въ работѣ или на конѣ, люди до того изморились, особенно морально, что тѣ, которые были не въ нарядѣ, исполнивъ уходъ свой за лошадью и при орудіяхъ — какъ гдѣ сидѣли, такъ и заснули. Офицеры находились въ томъ же положеніи; провѣривъ людей своихъ взводовъ, осмотрѣвъ чистку орудій, сосчитавъ снаряды и пополнивъ свои передки, закусили холодной говядиной и шеколадомъ [1]), да тутъ же (кромѣ двухъ дежурныхъ) легли на голую землю, и заснули богатырскимъ сномъ. Хотя часа черезъ 3 нашъ походный поваръ и привезъ на вьюкѣ обѣдъ, сваренный имъ въ д. Чириково, но спящіе не захотѣли изъ-за него вставать, и яко бы горячій обѣдъ, достался на утѣшеніе и развлеченіе дежурныхъ.

Охраненіе Ракитской высоты.

13-го октября насъ разбудилъ на зарѣ утренній морозъ, сильно пробравшій насъ, ничѣмъ не прикрытыхъ и лежащихъ на мокрой травѣ.

Рано же утромъ получено было приказаніе нашей бригадѣ двинуться немедленно на Ракитскую высоту и, занявъ на ней позицію, держаться тамъ до новыхъ распоряженій, не допуская непріятеля обойти въ тылъ съ лѣваго фланга расположеніе всего нашего отряда. Бригада пошла на рысяхъ къ Ракитѣ и расположилась на ней въ боевомъ порядкѣ еще до восхода солнца. Батарея заняла позицію, которую 12 числа занимала 3-й взводъ (на планѣ № 5), поставивъ орудія на

[1]) Это была, во всю кампанію, наша любимая пища; очень питателенъ, легко добывался время отъ времени у маркитантовъ и удобно перевозился и сохранялся.

большихъ интервалахъ, и не на самомъ гребнѣ горы, который былъ совершенно открытымъ, а не много спустившись съ него, гдѣ они были хорошо маскированы кустарникомъ дубняка, густо растущимъ по всему С. и С.-З. склону Ракитской высоты. Передки стали на Ю.-В. склонѣ горы (на планѣ п.п.), а ящики за передками на Ю. Ю. В. склонѣ (на планѣ я.я.).

Спѣшенные Драгуны заняли крутой оврагъ впереди и влѣво фронта батареи; Л.-Гусары стали въ прикрытіе справа батареи; оба полка выставили аванпостную цѣпь, секреты и посылали разъѣзды. Занявши эту позицію, отрядъ нашъ былъ удаленъ отъ ближайшихъ къ намъ нашихъ силъ, расположенныхъ у д. Чирково, на 12 верстъ, имѣя передъ собою въ 3-хъ верстахъ у Караулки непріятельскій отрядъ пѣхоты съ 2-мя орудіями, на правомъ флангѣ впереди, въ 7-ми верстахъ весь Телишскій гарнизонъ, и на лѣвомъ флангѣ, въ укрѣпленномъ лагерѣ подъ с. Радомирцы—большой непріятельскій отрядъ изъ всѣхъ родовъ оружія (по показаніямъ разъѣздовъ и Болгаръ—5 таборовъ пѣхоты, 4 орудія и порядочное количество кавалеріи—исключительно, впрочемъ, баши-бузуковъ).

И такъ отрядъ нашъ, имѣя важное назначеніе—оберегать тылъ и лѣвый флангъ всего расположенія нашихъ силъ и не допускать къ Телишу покрѣпленій, съ честью выполнилъ эту задачу, простоявъ на Ракитѣ 13, 14 и 15-е числа, и предоставленный исключительно самому себѣ.

Всѣ три дня и три ночи, по другую сторону оврага—отъ караулки и до Телиша—стояла цѣпь баши-базуковъ, противъ нашей Гусарской и Драгунской цѣпи, ведя хотя и рѣдкую, но непрерывную перестрѣлку. Всякій день съ разсвѣтомъ изъ-за караулки, непріятель выставлялъ 2 орудія (на планѣ z), а пѣхота, спускаясь цѣпью, по кустамъ и лѣсу съ С. на Ю. и Ю.-З., завязывала оживленную перестрѣлку съ нашей цѣпью Драгунъ и всякій разъ, встрѣчая сильный отпоръ мѣткой пальбой Драгунъ, къ 12 часамъ дня прекращала наступленіе и стрѣльбу, возобновляя послѣднюю къ вечеру для того, чтобы втянуться обратно за караулку.

Мы, артиллерія, не стрѣляли: по караулкѣ — вслѣдствіе дальности, а по медленно и нерѣшительно наступавшей цѣпи—чтобы не завязать серьезнаго дѣла, такъ какъ наша задача

была, не раскрывая своихъ силъ, держаться на позиціи, и ввести непріятеля въ обманъ, будто Ракита занята сильнымъ отрядомъ, и онъ не рѣшился бы серьезно ее атаковать съ превосходящими насъ силами, и притомъ располагая массой пѣхоты, противъ которой мы могли выставить только спѣшенныхъ Драгунъ. Для выполненія втораго условія задачи, т. е. введенія непріятеля въ обманъ относительно нашихъ силъ, Драгунъ спѣшили возможно больше, а на правомъ флангѣ даже Гусары выставили пѣшую цѣпь; коноводы тщательно были спрятаны отъ взоровъ съ окружающихъ вершинъ; конная цѣпь и разъѣзды зорко слѣдили, никого не пропуская; а по ночамъ раскладывали возможно большее количество костровъ со всѣхъ сторонъ [1]).

14-го числа утромъ, мы увидѣли, какъ изъ Телиша и караулки были выкинуты сигнальные флаги, и вслѣдъ за этимъ, изъ обоихъ пунктовъ выступила пѣхота до 1 табора съ каждой стороны, направляясь по Софійскому шоссе на встрѣчу другъ другу; затѣмъ изъ караулки выступилъ вьючный обозъ до 50-ти лошадей, подъ прикрытіемъ густой цѣпи кавалеріи и отряда пѣхоты, шедшаго сбоку шоссе съ нашей стороны. Когда обозъ этотъ встрѣтился съ отрядомъ, вышедшимъ изъ Телиша, то конвоировавшее его прикрытіе повернуло обратно къ караулкѣ, а обозъ продолжалъ путь подъ охраной уже Телишскаго отряда. Сильно чесались у всѣхъ насъ руки, чтобы разгромить это шествіе, но строгій приказъ не ввязываться въ дѣло, удержалъ насъ отъ этого воинственнаго порыва. 14-го же числа утромъ, разглядѣли мы впереди нашего лѣваго фланга, верстахъ въ 5-ти на С.-З. отъ насъ, въ лѣсной прогалинѣ, большой кавалерійскій бивуакъ. Съ нашей высоты отчетливо были видны коновязи, не менѣе полка; а за бивуакомъ изъ лѣсу подымались дымки, наводившіе насъ на мысль что тамъ должна быть еще и пѣхота. И дѣйствительно, разъѣзды донесли, что изъ укрѣпленнаго лагеря подъ Радомиромъ, вышелъ отрядъ пѣхоты, 3 табора, и полкъ кавалеріи, которые

[1]) Мѣры эти настолько достигли своей цѣли, что по сдачѣ Телиша, плѣнные турецкіе офицеры не допускали возможности, чтобы на Ракитѣ стояла только Кавалерійская бригада; они тамъ считали дивизію пѣхоты съ Артилеріею и Кавалеріею. Имъ такъ доносили и ихъ разъѣзды.

и стали въ лѣсу южнѣе Софійскаго шоссе и на С.-З. отъ Ракиты; а болгаринъ сообщилъ, что и «4 топы» (т. е. пушки) привезли. Подкрѣпленіе этимъ, отряда у караулки выразилось тѣмъ, что турки получили возможность больше охватить нашъ лѣвый флангъ Кавалерійскою цѣпью, и на этомъ пунктѣ начали сильнѣе безпокоить насъ пѣхотной цѣпью, такъ что пришлось драгунскую цѣпь сильно протянуть на Ю.-З., почти до д. Ракиты, которая была занята нашимъ довольно сильнымъ пикетомъ.

Всѣ три дня 13, 14 и 15-го, мы со своей позиціи прекрасно видѣли невооруженнымъ глазомъ, какъ турки съ ранняго утра и до захожденія солнца, усиленно работали надъ Телишскими укрѣпленіями, усиливая существовавшія уже профили, смыкая укрѣпленіе на Западъ и возводя новыя, передовыя. Такъ какъ обозъ не приказано было подтягивать къ Ракитѣ, то солдаты варили эти дни пищу въ котелкахъ, тутъ же на мѣстѣ на позиціи; 13-го вечеромъ посылали въ въ обозъ, расположенный у д. Чириково, откуда и привезли на вьюкахъ сухарей, крупы, мяса и спирту. Къ пищѣ солдатъ прибавилась въ массѣ растущая по кукурузѣ тыква, которую солдаты варили, причемъ выходила превосходная каша; а также одичалыя свиньи, стадами бродившія вокругъ поголовно брошенной жителями д. Ракиты. Лошади трое сутокъ стояли въ запряжкѣ и не разсѣдлывались, поили ихъ поочередно; за фуражемъ отправлялись подъ прикрытіемъ стоявшаго въ резервѣ эскадрона Гусаръ, въ д. Ракиту. Въ первый день въ этой деревнѣ одновременно фуражировали и мы, и турки; мы съ В. стороны, а они съ З., но потомъ, когда разъѣзды наши оттѣснили непріятеля, деревня осталась въ нашемъ распоряженіи; но такъ какъ она была совершенно брошена жителями, разграблена и наполовину сожжена башибузуками, то въ ней съ трудомъ лишь добывали немолоченные снопы ячменя, пшеницы и изрѣдка овса. Этимъ мы и кормили лошадей и хотя, давая зерно, солдаты обрубливали колосъ и переминали ихъ въ торбѣ, но все же многія лошади понакалывали себѣ рты до того, что у нѣкоторыхъ явились насосы.

Простоявъ день на позиціи, батарея, когда уже оконча-

тельно темнѣло, безъ шума, на рукахъ, скатывала орудія на В. склонъ къ передкамъ, а затѣмъ уходила за Ю. скатъ Ракитской высоты, гдѣ становилась по правиламъ дежурной части. За часъ до разсвѣта, опять становились на дневную позицію. Ночи обыкновенно были очень холодныя, такъ какъ уже начались утренніе морозы; но, благодаря массѣ костровъ (которые раскладывались для обмана противника), большой порціи чая, а по утрамъ водки съ хининой, заболѣваній между солдатами не было. Офицеры находились въ тѣхъ же условіяхъ; ночь проводили сидя у костровъ, за разговорами или съ папиросками во рту, спали поочереди; а днемъ, пригрѣтые солнцемъ, также поочереди отдыхали тутъ же у орудій. Для продовольствія выписанъ былъ изъ обоза наемный нашъ поваръ, на вьюкѣ привезшій свои несложные аттрибуты; въ первое время онъ былъ общей потѣхой, когда волненія его не знали границъ отъ летающихъ мимо его камелька пуль [1]). Но самолюбіе взяло верхъ и вскорѣ онъ началъ бойко и искусно управляться, продовольствуя офицеровъ почти всего отряда. Провизіей ему служили свиньи и овцы.

15-го вечеромъ получена была диспозиція для бомбардированія Телиша на 16-е Октября. Бригадѣ съ батареею приказано было, оставаясь на Ракитской высотѣ, защищать тылъ и лѣвый флангъ отряда и не допускать Шефкета Пашу съ подкрѣпленіемъ къ Телишу, т. е. исполнять то же порученіе, которое было возложено 12-го Октября на Драгунскій полкъ съ нашимъ 3-мъ взводомъ.

Второй бой подъ Телишемъ 16-го Октября.

Приказаніе это сильно насъ всѣхъ порадовало; во 1-хъ, въ ожиданіи новаго боя, въ благополучномъ исходѣ котораго никто не сомнѣвался; во 2-хъ, было страстное желаніе отмстить врагу за потери, которыя 12-го Октября понесли Егеря, а въ 3-хъ, наконецъ, и потому, что бригада наша сильно утомилась, не имѣя впродолженіи 4-хъ дней и 5-ти ночей (съ 11-го по 16-е Октября) ни минуты покоя; выдержавъ бой

[1]) Какъ уже сказано выше, ружейная перестрѣлка у насъ не прекращалась отъ зари до зари.

впродолженіи цѣлаго дня и простоявъ 3-е сутокъ на аванпостахъ, подъ непрерывнымъ ружейнымъ огнемъ, въ сильно напряженномъ состояніи, войска, конечно, требовали хотя немного отдыха.

16-го, еще до разсвѣта, батарея вновь заняла насиженную позицію. Въ восьмомъ часу мы увидѣли, какъ наши располагались вокругъ Телина: въ девятомъ часу прибыла наша 1-я бригада съ 2-й батареею, которая и заняла позицію, которую нашъ 3-й взводъ занималъ 12-го Октября, но фронтомъ къ Телину (на планѣ № 4-й) подъ прикрытіемъ съ лѣваго фланга Л.-Уланъ, а съ праваго Конно-Гренадеръ. Въ девятомъ часу, на нашу позицію пріѣхалъ начальникъ дивизіи, Генералъ-Лейтенантъ Леоновъ со Штабомъ, при этомъ начальникъ Штаба его, Полковникъ Бунаковъ, привезъ отряду нашему большое спасибо отъ начальника отряда Генералъ-Адъютанта Гурко за то, что мы стойко выстояли на такой критической позиціи и сохранили за собой такой важный пунктъ. Въ 10 часовъ начальникъ дивизіи приказалъ нашей батареѣ перейти на другую позицію (на планѣ № 6-й); она хотя и была ближе къ непріятелю сажень на полтораста, но за то значительно ниже Ракитской, и притомъ была отчасти подъ командованіемъ нѣкоторыхъ высотъ, занятыхъ непріятелемъ. Батарея спустилась съ высоты и стала на возвышенности у края оврага, густо поросшаго высокимъ кустарникомъ, а отчасти и лѣсомъ; это обстоятельство и сильная пересѣченность мѣстности были причиною, что не для всѣхъ орудій можно было выбрать одинаково хорошую позицію, откуда они могли бы удобно обстрѣливать всю впереди лежащую мѣстность. Передки, хотя и стояли близко отъ орудій, но были совершенно укрыты въ высокой кукурузѣ, которая, между прочимъ, сильно затрудняла номеровъ, подносящихъ снаряды. Какъ только батарея стала на позицію, то сейчасъ же открыла огонь по непріятелю, сосредоточенному у караулки и по батареѣ въ 3 орудія, которую онъ выставилъ западнѣе караулки (на планѣ Z).

По батареѣ дали гранатой на 1100 саж.—недолетъ, 2-ой на 1250—не видѣли, 3-й на 1200—не видѣли, 4-й 1150—недолетъ, 5-й 1180—маленькій перелетъ, 6-й 1160—хорошо. На этой высотѣ прицѣла и остановились, изрѣдка провѣряя

его, давая на 1180 и 1170 саж. и всякій разъ при этихъ высотахъ получали небольшіе перелеты. 2-му и 3-му взводамъ командиръ батареи приказалъ продолжать пальбу по батареѣ и прикрывающихъ ее войскахъ, а 1-му взводу громить караулку. 1-й взводъ далъ по ней на 1150 саж.—перелетъ, 2-ой выстрѣлъ на 1120—перелетъ, 3-й на 1080—недолетъ, 4-й на 1100 маленькій перелетъ, 5-й на 1090 – попало въ крышу и изъ пробоины и трубы выбросило массу дыма и пыли. Общій возгласъ одобренія былъ наградою наводчику 1-го орудія—Темному. Непріятельскія гранаты падали сажень на 20 за передками, не принося черезъ это никакого вреда; пришлось только коноводовъ отвести за лѣвый флангъ и спрятать ихъ въ чащѣ лѣса, гдѣ укрывались и коноводы Драгунъ. Послѣ часовой артиллерійской перестрѣлки, непріятельская пѣхота начала наступать, пробираясь кустами и лѣсомъ къ Ю.-З. отъ караулки. Это было около 11 часовъ, и въ это же время началась бомбардировка Телиша. Командиръ приказалъ 1-му взводу отвѣчать на выстрѣлы непріятельской батареи, а 2-му и 3-му взводамъ стрѣлять по наступающей пѣхотѣ. Зная уже разстоянія, по опыту 12-го Октября, наши выстрѣлы были дѣйствительно очень мѣтки, и, какъ намъ казалось, непріятель настолько отъ нихъ терпѣлъ, что очень нерѣшительно подавался впередъ, а пройдя немного высоту (на планѣ V) и ставъ подъ убійственный огонь нашей шрапнели, которую мы давали съ 660 саж., онъ окончательно пріостановился, втянулся въ лѣсъ на Западъ и началъ пробираться обратно къ караулкѣ; но тамъ въ это время на непріятельскую батарею стали ложиться гранаты съ С.-В. По общей диспозиціи, это долженъ былъ быть отрядъ Генералъ-Маіора Черевина. Непріятельская батарея снялась и весь ихъ отрядъ началъ отступать по Софійскому шоссе на З. Было $11^{1}/_{2}$ час. дня, когда мы должны были прекратить пальбу, такъ какъ отрядъ Генералъ-Маіора Черевина, сильно тѣсня отступавшаго непріятеля, закрылъ намъ цѣль стрѣльбы; о дѣйствіяхъ и направленіи своего отряда Генералъ-Маіоръ Черевинъ прислалъ намъ передать, черезъ 3-хъ кубанскихъ казаковъ, которые молодцами, по кукурузѣ, пробрались сквозь непріятельскую цѣпь и вынырнули передъ нами положительно изъ-подъ земли.

Въ первомъ часу пришло донесеніе отъ Драгунскаго разъѣзда, что непріятель изъ укрѣпленнаго лагеря подъ с. Радомиры и бивуакахъ впереди его, снялся и идетъ Южнѣе Софійскаго шоссе, направляясь на Ю.-В. Для обезпеченія своего крайняго лѣваго фланга отъ наступленія противника, начальникъ дивизіи приказалъ нашей батареѣ стать вновь на Ракитской высотѣ. Батарея заняла прежнюю позицію, но только 3-й взводъ подали лѣвымъ флангомъ назадъ, такъ что онъ сталъ фронтомъ на С.-З. Во второмъ часу, непріятель въ большомъ числѣ сталъ тѣснить отрядъ Генералъ-Маіора Черевина, стоявшій на линіи караулки и сѣвернѣе ея. Это шелъ Шефкетъ Паша на выручку Телишу. Непріятель выставилъ 6-ти-орудійную батарею на высотѣ, въ лѣсу южнѣе Софійскаго шоссе (на планѣ IV), и открылъ частую пальбу по батареѣ и отряду Генералъ-Маіора Черевина, и подъ прикрытіемъ этихъ выстрѣловъ, превосходными пѣхотными силами сталъ еще энергичнѣе тѣснить его. Для поддержки Генералъ-Маіора Черевина, начальникъ дивизіи приказалъ поставить 2 орудія на позицію С. и ниже Ракиты (на планѣ № 6). Командиръ батареи послалъ туда нашъ 1-й взводъ подъ командою Поручика Чичагова 2-го. Остальные 4 орудія остались на Ракитѣ, откуда и открыли огонь по непріятельской батареѣ на высотѣ IV. Первый выстрѣлъ дали гранатой на 850 саж.—недолетъ, 2-й на 1100—перелетъ, 3-й на 950—недолетъ, 4-й 1000—перелетъ, 5-й на 980—перелетъ, 6-й на 960—ничтожный недолетъ и даже хорошо, 7-й 970—хорошо, 8-й—повѣрочный, на 980—перелетъ; остановились на дистанціи въ 970 саж. Одновременно съ этимъ, изъ кустовъ къ С.-З. отъ насъ, вышла густая кавалерійская цѣпь непріятеля, направлявшаяся къ Ю.-В., а въ лѣсу было видно развертываніе пѣхоты, густая цѣпь которой заняла опушку кустовъ, охватывающихъ съ Ю. и Ю.-В. высоту IV и З. и Ю. высоты V. Наши 4 орудія, оставшіяся на Ракитѣ, изрѣдка отвѣчая на огонь турецкой батареи IV, весь огонь обратили на пѣхоту. Пропустивъ ее ниже позиціи IV, дали на 900 саж.—недолетъ. Выждали пока она наступала, повторили второй на 900 — хорошо, въ самый таборъ, такъ какъ въ немъ тотчасъ же произошло замѣшательство. Съ этой дистанціи и провожали пѣхоту, пока она не укры-

лась въ лѣсу. Первый взводъ только что сталъ на позицію (на планѣ № 7-й), какъ увидѣли, что непріятельская кавалерія, собравши свою цѣпь въ сомкнутую часть (на планѣ б.б.), направилась на Ю.В., какъ бы желая атаковать во флангъ Л.-Уланъ, стоявшихъ въ прикрытіи нашей 2-й батареи. Поручикъ Чичаговъ 2-й открылъ по нимъ пальбу шрапнелью съ 700 саж., участивъ ее до возможнаго предѣла. Уланы, быстро перемѣнивъ фронтъ, пошли въ атаку, мы довели свою шрапнель до 850 саж.; но тутъ баши-бузуки не приняли атаки, повернули и пошли преслѣдуемые стройно идущимъ въ карьеръ 4-мъ эскадрон. Уланъ. Баши-бузуки взяли направленіе между своихъ высотъ V и IV, гдѣ въ кустахъ сидѣла масса ихъ пѣхоты; намъ ясно было видно, что они наводятъ Уланъ на свою пѣхоту. За дальностью мы не имѣли никакой возможности предупредить молодцовъ Уланъ; а все, что мы могли сдѣлать, расчитывая, что это обратитъ ихъ вниманіе, такъ это то, что мы, 1-й взводъ и 4 орудія, стоящія выше его на Ракитѣ, бросивъ всѣ свои цѣли, сосредоточили весь свой огонь шрапнелью на эту пѣхоту. Баши-бузуки, подойдя на очень близкое разстояніе отъ своей пѣхоты, лежавшей въ кустахъ быстро разсѣялись влѣво и вправо, и Уланы были осыпаны пулями, но атака ихъ была до того стремительна, что передовая непріятельская цѣпь была сломана. Послѣ этого мы были свидѣтелями рѣдкой въ военной исторіи картины: Уланы, подъ громкую команду, повернули по взводно на лѣво кругомъ, и начали стройно и спокойно отходить шагомъ, осыпаемые положительно градомъ пуль. Это была такая величественная картина, при которой уже нѣтъ словъ для похвалъ. Въ то время, когда 1-й взводъ нашъ учащенно стрѣлялъ по наступавшей непріятельской кавалеріи, остальныя наши 4 орудія, стоявшія на Ракитѣ, продолжали пальбу по турецкой батареѣ IV, и по сомкнутымъ пѣхотнымъ частямъ, по временамъ показывавшимся на прогалинахъ лѣса между высотами IV и V, и на югъ отъ нихъ; но ближайшимъ къ намъ таборамъ стрѣляли шрапнелью на 660 саж., а по дальнѣйшимъ — на 850 саж.

Такимъ образомъ батарея наша стрѣляла двуяруснымъ огнемъ; 2-й и 3-й взводы черезъ голову 1-го взвода, и при-

крывавшую его Драгунскую цѣпь. Но вслѣдствіе близости нашихъ обѣихъ позицій и большой разницы высотъ, огонь этотъ не вредилъ нашимъ ни физически, ни моралъно.

Какъ выше сказано, когда башн-бузуки повернули и стали наводить нашихъ Уланъ на свою пѣхоту, тогда и 1-й взводъ, и 2-й съ 3-мъ черезъ голову 1-го начали поражать учащеннымъ огнемъ шрапнели непріятельскую пѣхоту, лежавшую въ кустахъ, и на которую наводили Уланъ. Съ Ракиты давали возвышеніе 680 саж., а 1-й взводъ 520 саж. Пристрѣлка потому была быстра и вѣрна, что мы еще 12-го знали, что высота V отстоитъ отъ Ракиты на 800 саж

Когда Уланы стали отходить, мы все же продолжали сосредоточенный огонь по той же пѣхотѣ, чтобы не дать ей преслѣдовать ихъ; Драгунская цѣпь, перейдя оврагъ, пошла въ наступленіе; въ это же время батарея отряда генералъ-маіора Черевина, отойдя отъ караулки и занявъ позицію на С.-В. отъ нея, поражала лѣвый флангъ непріятельской пѣхоты, и батарею его на высотѣ IV. Все это привело къ тому, что турки не только не преслѣдовали Уланъ и не продолжали наступленія, а снялись и начали отступать на западъ. Вслѣдъ за отступающей непріятельской пѣхотой, батарея ихъ умолкла и, снявшись съ высоты IV, отступила на З. Когда непріятельская батарея снималась съ позиціи, мы участили по ней огонь и потомъ провожали ее выстрѣлами до высоты прицѣла 1150 саж.

Все это дѣло, начиная съ момента атаки башн-бузуковъ и до начала полнаго отступленія противника, продолжалось не болѣе $^1/_2$ часа, и въ это время мы вели самую учащенную пальбу шрапнелью; особенно 1-й взводъ, который менѣе чѣмъ въ $^1/_4$ часа, выпустилъ весь комплектъ своихъ шрапнелей, такъ что къ нему для пополненія снарядовъ отправленъ былъ зарядный ящикъ. Такая частая пальба 1-го взвода была возможна только благодаря прикрывавшимъ его Драгунамъ, которые помогали подносить снаряды; а обучавшіеся артиллерійскому дѣлу и подготовляли ихъ; иначе наши номера, принужденные бѣгать за снарядами къ передкамъ довольно далеко, по густой и высокой кукурузѣ, не успѣвали бы во время ихъ подносить. Огонь съ непріятельской батареи IV былъ для

насъ безвреденъ, ежели не считать 3-хъ легко раненыхъ лошадей; былъ ли противникъ обманутъ нашимъ 2-хъ-яруснымъ огнемъ, гдѣ одновременно показывались два дымка, на близкомъ другъ отъ друга разстояніи, или по другимъ какимъ-либо причинамъ, но снаряды его падали съ педантической точностью все въ одно мѣсто, въ середину нашихъ позицій, въ тылу 1-го взвода и впереди 2-го и 3-го взводовъ. Когда посланъ былъ къ 1-му взводу зарядный ящикъ, подъ командою вахмистра Александрова, то путь его пролегалъ по этому сильно поражаемому мѣсту. Александровъ съ хладнокровіемъ стараго служаки провелъ ящикъ на полныхъ рысяхъ, не обращая никакого вниманія на дождь осколковъ, визгъ и трескъ разрывающихся гранатъ, и столбы дыму и пыли отъ взрытой земли; тутъ-то мы и поплатились тремя легко ранеными лошадьми.

Когда Шефкетъ-паша началъ полное отступленіе, было около 3-хъ часовъ; въ это же время надъ Телишемъ взвился бѣлый флагъ и громкое «ура» по всей нашей линіи возвѣстило намъ о сдачѣ Телиша. Радостно стало на душѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ проглядывало и другое чувство—чувство легкой досады, что Турокъ не рѣшился сойтись съ нами грудь съ грудью, чтобы, доканавъ его, отмстить ему за потери Егерей. «Какой онъ солдатъ—только какъ кротъ въ землѣ и держится, а какъ понапрутъ на него, такъ сейчасъ и пардону проситъ; а по нашему, на чистоту—въ открытую, онъ и не сможетъ»; подобными словами солдаты очерчивали характеръ турецкихъ войскъ.

Этотъ день мы, артиллеристы, до самаго юнаго солдатика включительно, считали своимъ праздникомъ и гордились торжествомъ своего оружія, доказавшаго наглядно, что, умѣючи имъ воспользоваться, легко и безъ потерь можно достигнуть тѣхъ результатовъ, которые при другихъ обстоятельствахъ обходятся очень дорого. По сдачѣ Телиша, съ нашей позиціи было видно, какъ изъ него удираютъ на С.-З. большія кучки кавалеріи и даже вьюки, а потому около 4-хъ часовъ, по приказанію начальника дивизіи, 2-й и 3-й взводы снялись съ позиціи и съ Л.-Гусарами пошли на рысяхъ къ Телишу, оставивъ 1-й взводъ съ Драгунами на ихъ позиціи (на планѣ

№ 6). Перейдя шоссе и не доходя версты $1^1/_2$ до Телиша, мы соединились съ 1-ю бригадою 2-й Гв. Кавалерійской дивизіи и нашей 2-й батареей. Выстроивъ боевой порядокъ (на планѣ к.к.), имѣя въ 1-й линіи 1-ю бригаду, двинулись вдоль шоссе къ караулкѣ, чтобы очистить мѣстность отъ находившихся тамъ и силившихся удрать изъ Телиша, шаекъ черкесовъ и кучекъ бѣглецовъ-пѣхотинцевъ. Когда уже стемнѣло, въ 6-мъ часу, бригада наша получила приказаніе вернуться и идти на бивуакъ въ балку къ д. Свинаръ, куда утомленные боемъ, трехдневными аванпостами и вторичнымъ боемъ, мы прибыли около 11 час. ночи, а на слѣдующее утро къ батареѣ присоединился и 1-й взводъ, остававшійся всю ночь на Ракитской позиціи, пока Л.-Гренадеры не смѣнили Драгунъ со всѣхъ занимаемыхъ ими постовъ.

Въ этомъ дѣлѣ выпущено снарядовъ:

обыкновенныхъ гранатъ. 53
шрапнелей 71,

которыя и были пополнены 17-го октября изъ летучаго отдѣленія Кавалерійскаго парка, стоявшаго въ д. Чириково.

Идя на бивуакъ и проходя Телишское укрѣпленіе, намъ представилась картина, отъ впечатлѣнія которой мы долго не могли отдѣлаться: убитые, раненые, разорванные гранатами на части люди, искалѣченныя животныя, груды брошеннаго оружія, особенно страшная масса патроновъ, оставленныхъ турками въ укрѣпленіяхъ; цѣлыя груды ихъ валялись въ деревянныхъ ящикахъ, на протяженіи всего бруствера, а шоссе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ было сплошь ими завалено. Особенно насъ поразилъ южный исходящій уголъ редута; тутъ, вѣроятно, прислонясь къ брустверу, укрывался отъ нашихъ гранатъ резервъ цѣпи, но какой-то удачный залпъ шрапнелью съ нашей восточной батареи сразу навалилъ груду тѣлъ; тутъ убитые и раненые повалились въ перемежку, и кто еще былъ живъ, съ тянущими за душу стонами и хрипомъ отъ мучительныхъ страданій, заканчивали свое существованіе подъ тяжестью убитыхъ тѣлъ своихъ товарищей. Наши солдатики, какъ истые артиллеристы, хотя и относились съ полнымъ сочувствіемъ къ этимъ страдальцамъ, все же не могли не отдать справедли-

вости удачной нашей стрѣльбѣ. «Экъ ее тутъ ловко рвало; какая же это батарея?» и пошли разныя догадки и похвалы ей. А когда въ восточномъ исходящемъ углѣ увидѣли подбитое орудіе, то восторгамъ не было конца. Выйдя же изъ укрѣпленія, мы наткнулись на другую, еще болѣе раздирающую картину: по пути масса труповъ Егерей, лежавшихъ еще съ 12 октября; всѣ они были совершенно голы [1]), а нѣкоторые изъ нихъ въ изувѣченномъ видѣ; невольно всякій солдатъ съ ужасомъ пріостанавливался предъ этимъ возмущающимъ душу зрѣлищемъ; съ глубокимъ вздохомъ, богобоязненно крестился и, отходя, напуствовалъ молитвой этихъ страдальцевъ. И досталось же тутъ на долю изверговъ много крѣпкой брани отъ честнаго и человѣчнаго въ бою русскаго солдата. Прійдя на бивакъ люди до того были утомлены 5-ти-дневнымъ напряженнымъ состояніемъ, что, разбивъ коновязи, поповъ и задавъ кормъ лошадямъ, легли отдыхать, не разбивая палатокъ. Лошадей кормили тутъ же въ балкѣ найденнымъ сѣномъ, а зерно (ячмень) доставили фуражиры на вьюкахъ, купивъ его въ д. Свинаръ. Фуражиры были посланы впередъ, какъ только было получено приказаніе идти съ позиціи у Телиша на бивуакъ. 17-го числа была дневка; люди отдыхали и оправлялись; сюда же притянутъ былъ провіантскій обозъ, стоявшій до этого за д. Чириково, изъ котораго пополнили, опорожнивъ его при этомъ совсѣмъ, 4-хъ-дневный запасъ провіанта, хранящійся въ вьюкахъ. Завѣдующему же обозомъ, фейерверкеру Лучаю, приказано было получить 8-ми-дневный запасъ изъ Интендантскаго транспорта, въ случаѣ онъ его встрѣтитъ. Кромѣ того купленъ былъ въ д. Свинаръ 5-ти-дневный запасъ зернового фуража, и вообще батарея оправилась. Спирту не было ни въ нашемъ обозѣ, ни въ интендатскомъ транспортѣ; но на наше счастье появился какой-то маркитантъ съ порядочнымъ запасомъ его, и хотя онъ дралъ цѣну невозможную, по 3 полуимперіала за ведро, но командиръ все же купилъ его, по разсчету 5 чарокъ на человѣка; спиртъ этотъ мы уложили съ собою, выдавая людямъ по одной чаркѣ въ день. Дневка эта была весьма знаменательна для батареи и ея командира. Въ этотъ день, бата-

[1]) У многихъ оставались надѣтыми галстухи, но рѣшительно ни у одного не было шейнаго крестика и *номерной бляхи*.

рея наша удостоилась получить, за дѣло подъ Телишемъ 12-го октября, 3 знака отличія Военнаго Ордена. Солдаты, безъ всякаго участія со стороны офицеровъ, выбрали сами изъ своей среды, закрытой баллотировкой: 3-го взвода взводнаго фейерверкера Татаринцова, наводчика 6-го орудія бомбардира Куропяченко и наводчика 3-го орудія, бомбардира Бута, которыхъ и признали достойными этой доблестной награды, а фельдшеръ Твердовскій получилъ особо-присланный знакъ отличія исключительно санитару батареи. И вотъ командиру, флигель-адъютанту полковнику Безаку, сформировавшему батарею, пришлось самому и навѣшивать эту великую награду на своихъ дѣтищъ, которыхъ онъ же водилъ и въ первый бой. Трогательно было видѣть эту сцену, въ которой такъ сильно высказались горячія родственныя чувства командира къ батареѣ, а батареи къ нему.

Стоянка подъ Плевной.

18-го октября получено было приказаніе отъ начальника отряда, генералъ-адъютанта Гурко; I. ж) Всей 2-й Гв. Кавалерійской дивизіи, въ полномъ ея составѣ, перейти въ Махалету, и д., II) Всѣмъ войскамъ, стоящимъ на бивуакахъ, приступить немедленно къ устройству землянокъ, и т. д. IV. 5) Между лѣвымъ флангомъ бывшей Румынской позиціи, нынѣ позиціи Гв. Стрѣлковой бригады, и правымъ флангомъ укрѣпленной позиціи, которую займетъ 3-я Гренадерская дивизія, впереди Горняго Нетрополя, содержать Кавалерійскую сторожевую цѣпь отъ 2-й Гв. Кавалер. дивизіи и отъ Кавалерійскаго отряда генерала Арнольда.

Въ цѣпь назначать одинъ полкъ съ одною конною батареею [1]) и д.

Въ силу этого приказа, бригада наша, 19-го утромъ, вышла изъ Свинарской Балки въ д. Махала—гдѣ собралась вся дивизія, и стала общимъ бивуакомъ. Люди, разбивъ палатки, очень искусно и удобно вырыли подъ ними землянки, такъ

[1]) Выписка изъ приказа по отряду отъ 18-го октября № 30.

что могли стоять во весь ростъ, а изъ плитняка—довольно остроумно сложили въ землянкахъ этихъ камины, съ выводной трубой, которые очень достаточно согрѣвали. Офицеры устроили себѣ такія же помѣщенія, но такъ какъ палатки ихъ были гораздо обширнѣе, то и камины можно было сдѣлать очень удобные и грандіозные; въ устройствѣ ихъ особенно отличался батарейный трубачъ Кузнецовъ. Весь батарейный обозъ былъ притянутъ къ намъ же на бивуакъ.

20-го октября наша батарея съ Л.-Гв. Гусарскимъ полкомъ пошла занимать аванпосты, въ общемъ обложеніи Плевны, и стала на позицію между Дольнимъ Дубнякомъ и мостомъ черезъ р. Видъ. Батарея въ дѣйствіе не вступала, а стояла въ главномъ караулѣ; простоявъ 2 дня, 21-го вечеромъ сдали свой постъ Кавалеріи и Конной Артиллеріи отряда генерала Арнольда, и вернулись на бивуакъ къ д. Махала. Стоя на аванпостахъ, батареѣ подвозили съ бивуака, на своемъ же обозѣ, фуражъ и сваренную пищу.

Во время стоянки у д. Махала, для фуражировокъ и продовольствія, всѣ окружныя деревни были распредѣлены Штабомъ дивизіи между частями. На нашу долю, совмѣстно съ Л.-Гусарами и Штабомъ дивизіи, досталась д. Махала.

По соглашенію Штаба дивизіи съ Чорбаджіями, была установлена такса на хлѣбъ, скотъ и фуражъ. Продовольствіе хлѣбомъ было устроено на тѣхъ же началахъ, какъ и въ д. Дольной Липницѣ. Скотъ принимали по премуществу, по утвержденной цѣнѣ, изъ Штаба дивизіи, получавшаго его отъ своихъ полковъ, на обязанности которыхъ лежала доставка его въ нашу дивизію, и въ полки Гвардейской пѣхоты, по эту сторону р. Вида. Зерновой фуражъ быстро поднялся выше справочныхъ цѣнъ, и при этихъ условіяхъ покупка его была возможна только потому, что сѣно было гораздо ниже справочной цѣны, при условіи доставки его своими средствами, при доставкѣ же хозяевами, было бы немыслимо продовольствоваться, такъ какъ доставка одна обходилась втрое дороже самой стоимости сѣна.

Въ это время мы начали ощущать сильный недостатокъ въ соли; тутъ-то и сказалось полное неудобство довольствія войскъ этимъ продуктомъ не натурою, а деньгами; купить ее

было положительно негдѣ. Тутъ же намъ пришлось начать расходовать тотъ запасъ подковъ и гвоздей, который мы взяли съ собой изъ Петербурга, такъ какъ до сихъ поръ подковывали и перековывали матеріаломъ, добываемымъ во время слѣдованія. Въ виду этихъ обстоятельствъ, командиръ батареи послалъ фойерверкера Лучая, съ телѣгой, въ г. Никополь, за покупкой всего необходимаго. На шестой день онъ вернулся, запоздавъ немного вслѣдствіе распутицы, но привезъ соли 10 пудовъ, и гвоздей, а подковъ не досталъ, а привезъ лишь желѣза для нихъ.

24-го октября, Государь Императоръ объѣзжалъ Гвардейскія войска, стоящія подъ Плевной; нашъ командиръ, флигель-адъютантъ полковникъ Безакъ, пріѣхавшій съ своего бивуака на это торжество, удостоился получить лично Всемилостивѣйшую благодарность за дѣйствія батареи съ 12-го по 16-е октября, при атакахъ с. Телиша; благодарность эту Государь Императоръ изволилъ приказать передать какъ офицерамъ, такъ и нижнимъ чинамъ батареи.

27-го октября, батарея удостоилась получить еще три знака отличія Военнаго Ордена, за дѣло 16 октября подъ с. Телишемъ. По выбору и приговору самихъ нижнихъ чиновъ получили его: вахмистръ батареи Александровъ, взводный фейерверкеръ 1-го взвода Салыга, и наводчикъ 1-го орудія Темный. Съ 25-го числа пошли сильные и частые дожди, очень разгрязнившіе бивуакъ, а потому части нашей дивизіи приказано было расположить по квартирамъ въ тѣхъ деревняхъ, которыя имъ назначены были для продовольствія и фуражировки.

Въ это время въ батарею поступилъ еще новый офицеръ, поручикъ Мальцовъ, служившій прежде въ Гв. Конной артиллеріи и вышедшій лѣтъ 8 тому назадъ въ отставку; передъ кампаніей, полный патріотическихъ чувствъ, онъ вновь поступилъ на службу, и до прибытія Гвардіи на театръ войны, дѣлалъ кампанію, состоя ординарцемъ при начальникѣ артиллеріи дѣйствующей арміи, генералъ-адъютантѣ князѣ Масальскомъ. Но какъ только мы вступили на Болгарскую землю, онъ сейчасъ же поторопился вернуться въ свою родную семью, принеся съ собою помимо массы прошлыхъ товарищескихъ воспоминаній, еще и свѣжія впечатлѣнія начала кампаніи и

юную боевую опытность. 26-го октября пришло извѣстіе, что мы идемъ къ Балканамъ, подъ общей командой «Орла командира», какъ солдаты называли генералъ адъютанта Гурко. Опять все встрепенулось, и оживилось отъ этой вѣсти. Въ парольномъ приказаніи на 27-е октября 1877 года по отряду приказано было устроить хлѣбопекарни въ Радомирцѣ и всю муку и зерно, собираемые въ деревняхъ по р. Виду, частями 2-й Гв. Кавалер. дивизіи, отправлять туда; а въ частяхъ скопить сухарный запасъ на 10 дней, къ 1-му ноября, не расходуя его до движенія. Въ силу этого приказанія, на батарею нашу возложено было наблюденіе за работами на водяныхъ мельницахъ у д. Махала. Командиръ батареи назначилъ на одну мельницу поручика Чичагова 2-го, на другую—поручика Мальцова, а на третью—удаленную отъ нашего расположенія на 6 верстъ—подпоручика Шереметева и прапорщика Мезенцова, которые и очередовались на ней по днямъ; въ подмогу офицерамъ, на каждую мельницу была назначена команда, 2 фейерверкера и 10 рядовыхъ, преимущественно хорошо знакомыхъ съ этимъ производствомъ.

Офицеры наши, предоставивъ владѣльцу мельницы 1 поставъ для размола муки жителямъ, на остальныхъ поставахъ работая сами, со смѣною людей, день и ночь перемалывали зерно, которое имъ доставляли команды Кавалерійскихъ частей, а перемоловъ, сдавали въ транспорты, конвоируемые въ Радомирцы нашей же кавалеріей. Такимъ образомъ, этимъ «мучнымъ дѣломъ» мы занимались съ 27-го октября по 4-е ноября, т. е. по день выступленія нашего изъ д. Махала.

Въ это же время лихимъ набѣгомъ Конно-Гренадерскаго полка, съ нашей 2-й батареей, былъ взятъ г. Враца, гдѣ отбитъ былъ большой турецкій складъ продовольствія. Изъ этого склада батарея пополнила свой, пустой въ это время, сухарный запасъ въ большемъ количествѣ, разсчитывая на полную дачу; взяли на 14 дней сухарей, превосходнаго качества и очень вкусныхъ, а вмѣсто крупы—пополнились рисомъ. Чтобы взять съ собою всю эту массу провіанта, мы укладывали его гдѣ только могли, въ обозѣ заняли всѣ уголки, на ящикахъ, передкахъ, на вьюки, помимо сухарныхъ саквъ, уложили еще и въ фуражныя сѣтки, такъ какъ мы по опыту убѣдились, что

сѣно возить въ нихъ съ собою лишнее; всегда найдешь, ежели и не сѣно, то хоть солому. За 17-ти-дневную стоянку въ д. Махала, болѣзней не было, такъ какъ люди получали прекрасную и обильную пищу, а въ сырые и холодные дни спиртъ съ хининой. Спиртъ въ это время покупался командиромъ батареи, по той же сумасшедшей цѣнѣ, у маркитанта. И единственно чай и сахаръ удавалось намъ принимать изъ интендантскихъ транспортовъ.

4-го Ноября, мы вышли изъ д. Махала и пошли по тому же шоссе, которое съ такимъ стараніемъ высматривали и обстрѣливали во время Телишскихъ дѣлъ и аванпостной стоянки. При выступленіи, мы первый разъ увидѣли пришедшую занять наши мѣста, Румынскую кавалерію и конную артиллерію; обмѣнялись воинскими любезностями, въ видѣ отданія чести и игры музыкантскихъ хоровъ, и распростились.

Въ Румынской конной артиллеріи намъ понравились нѣкоторыя вещи изъ ея матеріальной части [1]).

5-го числа, выйдя изъ д. Радомирцы, мы вступили уже въ Балканскія предгорія. Дорога то поднималась на горы, то спускалась въ долины, причемъ на самый кряжъ Балканъ открывались чудеснѣйшіе виды; вдали передъ нами высились громадныя массы Трояна, Колофера и Умургача, съ которымъ мы вскорѣ такъ хорошо ознакомились; непосредственно же передъ глазами на обширномъ пространствѣ раскинулись предгорья съ рѣзкими очертаніями, покрытыя рощами и виноградниками. Хотя днемъ было еще тепло, но зелень почти вся уже поблекла и общая картина носила отпечатокъ какой-то суровости. Если прибавить къ этому слабую населенность этой мѣстности, всеобщее ея разореніе, то станетъ понятно, что роскошь природы не могла вполнѣ побороть въ насъ грустныхъ размышленій. Вдоль всей дороги, преимущественно вьющейся глубокимъ ущельемъ, на каждомъ шагу попадались на кручахъ, окаймляющихъ ее, недоступныя позиціи съ прекрасными фортификаціонными работами. Глядя на эту непрерывную цѣпь твердынь, невольно становились въ тупикъ. Какъ

[1]) Въ приложеніи § 15 болѣе подробно высказано, что именно обратило наше вниманіе.

это Шефкетъ-паша и не попробовалъ даже ими воспользоваться, тогда какъ тутъ каждый шагъ пришлось бы отбивать съ большимъ трудомъ.

Поднявъ глаза чуть не къ небу, и глядя на красиво сложенныя укрѣпленія, солдаты приговаривали: «Ишь, куда этого чернаго ворона занесло! И дуракъ же; да тутъ одними каменьями можно забросать и не пустить».

5-го Ноября вечеромъ мы пришли въ д. Яблоницу, гдѣ и простояли до 10-го числа. Мѣстность вокругъ была уже настолько горная, что пришлось стать бивуакомъ на наклонной плоскости въ лѣсу, а подъ колеса орудій подкладывать камни, чтобы они не скатывались внизъ. На позиціи этой батарея наша 8-го Ноября праздновала свой батарейный праздникъ. Въ этотъ день всѣ войска ликовали по случаю полученія извѣстія о взятіи Карса. Громкое ура раздавалось съ утра до поздней ночи. Наши боевые товарищи, Лейбъ-Гусары, принимали участіе въ батарейномъ праздникѣ, и тосты за дорогихъ Гусаръ и лихую 5-ую батарею перепутывались, среди несмолкаемыхъ криковъ «Ура». Не забыли мы и другихъ нашихъ товарищей, достойныхъ героевъ—Егерей, и послали имъ телеграмму, въ которой выразили свои теплыя чувства къ храбрѣйшему полку. Въ отвѣтъ была получена слѣдующая телеграмма: «Лейбъ-Егеря сердечно благодарятъ за тостъ и поздравляютъ 5-ю батарею съ праздникомъ; желаютъ чтобы и въ предстоящемъ походѣ за Балканы судьба вновь свела ихъ съ ратными товарищами, лихими Конно-Артиллеристами». Угощеніе, какъ для офицеровъ, такъ и для солдатъ, было одно: во множествѣ жареный баранъ, а тосты запивались мѣстнымъ Болгарскимъ виномъ, и какой братскій и веселый былъ этотъ пиръ! Сидя на мѣшкахъ съ ячменемъ, передъ срубленными деревьями, служившими намъ длинными столами, мы и не замѣтили какъ насъ освѣтила луна. Въ этотъ же день нашъ командиръ получилъ письмо отъ своей жены, Маріи Феодоровны Безакъ, въ которомъ она поздравляя батарею, спрашивала, получили ли мы теплое платье, которое она выслала для солдатъ изъ Петербурга съ такимъ разсчетомъ, чтобы мы получили его въ этотъ день. Сердечная эта женщина выказала столько теплоты и заботливости къ намъ въ эту кампанію, и

вложила въ это столько труда и энергіи, что на всю жизнь оставила въ каждомъ изъ насъ, до послѣдняго солдата включительно, самыя святыя къ ней чувства обожанія. Не говоря уже о томъ, что, оставаясь въ Петербургѣ безъ мужа, когда всѣ ихъ дѣла и довольно многочисленная учащаяся семья остались на ея рукахъ, она не только часы досуга, но и большую часть дня, употребляла на хлопоты по устройству концертовъ, аллегри и т. п. въ пользу раненыхъ Конно-Артиллеристовъ, переписываясь и телеграфируя сообщала всѣ новости (замѣчательно быстро ею получаемыя) объ насъ нашимъ роднымъ, а намъ присылала отъ нихъ извѣстія; принимала отъ нихъ массу порученій и посылокъ; а съ большинствомъ изъ нихъ, какъ не живущихъ въ Петербургѣ, она была знакома только по тѣмъ адресамъ, которые мы ей оставили, выходя въ походъ. Ни одного нѣтъ изъ офицеровъ нашихъ, кому она не выказала бы по-нѣскольку разъ самаго родственнаго вниманія, присылая при каждой возможности шеколадъ, чай, папиросы, и т. п. необходимыя мелочи; наконецъ, къ довершенію всего, купила на собственныя свои средства на всѣхъ солдатъ нашей батареи, каждому по парѣ готовыхъ сапогъ, холщевыя рубахи и подштанники, шерстяную фуфайку, 2 пары теплыхъ чулокъ, махорки по 1 ф., чаю $^1/_2$ ф., сахару 2 ф., и всю эту массу упаковала и отправила къ намъ. А чтобы это вѣрнѣе и скорѣе доставить, она оторвала отъ занятій съ ея сыновьями, своего аккуратнаго нѣмца, гувернера, и поручила ему, лично намъ доставить это на театръ войны. Но, къ несчастію, не смотря на всю энергію и педантизмъ честнаго пруссака, онъ не могъ этого въ точности скоро выполнить; страшныя задержки на Румынскихъ желѣзныхъ дорогахъ, а затѣмъ затрудненія и зачастую полная невозможность добыть какія-либо средства передвиженія по Болгаріи, да къ тому же нашъ быстрый маршъ, сдѣлали то, что бо́льшая часть батареи получила эти вещи переваливъ уже Балканы, придя въ Филиполь. Во время стоянки въ Яблоницахъ было сдѣлано Генералъ-Адъютантомъ Гурко новое распредѣленіе войскъ по отрядамъ; по пункту 3-му этого приказанія, наша батарея съ Л.-Гусарами и Л.-Уланами вошла въ составъ главныхъ силъ, подъ командой Генералъ-Адъютанта Графа Шувалова.

12-го Ноября съ Л.-Гусарами и Л.-Уланами, выйдя изъ деревни Яблоницы, мы стали на бывшей позиціи Московскаго полка, у дер. Усиковицъ, въ резервѣ главныхъ силъ Графа Шувалова, дѣйствовавшаго противъ Правецкихъ укрѣпленій. Батарея, стоя на позиціи въ резервѣ — дѣйствій не имѣла, только ящики наши, подъ командою Подпоручика Чичагова 3-го, подвозили снаряды въ Донскую № 8-й батарею, стоявшую на высотахъ. Вечеромъ, отойдя на бивуакъ за д. Усиковицы, опорожненные зарядные ящики мы пополнили изъ летучаго отдѣленія Кавалерійскаго парка.

По диспозиціи начальника отряда Генералъ-Адъютанта Гурко на 13-е Ноября, для наступленія на г. Этрополь (5-й пунктъ), батарея наша должна была оставаться въ общемъ резервѣ у д. Усиковицъ. 14-го же, по очищеніи непріятелемъ г. Этрополя, мы перешли къ нему и стали около города бивуакомъ. Простояли мы здѣсь 4 дня.

Переходъ къ г. Этрополю вполнѣ доказалъ блестящее состояніе матеріальной части нашей артиллеріи; дорога все время шла ущельемъ р. Искера, по сплошному камню, испещренному выдающимися глыбами, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она сплошь представляла изъ себя грандіозную природную лѣстницу, высота ступенекъ которой переходила иногда $^1/_2$ аршина, такъ что колеса не катились, а соскакивали со ступеньки на ступеньку, и не смотря на это, ни поломки, ни расшатки, ни какого-либо другого поврежденія не случилось. Ящики же, въ подтвержденіе прошлымъ фактамъ, еще разъ доказали свою удручающую тяжесть. Люди и лошади выбивались изъ силъ, и измучивались вытаскивая ящики тамъ, гдѣ орудія легко и безъ запинки проходили; вслѣдствіе длиннаго ихъ хода, и невѣрнаго разсчета давленія тяжести на шворень, это еще болѣе утяжеляло ихъ подвижность; стоитъ только задку завалиться, и заднимъ колесамъ упереться, хотя и въ короткую, но крутую стѣнку, какъ всѣ усилія шестерика становятся безполезными, чтобы стянуть его съ мѣста безъ подмоги людей, а тутъ еще досаднѣе становится когда армейскія батареи, снабженныя двухъ-колесными ящиками, проходятъ легко это мѣсто, на своихъ мелкихъ 3-хъ лошадкахъ; да еще подшучиваютъ и пѣсенку запѣваютъ. «Вамъ ладно! а ты вотъ по-

пробуй эту баржу тащить, такъ небось дубинушку только и запоешь!» ворчали наши солдаты, утирая потъ съ лица. Наша система тормаза тоже оказалась несостоятельной при такой дорогѣ: во 1-хъ, торможеніе одного только колеса; черезъ это свободное колеса, накатывая свою сторону, наворачивало задокъ на передокъ; во избѣжаніе этого, мы и другое колесо, на очень крутыхъ спускахъ, тормозили веревками; во 2-хъ, тормазный башмакъ, хорошо держащійся по ровной дорогѣ, при скачкахъ съ камня на камень, часто выворачивался изъ-подъ колеса, и солдатъ, рискуя быть искалѣченнымъ, все время долженъ былъ идти около него, чтобы придерживать его въ этихъ случаяхъ.

Съ бивуака подъ г. Этрополемъ, мы посылали солдатъ верхомъ въ д. Яблоницу, куда притянутъ былъ нашъ обозъ, чтобы привести на вьюкахъ сухарный запасъ и конскіе консервы, такъ какъ послѣдніе дни въ опустѣломъ совершенно Этрополѣ ни за какія деньги нельзя было достать зерна; мы и первые дни по приходѣ платили по 4 руб. золотомъ за килу ячменя — менѣе $^1/_2$ четверти. На этомъ же бивуакѣ въ первый разъ выпалъ снѣгъ; черезъ день онъ хотя и растаялъ, но съ этихъ поръ пошли уже сильные холода.

18-го числа пришло приказаніе батареи, съ Семеновскимъ полкомъ, ночью же подняться на Этропольскіе Балканы на позицію; но вечеромъ же батарея наша была замѣнена другою, а намъ приказано перейти къ Орханіэ.

19-го числа, батарея снялась съ бивуака и пошла прямой дорогой, чрезъ ущелье, въ г. Орханіэ, около котораго и стала бивуакомъ съ Л.-Гусарскимъ и Л.-Уланскимъ полками, въ резервѣ главныхъ силъ пѣхоты, занявшей Балканскія высоты. Ближайшая дорога отъ Этрополя въ Орханіэ, по которой мы шли, пролегала по очень высокимъ и крутымъ подъемамъ и спускамъ, и какъ нарочно въ самомъ узкомъ и крутомъ мѣстѣ, мы встрѣтились съ интендантскимъ транспортомъ, въ 200 повозокъ, тянувшимся въ г. Этрополь. Но благодаря распорядительности Поручика Чичагова 2-го, шедшаго впереди, который съ привычной энергіей и находчивостью принялся за расчистку пути и разставилъ повозки транспорта въ самыхъ картинныхъ позахъ по отлогостямъ крутого спуска, путь былъ свободенъ

черезъ какихъ нибудь $^1/_2$ часа, при этомъ не причинили никакого вреда или несчастья транспорту. Батарея простояла въ г. Орханіэ съ 19-го Ноября по 13-е Декабря. До 30-го Ноября батарея стояла на бивуакѣ у сѣверной стороны города и была въ дежурной части черезъ два дня въ третій, мѣняясь съ № 8-ой и № 15-ой Донскими батареями, на случай наступленія непріятеля на правый флангъ нашего расположенія съ Лютаковскихъ высотъ. Съ 30-го Ноября, когда окончательно установилась зима, пошли холода и выпалъ глубокій снѣгъ, батареи поставили по квартирамъ въ самомъ городѣ. Съ самаго начала прихода въ Орханіэ, обозы наши были притянуты къ своимъ частямъ. Относительно продовольствія мы были совершенно обезпечены отбитымъ турецкимъ складомъ во Врачешѣ, отстоящемъ отъ г. Орханіэ въ 2-хъ верстахъ. По своимъ продуктамъ складъ этотъ былъ чрезвычайно обширенъ и разнообразенъ. Овесъ, ячмень, галеты, мука, рисъ, мыло, деревянное масло, пресованная говядина, веревки, турецкія подковы и гвозди къ нимъ, турецкая военная одежда, патроны, снаряды, желѣзный понтонный мостъ, медицинскіе медикаменты— и все это въ громадныхъ размѣрахъ; одного только не было— это соли. Хорошо что мы сдѣлали большой запасъ ее, стоя въ д. Махала. Продукты изъ склада мы получали подъ квитанціи, выдаваемыя завѣдующему складомъ полковнику Домаевскому и вносили ихъ въ отчетные листы къ зачету. Люди довольствовались сперва галетами, а потомъ, когда по приказанію начальника отряда генералъ-адъютанта Гурко части устроили себѣ пекарни, то, принимая муку, сами себѣ пекли хлѣбъ, а галетами пополнили свой неприкосновенный 10-тидневный сухарный запасъ; батарея же, выпекая хлѣба немного болѣе ежедневной потребности, изъ остального скопила себѣ еще 6-ти-дневный запасъ сухарей. Сѣно мы покупали вначалѣ въ г. Орханіэ и ближайшихъ къ нему деревняхъ, а въ послѣдніе дни приходилось ѣздить за нимъ уже верстъ за 20 въ сторону, и то въ большинствѣ случаевъ привозили солому, а не сѣно; не имѣя недостатка въ зернѣ, лошади не худѣли. Перевозка фуража и провіанта въ эту распутицу, когда приходилось ѣздить то по невылазной грязи, то по замерзшимъ кочкамъ или же по скользкимъ и обледенѣлымъ спускамъ,

сдѣлала то, что лошади стали сильно сбивать подковы. Вслѣдствіе этого, и въ виду того, что русскихъ подковъ достать было негдѣ, а на походной кузницѣ много ихъ не сдѣлаешь, особенно при постоянной работѣ по починкамъ обоза, командиръ батареи пригласилъ болгарина, умѣвшаго ковать турецкими подковами, въ батарейную кузницу, чтобы онъ обучалъ нашихъ кузнецовъ пригонять эти подковы, и тогда мы, принявъ изъ Врачешскаго склада турецкихъ подковъ съ гвоздями, ковали ими по преимуществу строевыхъ лошадей, а свои берегли для артиллерійскихъ и на случай крайности.

Подъ конецъ нашей стоянки мы опять-таки посылали за солью въ г. Врацу. Спиртъ по прежнему покупали у маркитантовъ, или водку (раки) у болгаръ; и только въ послѣдніе дни нашего пребыванія въ Орханіэ, когда пришелъ казенный транспортъ со спиртомъ, мы приняли отъ него ту часть, которая досталась намъ по общей разверсткѣ, сдѣланной завѣдующимъ всѣми складами и транспортами полковникомъ Доманевскимъ. Чай и сахаръ принимали изъ транспортовъ, усиливая дачу его покупкой у маркитантовъ. Скотъ покупали чрезъ Коменданта у жителей по установленной цѣнѣ. За все время стоянки въ Орханіэ, болѣзней не появлялось ни у людей, ни у лошадей.

Въ это время въ батарею вернулся бомбардиръ Палатниковъ, раненый подъ Телишемъ 12-го октября. Онъ со слезами радости и восторга разсказывалъ намъ, какъ Государь Императоръ, посѣщая лазаретъ въ Парадимѣ, изволилъ лично пожаловать ему знакъ отличія Военнаго Ордена 4-й степени. Солдаты, съ умиленіемъ выслушивая его разсказъ, приговаривали: «Да, за Богомъ молитва и за Государемъ служба не пропадаетъ». 11-го же декабря, начальникъ Артиллеріи Гвард. Корпуса, лично навѣсилъ, присланные отъ Главнокомандующаго, именные знаки отличія Военнаго Ордена фейерверкерамъ изъ вольноопредѣляющихся—Зволянскому, за дѣло 12-го октября, и графу Бреверну-де-ла-Гарди, за дѣло 16-го октября.

Стоя такъ долго на мѣстѣ, мы уже начали выводить заключеніе, не придется ли зимовать тутъ. Но 29-го ноября, при общемъ ликованіи, получено было извѣстіе о паденіи Плевны и о присылкѣ къ намъ подкрѣпленій, чтобы начать

Забалканскій походъ. День этотъ былъ великимъ торжествомъ для насъ; по всей линіи Балканскихъ высотъ раздавались салютные залпы по непріятельскимъ батареямъ; тысячегласное «Ура», какъ громовой перекатъ, разливалось съ высотъ въ ущелья, отдавалось въ долинахъ, и доходило до отдаленныхъ нашихъ одиночныхъ пикетовъ. Всѣ ходили съ веселыми лицами, поздравляли другъ друга и никто не допускалъ и мысли, чтобы зима или дикая природа задержали бы нашего орла въ его смѣломъ полетѣ черезъ Балканы. Вѣруя въ свою силу, мы ожидали только приказанія, сознавая, что въ чемъ бы оно не состояло, оно будетъ свято выполнено. Вопросъ былъ разрѣшенъ; нуженъ былъ только сигналъ къ началу этой блестящей операціи. Сигналъ этотъ былъ поданъ 11-го декабря 1877 года.

Балканскій походъ.

10-го декабря окончились всѣ наши предположенія и толки о томъ, какой характеръ приметъ зимняя кампанія, и съ этого дня, выйдя изъ міра фантазій, мы стали лицомъ къ лицу съ гигантскимъ предпріятіемъ — переходомъ черезъ Балканы въ суровое зимнее время!

Въ приказѣ отъ 10-го декабря 1877 года, данномъ командующимъ войсками Генералъ-Адъютантомъ Гурко въ Орханіэ, о распредѣленіи войскъ по колоннамъ, было сказано пунктъ I, § 4: 2-я бригада 31-й пѣхотной дивизіи, 31-й артиллерійской бригады, два дивизіона 4-хъ фунт. батарей, 1 и 2 бригады Гвардейской Кавалерійск. Дивизіи, 4 орудія 2-й батареи и 4 орудія 5-й батареи Гвардейской Конно-Артиллерійской бригады, составляютъ отрядъ подъ командою начальника 31-й пѣхотной дивизіи Генералъ-Лейтенанта Вельяминова.

III-е. Людямъ всѣхъ отрядовъ немедленно выдать сухарей по 18-е декабря включительно, считая по одному фунту на человѣка въ день и т. д. Войска, обозначенныя въ пунктахъ I, II, III, IV и V должны быть снабжены водкою по три чарки на человѣка и т. д.

IV-е. Батареи и взводы артиллеріи, не вошедшія въ со-

ставъ отрядовъ, а также и ихъ обозы должны быть расположены у д. Ложени и т. д. [1]).

Приказъ отъ 11-го Декабря 1877 года.

На дняхъ войскамъ ввѣреннаго мнѣ отряда предстоитъ движеніе черезъ Балканскія горы.

При этомъ принять къ руководству и исполненію:

1) Взятый на людяхъ запасъ сухарей расходовать подъ личною отвѣтственностью ротныхъ, эскадронныхъ и батарейныхъ командировъ, которые обязаны на вечернихъ перекличкахъ лично дѣлать осмотръ сухарныхъ мѣшковъ. За преждевременное израсходованіе сухарей, начальники будутъ подвергаться строгому взысканію. Передъ выступленіемъ, объяснить людямъ всю важность сбереженія сухарей, и что по причинѣ горъ неизвѣстно, когда подойдутъ транспорты съ сухарями.

2) Передъ выступленіемъ раздать людямъ трехъ-дневную порцію мяса.

3) Кавалеріи и артиллеріи имѣть трехъ-дневную дачу ячменя.

4) По утрамъ выдавать людямъ по чаркѣ водки.

5) Начальникамъ эшалоновъ предоставляется самимъ установить порядокъ движенія въ эшелонахъ, съ соблюденіемъ слѣдующихъ условій: А) орудія и зарядные ящики прикомандировывать къ ротамъ, по одному орудію или ящику на роту. При этомъ ротные командиры отвѣчаютъ за безостановочность движенія артиллеріи. Б) Имѣющіеся при частяхъ вьюки вести вслѣдъ за своими частями.

6) Никакихъ повозокъ не брать, за исключеніемъ аптечныхъ одноколокъ.

7) Въ каждой части имѣть въ запасъ лямки и т. д.

11-го же декабря въ батареѣ было получено приказаніе изъ Штаба отряда, чтобы батареи, вошедшія въ разсчетъ колоннъ, озаботились бы изготовленіемъ салазокъ для перевозки артиллеріи въ горахъ.

Получивши эти приказы, батарея стала усердно и охотно готовиться къ этому новому періоду кампаніи, обрадованная столь желанному и присущему русскому солдату наступленію,

[1]) Изъ приказовъ дѣлаются выписки только относящіяся до 5-й батареи.

и тѣмъ, что насталъ конецъ томительному сидѣнію въ виду противника, наводившему лишь тоску и уныніе.

Командиръ батареи назначилъ идти за Балканы 1-му и 3-му взводамъ, а 2-му оставаться, руководствуясь при этомъ традиціонной ранжировкой батареи, въ силу которой 2-й взводъ всегда имѣетъ относительно худшихъ лошадей. Изъ офицеровъ должны были идти: капитанъ Мартыновъ старшимъ офицеромъ, поручикъ Чичаговъ 2-й командиромъ 1-го взвода, подпоручикъ Шереметевъ командиромъ 3-го взвода, прапорщикъ Мезенцовъ 1-й съ ящиками, а поручикъ Мальцовъ и подпоручикъ Чичаговъ 3-й оставлены были со 2-мъ взводомъ, такъ какъ въ это время офицеры эти не имѣли никакой теплой одежды. Изъ вольноопредѣляющихся: Зволянскій былъ назначенъ ординарцемъ къ командиру батареи, а графъ Бреверпъ-де-ла-Гарди—ординарцемъ къ начальнику артиллеріи, остававшемуся пока въ Орханіэ. На каждый взводъ назначено по 10 человѣкъ запасныхъ, 2 кузнеца, 2 плотника, 1 шорникъ, а при аптечной одноколкѣ фельдшеръ унтеръ-офицеръ Твердовскій; другой же фельдшеръ и коновалъ оставлены были со 2-мъ взводомъ. Лошади слабыя и мало-мальски больныя были оставлены при 2-мъ взводѣ, и кромѣ боевого расчета, взято на взводъ по 5 артиллерійскихъ и 5 строевыхъ въ запасъ.

Людямъ былъ сдѣланъ медицинскій осмотръ, и всѣ тѣ, на которыхъ, по ихъ физическому строенію или по случаю болѣзни, нельзя было расчитывать, что они вынесутъ тяжелые труды и большія лишенія при переходѣ, были оставлены; при этомъ же, было обращено вниманіе на исправность одежды, особенно теплой, какъ-то башлыка, наушниковъ, набрюшника, теплыхъ портянокъ и т. д., и дана была возможность, на сколько позволяли средства остававшагося матеріальнаго запаса въ батареѣ, для исправленія всего этого.

Выступали мы въ походъ еще при лѣтнихъ жарахъ; полушубковъ не было, фуфайки поизносились въ теченіи осени; сапоги, при постоянныхъ передвиженіяхъ въ грязи и слякоти, при недостаткѣ мази для нихъ, совершенно изодрались, чемоданчики со второй парой сапогъ остались въ Румыніи, а тутъ наступило суровое зимнее время, такъ что люди ко времени наступленія стужи оказались безъ обуви. Страдая отъ

холода, солдаты стали прибѣгать ко всевозможнымъ ухищреніямъ: пользовались невыдѣланными кожами убитаго порціоннаго скота, отбитыми у турокъ палатками, одеждой, и, наворачивая на ногу, обматывали все это веревками, и въ такомъ видѣ предохраняли ноги отъ отмороженія, и охраняли бренные останки своей обуви. Шинели, мундиры, а особенно рейтузы, не имѣя замѣны, пришли также въ довольно поношенный видъ; хотя и выдали изъ батареи людямъ весь запасъ сукна, холста и кожи для починокъ, но это разошлось какъ капля въ морѣ, и конечно въ это время не требовали отъ солдатъ, чтобы его теплыя вещи были надлежащаго вида, а ужъ были рады, если они хотя какъ нибудь удовлетворяли своему назначенію.

Боевые заряды были перебиты, снаряды и орудія съ принадлежностями тщательно осмотрѣны. Лошади всѣ были подкованы на острые шипы; тутъ мы еще поскорбѣли о томъ, что вслѣдствіе постоянныхъ передвиженій и ѣзды за фуражомъ на большія разстоянія по этой распутицѣ сильно поистаялъ нашъ петербургскій запасъ подковъ и особенно гвоздей,—ихъ ужѣ оставалось очень мало. Хотя мы и пользовались всякимъ случаемъ, чтобы пополнять на мѣстѣ этотъ запасъ, но желѣзо, которое мы пріобрѣтали у мѣстныхъ жителей, было очень плохого качества, и зачастую намъ нужно было прибѣгать къ усиленной реквизиціи, т. е. выламывать изъ брошенныхъ турецкихъ домовъ или оградъ прутья, скобы и полосы. Конечно, изъ этого матеріала прочныя подковы, а особенно гвозди не выходили, вслѣдствіе чего мало-по-малу и расходовался запасъ [1]).

---

[1]) По поводу ковки надежды многихъ сосредоточивались на батареи; командиръ батареи полковникъ Безакъ имѣлъ громадное знакомство въ арміи; и вотъ отъ знакомыхъ и незнакомыхъ посыпались просьбы подковать имъ лошадей, а тутъ еще и Штабы присылали своихъ лошадей и фургоны для починки. Конечно, имъ казалось, что батареѣ ничего не стоитъ подковать. Но не то было для насъ: 1) Походная кузница требовала массу угля для самой пустой работы, а уголь этотъ надо было еще выжигать, лѣсъ же для дровъ далеко; 2) въ батареѣ своей работы не оберешься; 3) Подковы и гвозди были буквально на вѣсъ золота; золото у насъ у всѣхъ было,—гвоздей же нигдѣ. Всего этого просители или не могли, или не хотѣли понять, и тутъ, когда имъ отказывали, происходили комичныя сцены обидчивости,

Подковавши лошадей, всѣ оставшіяся русскія подковы и порядочное количество турецкихъ (взятыхъ изъ Врачешскаго склада), были уложены въ передкахъ и ящикахъ; кромѣ того на нихъ же были уложены палатки, мѣшки съ ячменемъ и вязанки сѣна. Обоза при батареѣ не было никакого, исключая аптечной одноколки. Офицерскія вещи шли на вьюкахъ; вьюками же, на заводныхъ лошадяхъ, повезли мы запасъ сухарей (по 3 ф. на человѣка), 1 мѣшокъ въ 4 пуда прессованой говядины (полученный изъ Врачешскаго склада), и конскіе консервы $1^1/_2$ дневную дачу. На руки людямъ было роздано: рису (изъ Врачешскаго склада), вмѣсто крупы, сколько могло помѣститься въ крупяныхъ саквахъ; соли же было мало и достать негдѣ, такъ что раздать ее въ волю ужъ не пришлось, а подѣливши ее между людьми, у каждаго образовался запасъ не болѣе какъ на 5 или на 6 дней.

Сухарей было роздано на руки по 14 фунт., хотя мы согласно приказа получили всего по 6 ф. на человѣка; но такъ какъ до этого, мы довольствовались хлѣбомъ домашняго изготовленія, получая муку изъ Врачешскаго склада, то и составили себѣ экономію, позволявшую взять не по 6 ф., а по 14 ф. Сухари эти люди везли не въ саквахъ, а завернувъ ихъ въ какую-нибудь тряпку или мѣшокъ, укладывали въ сѣткахъ вмѣстѣ съ сѣномъ, а въ саквы, въ одну—3 ф. вареной говядины, а въ другую—чай и сахаръ, котораго то же было гораздо больше нежели выдано по приказу изъ транспортовъ, такъ какъ командиръ прикупилъ эти продукты у маркитантовъ. Выданныя три чарки спирту на руки не были розданы, во избѣжаніе неэкономичнаго его потребленія, какъ это и случилось въ тѣхъ частяхъ, которыя роздали его на руки. Командиръ купилъ на свой счетъ еще 3 ведра у маркитанта (платя по 5 золотыхъ за ведро), и весь этотъ запасъ, въ одномъ боченкѣ, отданъ былъ на сохраненіе честному и трезвому унтеръ-офицеру, плотнику, Еременкѣ, который и приспособился везти его слѣдующимъ образомъ: сдѣлалъ маленькія салазки, укрѣ-

вдоволь насъ развлекавшія; но, подъ конецъ, вслѣдствіе настойчивости и массы такихъ просьбъ, онѣ просто выводили изъ себя; какъ увидимъ нѣхотнаго офицера или генерала, направляющагося на нашъ бивуакъ, всѣ разбѣгались.

пилъ на нихъ боченокъ, и привязавъ его сзади запаснаго лафета, самъ шелъ рядомъ, а въ горахъ, когда артиллерію тащила пѣхота, онъ на своихъ плечахъ везъ эту драгоцѣнность.

Въ числѣ отдѣльныхъ приказаній, было между прочимъ помѣщено, чтобы батареи озаботились изготовленіемъ возможно большаго числа салазокъ, для перевозки артиллеріи въ горахъ. Это оказалось довольно затруднительнымъ, такъ какъ г. Орханіэ былъ брошенъ жителями, а то немногое имущество, которое въ немъ оставалось, давно уже было разобрано реквизиціоннымъ путемъ другими частями, такъ что мы не могли пріобрѣсти у жителей салазокъ. Плотники же наши успѣли вырубить въ лѣсу и сдѣлать 6 паръ полозьевъ, которые и подвязали подъ орудія.

12-го декабря получена была слѣдующая диспозиція:

Въ г. Орханіе, 11-го декабря 1877 года.

13-го сего декабря, войскамъ ввѣреннаго мнѣ отряда начать движеніе, съ цѣлью перехода чрезъ Балканскія горы. Для сего 5) Правой колоннѣ, подъ начальствомъ начальника 31-й пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенанта Вельяминова, собравшись 13-го сего декабря, къ 5 часамъ утра, во Врачеши, выступить: пѣхотѣ со своею артиллеріею въ 5½ часовъ утра (а кавалеріи въ 5 часовъ вечера) и слѣдовать черезъ гору Умургачъ въ д. Желяву.—Составъ колонны:

1-я бригада 31-й пѣхотной дивизіи, два 4-хъ фунтовые дивизіона 31-й артиллерійской бригады, 1 и 2 бригады 2-й Гв. Кавалерійской дивизіи, 4 орудія 2-й батареи и 4 орудія 5-й батареи Гв. Конно-Артиллерійской бригады. Всего: 6 батальоновъ, 8 пѣшихъ орудій, 16 эскадроновъ и 8 конныхъ орудій.

Колоннѣ идти непрерывно до наступленія темноты, давая людямъ лишь необходимые отдыхи. На ночь расположиться тамъ, гдѣ застанетъ темнота. На другой день колоннѣ выступить въ 4 часа утра, и слѣдовать на Жиляву.

По приходѣ въ Жиляву, главное назначеніе колонны—составить заслонъ для главной колонны, со стороны Софіи и Кремиковицъ; для этого, оставивъ въ Жилявѣ 4 батальона, 4 орудія и 1 эскадронъ, выслать къ Чайнику и Яну по одному

батальону при 2-хъ орудіяхъ, а всю кавалерію и всю конную артиллерію выслать впередъ, возложивъ на нее наблюденіе за Софіей, Софійско-Филиппопольскимъ шоссе и выходами изъ горъ у Кремиковицъ и Сельева; если же бы оказалось, что Турки удерживаютъ выходъ изъ ущелья у д. Елесницы и тѣмъ заслоняютъ дебушированіе главной колонны, то слѣдуетъ отдѣлить часть пѣхоты съ артиллеріею и кавалеріею для дѣйствія въ тылъ турецкимъ войскамъ, занимающимъ Елесницу.

12-го, до обѣда всѣ работы въ батареѣ окончились; людямъ роздали внутренній говяжій жиръ, для смазки ногъ, рукъ и лица на случай отмороженія.

Въ 2 часа ночи, 13-го декабря, мы снялись съ бивуака. Хотя отъ г. Орханіэ, гдѣ мы стояли, до с. Врачешъ, нашего сборнаго пункта по диспозиціи, было всего версты 4, но командиръ батареи, имѣя въ виду, что по Орханійскому шоссе, до раздѣленія ущелій, версты на 3, должны будутъ идти всѣ войска отряда, и, чтобы не задержать своей колонны, вышелъ раньше,—въ 2 часа ночи; ночь была очень туманная; морозу же было не менѣе 15 градусовъ. Не успѣли пройти и 2-хъ верстъ, наткнулись на 3-ю Гв. Гренадерскую артиллерійскую бригаду, а протянувъ еще немного, остановились совсѣмъ [1]), и простояли тутъ до 10 часовъ утра; такъ что съ перваго же шага, диспозиція оказалась невыполненной, и затѣмъ весь Балканскій переходъ шелъ въ томъ же духѣ разногласія предположенія съ выполненіемъ; диспозиція предлагала намъ перевалить въ 2 дня; мы же, приложивъ гигантскія, невѣроятныя усилія, перешли лишь на шестые сутки. 8-ми часовое это стояніе, пришлось, такъ сказать, «первымъ блиномъ-комомъ». Надо удивляться безпечности турецкихъ войскъ; они со своихъ горныхъ позицій не могли не слышать этого страшнаго гула. Тутъ, у с. Врачешъ, на пространствѣ не болѣе $1^1/_2$ квадр. версты сбился весь корпусъ, и хотя соблюдалась относительная тишина, но полки, перекрещивая другъ другу дорогу, протискиваясь по встрѣчному пути, произносили команды, воз-

[1]) Скопленіе войскъ по шоссе произошло потому, что всѣмъ отрядамъ, куда бы они не шли, нужно было перейти мостъ черезъ Малый Искеръ на шоссе, а потомъ уже расходиться; обойти же этотъ мостъ не было возможности.

гласы «поторопись» да «побережись» отъ артиллеріи или ординарцевъ; все это неминуемо производило шумъ; главной же его причиной былъ безусловно поголовный кашель; отъ постояннаго пребыванія и употребленія горячей пищи на холодномъ воздухѣ, всѣ люди безъ исключенія страдали каттаромъ дыхательныхъ органовъ.

Наконецъ, въ 10 ч., нашъ путь очистился и мы вошли въ д. Врачешъ, гдѣ насъ уже ждалъ новый начальникъ генералъ-лейтенантъ Вельяминовъ. Въ высшей степени типичный, старикъ съ сѣдой бородой, въ длинной черной буркѣ, на кровномъ маленькомъ конѣ, онъ своей крайне симпатичной улыбкой и привѣтливымъ словомъ—сразу овладѣлъ нашимъ расположеніемъ и довѣріемъ. Солдаты, по первому его слову, почуяли въ немъ къ себѣ сердечность, и отдались ему всею широко любящей, русской душой.

Сдѣлавъ во Врачеши привалъ до 12 ч. дня и распредѣливъ роты по орудіямъ, мы тронулись въ путь. 5-я батарея пошла въ хвостѣ колонны, имѣя на каждое орудіе съ ящикомъ, по 1 ротѣ Пензенскаго пѣхотнаго полка.

Прежде чѣмъ говорить о самомъ переходѣ, сдѣлаемъ легкій очеркъ дороги, по которой пришлось идти.

Описаніе дороги черезъ Балканы.

Отъ д. Врачешъ, расположенной въ ущеліи, откуда мы начали свой подъемъ, до д. Чуріакъ, пригнѣздившейся по ту сторону Балканъ, у самой подошвы ихъ, и гдѣ мы окончили перевалъ—считается верстъ 18 (переводя болгарскую мѣру на наши версты). Выйдя изъ Врачешъ, дорога (т. е. не проѣздная дорога, а тропа для вьючныхъ животныхъ и перегона скота) идетъ, постепенно забирая вправо, по довольно отлогому склону горы, такъ сказать, косогоромъ; слѣва—оврагъ, на днѣ котораго рѣка Малый Искеръ; а съ правой—крутая гора; почва—глинистый черноземъ съ камнями, покрытый рѣдкимъ лѣсомъ мѣшаной породы. Пройдя около 3-хъ верстъ, дорога круто заворачиваетъ вправо, входя въ узкое и обрывистое ущелье; самая тропа, подымаясь все выше и выше, достигаетъ въ пѣ-

которыхъ мѣстахъ сильной крутизны; чаще и круче изгибы, съ постоянными подъемами и спусками. Почва изъ какого-то гнилаго, мѣстами легко распадающагося камня и глины (продуктъ разложенія горныхъ породъ). Лѣсъ становится гуще. Черезъ 2 [1]) версты ущелье раздвигается, и на днѣ его образовывается возвышенная площадка; дорожка, проходя почти по дну ущелья, перебѣгаетъ черезъ ручей, выходитъ на довольно ровную площадку, и пройдя съ версту по ней, поворачиваетъ круто вправо, вновь черезъ ручей и упирается въ стѣнку; отсюда, такъ сказать, начинается самый подъемъ на Балканы. Дальнѣйшее продолженіе тропы уже нельзя было назвать ущельемъ; это была исполинская трещина, по отвѣсной стѣнѣ которой лѣпился карнизъ (нашъ путь). Подъемъ, сразу чрезвычайно крутой, до 30°, а мѣстами и до 40°, продолжается непрерывно безъ спусковъ версты $2^1/_2$; первую половину, по полотну его пробѣгаетъ горный ручеекъ, имѣя своимъ началомъ источникъ у самой дороги. Вода совершенно размыла тропу, причемъ размытые ею изъ почвы камни, и отшлифованныя постояннымъ треніемъ другъ объ друга, гальки, лежали, скопившись, тутъ же на дорогѣ въ огромномъ количествѣ. Становясь на нихъ, нога погружалась въ камни и не находя упора скользила, а подъемъ все становился круче и круче. При этомъ, какъ ущеліе влѣво, такъ и гора вправо, густо поросши строевымъ буковымъ лѣсомъ. Шапка валилась, глядя на вершины этихъ деревьевъ, и невольно становились втупикъ, какъ повалить этого колосса, если бы онъ загородилъ путь; топоръ его не бралъ, а динамитъ дѣлалъ только трещину. Пройдя эти $2^1/_2$ версты, тропа выходитъ на 1-ю сѣдловину, довольно открытую, а потому и не защищенную отъ сильныхъ, порывистыхъ и неимѣющихъ опредѣленнаго теченія, вѣтровъ, или, правильнѣе сказать, урагановъ. Отсюда дорога сворачиваетъ немного влѣво и переходитъ на другую гору, почти по открытому склону; снѣгу—массы. Подъемъ хотя не постоянный, прерывчатый, но за то мѣстами страшно крутой, болѣе 45°, и всегда покрытый обледенѣлой корой; въ двухъ мѣстахъ путь совершенно преграждается скалистыми, остроконечными

[1]) Количество всѣхъ этихъ верстъ обозначено приблизительно.

шапками, и чтобы пройти ихъ, нужно было приложить нечеловѣческія усилія и настойчивость, достойную удивленія. Пройдя версты $1^1/_2$, вторая большая сѣдловина, тоже открытая и очень снѣжная; отсюда тропа входитъ въ густой буковый лѣсъ; подъемы опять очень круты, глубочайшій снѣгъ и дорожка вьется, постоянно огибая, по крутому склону, эти вѣковыя деревья; зачастую дорогу преграждали вылѣзшія изъ земли глыбы камня; вообще природа приняла совершенно дикій видъ; съ версту такого пути, послѣ крутого подъема, сразу выходишь на 3-ю сѣдловину; совершенно открытая, она тянется не болѣе $^1/_2$ версты; но мѣсто это оказалось однимъ изъ самыхъ опасныхъ и тяжелыхъ. Сѣдловина, ничѣмъ не защищенная, шла поперекъ какого-то широкаго и безконечно длиннаго раздѣла горныхъ кряжей, и потому вѣтеръ тутъ былъ такъ силенъ, что зачастую люди должны были ложиться и выждать порывъ урагана, иначе они рисковали быть снесенными. Съ этой сѣдловины, тропа опять входитъ въ буковый лѣсъ, подъемы уже не такъ круты, слѣва все оврагъ, и версты черезъ $1^1/_2$, выходитъ на открытый перевалъ высотой болѣе 6 т. футовъ. Тутъ она поворачиваетъ налѣво и идетъ около $2^1/_2$ верстъ по совершенно открытому гребню, затѣмъ начинается спускъ; дорога идетъ вправо и около $^3/_4$ версты спускается по крутизнѣ градусовъ въ 40, но по крайней мѣрѣ путь чистъ, очень снѣжно и лишь мелкій кустарникъ покрываетъ склонъ; слѣва большой обрывъ, затѣмъ выходитъ на первое плато; пройдя по немъ влѣво съ $^1/_2$ версты, опять начинается спускъ вправо и ужъ до самого низа тянется версты на $1^1/_2$, спускъ этотъ самый тяжелый; тропинка наша просто перескакиваетъ съ площадки на выступъ, съ выступа на камень; это какая-то терасса съ гигантскими ступеньками и все это лѣпится на краю оврага, которому природа отказала въ днѣ; къ тому же весь путь поминутно загораживается выдавшимися остроконечными каменными глыбами. Но вотъ послѣдній прыжокъ на дно ручья, нѣсколько шаговъ по его теченію — и мы въ долинѣ, а Балканы за спиной!

Переходъ черезъ Балқаны.

Сдѣлавъ во Врачеши привалъ до 12 ч. дня, колонна тронулась; въ головѣ пошла наша 2-я батарея съ Тамбовскимъ полкомъ, потомъ пѣшая батарея 31-й артиллерійской бригады, а въ хвостѣ мы, 5-я батарея, съ Пензенскимъ полкомъ. Дорога была трудная и тяжелая, лошади то вязли въ снѣгу, то спотыкались о камни, то скользили по обтаявшему глинистому косогору. Косогоръ во многихъ мѣстахъ настолько былъ крутъ, что люди должны были на лямкахъ оттягивать орудія и ящики во время хода ихъ направо (т. е. въ нагорную сторону) иначе орудія свалились бы въ кручу. Дорога вилась такими крутыми изгибами, что почти на каждомъ изъ нихъ приходилось снимать орудія и задніе ходы ящиковъ со шворня, такъ какъ вся система не могла сдѣлать этого поворота. Въ такихъ случаяхъ мы обыкновенно дѣлали такъ: снявши орудія со шворня привязывали его отвозомъ, на всю длину къ передку; орудіе цѣплялось за отвозъ крючьями на боевой оси, такъ что шло дуломъ къ передку; при этомъ способѣ люди, направляя движеніе орудія правиломъ, не такъ утомлялись тащить его, задніе ходы ящиковъ приходилось уже цѣликомъ тащить на людяхъ. Одинъ разъ не сдержали задній ходъ 5-го ящика, онъ оборвался и полетѣлъ саженъ на 8 внизъ; съ громадными затрудненіями вытащили его, и ковчегъ этотъ, какъ ни въ чемъ не бывало, оказался цѣлехонекъ. Задніе ходы вполнѣ оправдывали поговорку: «Плохо скроенъ, да крѣпко сшитъ». Очень они ужъ крѣпки, за то и классически неуклюжи!.. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ замедленій, мы къ сумеркамъ прошли не болѣе 5 верстъ и остановились ночевать вытянутые по дорогѣ. Особенно задерживала наше движеніе въ срединѣ колонны шедшая пѣшая батарея; лошади ея были до того истомлены, что тамъ, гдѣ мы легко проходили, они выпрягали и предоставляли тащить себя пѣхотѣ.

Ко времени нашей остановки, голова нашей колонны вышла на площадку у подошвы подъема на г. Умургачъ. Начальникъ отряда генералъ-лейтенантъ Вельяминовъ поручилъ флигель-адъютанту полковнику Безаку, какъ начальнику артил-

леріи этого отряда, обрекогносцировать дальнѣйшій путь. Часа черезъ три, полковникъ Безакъ привезъ извѣстіе, что дальнѣйшее движеніе артиллеріи мыслимо только въ разобранномъ видѣ на саняхъ, и посредствомъ людей. Для заднихъ же ходовъ ящиковъ, по ихъ тяжести и неуклюжести, дорога положительно непроходима, и, по его мнѣнію, ихъ слѣдовало бы оставить и съ собой не брать. Въ это же время генералъ-лейтенантъ Вельяминовъ получилъ извѣстіе отъ своего начальника Штаба, полковника Муромцева, шедшаго съ аваргардомъ впереди, что въ горахъ свирѣпствуетъ такая мятель, что мѣшаетъ всякой возможности движенія впередъ. Обо всемъ этомъ послали донесеніе генералъ-адъютанту Гурко.

Изъ обстановки дѣла видно было, что и на слѣдующій день, мы, 5 я батарея, еще не втянемся въ горы, а потому и отправили вѣстоваго во 2-й взводъ, въ г. Орханіэ, чтобы они подвезли намъ завтра утромъ фуража и хлѣба на одинъ день. Жаль было расходовать свой запасъ. А въ д. Врачешъ отправили плотниковъ, чтобы они, на сколько могли, собрали бы еще саней.

Ночь эту провели очень неуютно; морозъ окрѣпъ; палатокъ на косогорѣ разбить было негдѣ, а костры изъ сырого дерева только дымили.

Утромъ, 14-го числа, ординарецъ, поручикъ Сухановъ, привезъ приказаніе генералъ-адъютанта Гурко: «Отряду идти впередъ, не взирая ни на что; пѣшую артиллерію отправить домой, а конной—дозволяется бросить задніе ходы!»

Свернувши съ дороги, мы прижались въ самыхъ причудливыхъ позахъ къ косогору, чтобы дать возможность пѣшей батареѣ пройти обратно въ Орханіэ, пропустивъ ее, сами тронулись впередъ, и вскорѣ вся батарея стянулась на площадкѣ, на которой 2-я батарея уже разбиралась, укладывалась и втягивалась въ горы.

Разбивъ кое-какъ коновязь и разсѣдлавъ лошадей, стали готовиться и мы. Орудія были сняты съ лафетовъ, и тѣло орудія и одно боевое колесо уложены на однѣ сани, а лафетъ съ другимъ боевымъ колесомъ на другія сани; для этого на батарею понадобилось 10 саней; орудійные же и ящичные пе-

редки, за неимѣніемъ больше саней [1]) шли на колесахъ. Для удобства тяги, къ санямъ съ каждой стороны, привязали по 4 сцѣпленныхъ между собою постромки, а къ передкамъ по 6. Укладывая такимъ образомъ артиллерію, мы, конечно, сняли съ нея весь свой, такъ сказать, багажъ. Орудія и снаряды пѣхота могла тащить, но заставить ее тащить свое имущество было бы безчеловѣчно и недостойно русскаго воина,—а потому палатки, запасныя подковы, ячмень, сѣно,—было все навьючено на строевыхъ лошадей. Къ вечеру все было готово, и люди поуспокоились; кстати и погода стала мягче. На бивуакѣ этомъ, мы своихъ запасовъ не расходовали, такъ какъ подпоручикъ Чичаговъ 3-й подвезъ намъ все нужное на вьюкахъ 2-го взвода, изъ Орханіэ. 15-го, съ разсвѣтомъ, часовъ въ 7, мы начали втягиваться въ горы. Весь Пензенскій полкъ назначенъ былъ для поднятія нашей батареи; на каждыя сани назначили по 50 человѣкъ, а на передки отъ 80 до 100 чел.; пошли такимъ порядкомъ: сани съ 1-мъ орудіемъ; сани съ его лафетомъ; орудійный передокъ; 1 ящичный передокъ, подъ командою поручика Чичагова 2-го. Такимъ же порядкомъ пошли всѣ орудія: со вторымъ былъ прапорщикъ Мезенцевъ 1-й; съ 5-мъ—подпоручикъ Шереметевъ; съ 6-мъ—капитанъ Мартыновъ. Затѣмъ шелъ запасный лафетъ, аптечная одноколка 5-й батареи и Пензенскаго полка, всѣ наши лошади въ поводу и офицерскіе вьюки.

Пензенцы работали молодцами, съ пѣснями и съ прибаутками; но движеніе впередъ шло все таки черепашьимъ ходомъ. Круто, скользко, нога обрывается съ камня. Спотыкаются, падаютъ. Одинъ полетѣвшій сбиваетъ другихъ. Все это истомляло до того, что приходилось каждые 5 минутъ давать отдыхъ. Люди тащили канатъ то на одномъ плечѣ, то на другомъ, а свободной рукой цѣплялись за кусты, или держали палку для упора, безъ чего невозможно было вскарабкаться въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и т. д. Въ такихъ случаяхъ канатъ закидывали за дерево, и по немногу перетягивали, и такъ только могли втаскивать. А при остановкахъ не только для передковъ, стоявшихъ на колесахъ, но и для саней, нужно было придумывать

[1]) *6* были собраны въ г. Орханіэ, и *4* въ д. Врачешъ. Запасный лафетъ тоже шелъ на двухъ саняхъ.

разныя приспособленія, чтобы они не слетѣли внизъ; и все же зачастую они обрывались и однимъ махомъ пропадалъ часовой кровавый трудъ. Дѣйствительно кровавый трудъ, въ полку было 2 случая смерти — разрывъ сердца отъ натуги! Такъ и засыпали бѣднягъ этихъ около тропинки снѣгомъ.

Не легко досталось и нашимъ людямъ, конно-артиллеристамъ. Лошадь ужъ не могла помогать человѣку, а на оборотъ — человѣкъ выручалъ лошадь. Бывали такія крутизны, гдѣ лошадь, особенно съ вьюкомъ, не могла вскарабкаться, ежели плечомъ не поддерживали ихъ подъ ягодицу. А когда на несчастье оборвется, то летитъ такъ, что ее съ трудомъ удержать можно; сбиваетъ сзади себя цѣлый рядъ, вьюкъ слетаетъ, теряется... да и по болѣе благообразной дорогѣ лошадь слушалась менѣе саней... морозъ щиплетъ, вѣтеръ пронизываетъ... Еще намъ, шедшимъ въ хвостѣ, было лучше, на всемъ пути передовые раскладывали костры, только поддерживай. Хотя большаго пламени отъ сыраго дерева не было, а все же на тлѣющемся полѣнцѣ и руки можно было пооотогрѣть, и снѣгу растопить въ котелкѣ, а воды-то всю дорогу у насъ не было, журчитъ гдѣ-то ручеекъ, да ужъ такъ глубоко и круто въ ущельѣ, что и не сходишь за ней.

Къ 2 часамъ, 1-й взводъ вышелъ на первую сѣдловину, и, сдѣлавъ привалъ, потянулся дальше; а къ ночи стянулся сюда и 3-й взводъ со всѣми людьми и лошадьми батареи. За темнотой 3-й взводъ дальше не пошелъ и тутъ и заночевалъ. 1-й взводъ ночевалъ по пути, гдѣ застигла темнота. Ночь была очень тяжела, морозъ крѣпчалъ, вѣтеръ пронизывалъ и вертѣлся со всѣхъ сторонъ. Никакъ къ нему не приноровишься; костры разжечь мудрено, сырое дерево только шипитъ, вѣтеръ задуваетъ, да и снѣгомъ заметаетъ. У пѣхоты за эту ночь были случаи замерзанія.

Въ батареѣ, офицеры и дежурные по нѣсколько разъ обходили расположеніе и, расталкивая спящихъ, убѣждались въ благополучіи. Около полуночи приказано было всѣмъ заварить чай, такъ какъ глубокій сонъ въ такой холодъ былъ бы первымъ шагомъ къ замерзанію.

Чуть свѣтъ—опять подняли людей и, давъ по доброй чаркѣ спирта, заняли уборкой. Это ихъ согрѣло. Потомъ сварили

себѣ кашицу, подбодрились и тронулись дальше... и у насъ, слава Богу, за эту ночь никто и носа себѣ не отморозилъ.— 16-го утромъ, тронувшись съ сѣдловины, мы увидѣли, какъ на ладони, на право въ тылу, турецкій лагерь. Это была Лютиковская позиція. Отъ ея лѣваго фланга вилась превосходнѣйшая, разработанная дорога по горамъ, зигзагами къ юго-западу. Мы могли невооруженнымъ глазомъ различать не только палатки и группы людей, но и одиночныхъ лицъ.

Какъ они насъ не видѣли—непостижимо. Далѣе влѣво открылась Арабъ-Конакская позиція турокъ, начиная отъ самаго Шандорника. За грознымъ Арабъ-Конакомъ видѣнъ былъ турецкій лагерь и бивуачные огни. Идя безостановочно съ 7 ч. утра, головная часть нашей батареи въ 4 часа пополудни добралась до лѣса, передъ самымъ переваломъ. Дорога въ этотъ день была еще тяжелѣе, и отъ крутыхъ подъемовъ и отъ массы снѣга. Особенно страшна была послѣдняя сѣдловина передъ переваломъ. На ней свирѣпствовалъ такой порывистый ураганъ и такъ много несло снѣга, что она имѣла видъ бушующаго моря съ страшными снѣжными волнами. Вой былъ такой, какъ будто вся природа кругомъ стонала. Солдаты прозвали это мѣсто «чертовымъ плацъ-парадомъ». Одному пройти было немыслимо, и сѣдловину эту проходили большими тѣсными кучками. Люди, тащившіе сани, поминутно прилегали, чтобы дать пройти бурану, и моментально заносились снѣгомъ; попытки проѣхать верхомъ рысью, тоже не удавались, до половины не доѣдешь, окрутитъ такъ, что ни взадъ, ни впередъ.

На перевалѣ мы застали генералъ-лейтенанта Вельяминова, и нашу 2-ю батарею, дотянувшуюся сюда за нѣсколько часовъ до насъ. Черезъ нѣкоторое время было получено извѣстіе отъ авангарда, что спускъ на Желяву невозможенъ, вслѣдствіе страшныхъ снѣжныхъ заносовъ и обваловъ. Послали разъѣздъ выбрать другой спускъ, и выбрали таковой на д. Чуріакъ. Спускъ этотъ, хотя былъ также дикъ и крутъ, какъ и тотъ, но безъ заносовъ. Къ вечеру начала подниматься мятель, и проводникъ болгаринъ сталъ усиленно просить скорѣе спускаться, не останавливаясь ночевать. Мятели въ этомъ мѣстѣ, по его словамъ, розыгрываются иногда такія, что заноситъ

громадныя стада и нѣтъ никакого спасенія. Но какую суровую картину ни рисовалъ болгаринъ, все же 5-й батареѣ съ Пензенскимъ полкомъ пришлось остаться, такъ какъ начать спускъ успѣла только 2-я батарея съ Тамбовцами. Ночь эта буквально была ужасная. Самыя яркія краски при описаніи ея, будутъ казаться блѣдными тѣнями. Морозъ, мятель, вьюга. Огонь разложить положительно не удается. Снѣгъ заноситъ и людей, и лошадей съ непостижимою быстротою. Палатки разбивать на снѣгу, глубиной въ аршинъ, нельзя; люди кое-какъ пристраивали свои полотнища сообща по нѣскольку, къ деревьямъ и подъ этимъ покровомъ располагались вмѣстѣ съ лошадьми. Результатомъ этого была почти полная погибель палатокъ. Пристраивая свое полотнище къ дереву, солдатъ рвалъ его, а укрываясь имъ, прожигалъ на кострѣ. Веревки и палки, отъ палатокъ, теряясь, лишали и полотнище своего назначенія, почему солдатъ переставалъ имъ дорожить, и зачастую бросалъ. Всю ночь принимали всевозможныя мѣры, чтобы люди отогрѣвались, будили ихъ, давали немного спирту, заставляли разгребать снѣгъ, пѣть, плясать. Своимъ людямъ было роздано сало, которое получили еще въ Россіи отъ жены полковника Безака, а турецкое прессованное мясо отдали (сами солдаты объ этомъ просили) Пензенцамъ. А то у нихъ получено было по положенію 6 ф. сухарей на человѣка; за 4-ро сутокъ каждый успѣлъ сгрызть ихъ понемногу, а достать ужь негдѣ. Даже наши конскіе консервы прекрасно сошли за сухари и это благодаря казаку, состоявшему при начальникѣ отряда. Онъ умудрился найти въ лѣсу стогъ чуднаго сѣна (вѣроятно зимній запасъ какого нибудь пастуха). Это сильно подогрѣло и подкрѣпило нашихъ лошадей; зерно-то у насъ было, а вмѣсто сѣна онѣ уже съ предыдущаго дня кусты щипали. Благодаря этой помощи, мы могли консервы отдать пѣхотѣ, которая, несмущаясь «конскими пряниками», прекрасно съѣла ихъ и заболѣвшихъ не было.

Несмотря на всю суровость этой картины, проглянула и доза комизма. Офицеръ 2-й батареи, прапорщикъ Дрейлингъ, догоняя свою батарею, нагналъ насъ на перевалѣ и привезъ съ собой нашимъ офицерамъ захваченныя имъ изъ Орханіэ только что полученныя письма и мелкія посылки. Всякій пой-

метъ, съ какимъ чувствомъ, среди этой непривѣтливой обстановки, читали мы извѣстія о тепломъ родномъ уголкѣ. Но посылки... На вершинѣ Умургача, около 6 т. футовъ высоты, въ декабрѣ, ночью, въ мятель и вьюгу откупорили мы ихъ, надѣясь на башлыкъ или теплыя перчатки, и что-жъ... коробка Кочкуровскихъ конфектъ, присланная Мезенцеву 1-му, и коробка шеколада отъ Балле, присланная Безаку!.. Такія противоположности невольно разсмѣшили насъ. Къ утру, на наше счастье, мятель немного ослабѣла, и мы начали приводить артиллерію опять въ надлежащій видъ, чтобы вести уже на лошадяхъ по перевалу. На этомъ бивуакѣ мы тоже горевали съ водой. Ручеекъ, самый скудный, мутился, пока наберешь полъкотелка, такъ что лошади довольствовались почти однимъ снѣгомъ.

17-го утромъ, намъ приказано было пропустить 2-ю Гв. Кавалерійскую дивизію, затѣмъ начать спускаться. Въ одинъ конь, на самой выси, потянулась мимо насъ родная намъ дивизія. Много было радости, рукопожатій, привѣтовъ, но все это на ходу, какъ-то односложно... Всякій слишкомъ много испыталъ и оцѣнилъ совершенное по достоинству, чтобы еще пускаться въ разсужденія.

Пока проходила дивизія, въ батареѣ налагали орудія на лафеты и запрягали лошадей; на хвосту послѣдняго кавалериста тронулась батарея съ Пензенскимъ полкомъ, часовъ около 12 дня. Какъ только вышли изъ лѣсу, на открытую вершину Умургача, намъ открылся такой горизонтъ, о ширинѣ котораго нельзя составить себѣ понятія, не видавши его. И во всю эту могучую ширь передъ нами развернулась дивная картина. У подножія нашего разстилалась софійская долина, ограниченная съ юга высокими горами, позади которыхъ далеко блистали при солнечномъ свѣтѣ высоты Рило-Дага; немного вправо высилась могучая масса Витошъ планины, у подошвы которой скрывалась подъ облаками желанная наша Софія. Вся изрытая и перевороченная природа Балканъ, своею дикостью и шириною взмаха, производила чарующее впечатлѣніе. Мы невольно залюбовались величественностью и суровостью этой картины, тѣмъ болѣе, что каждый изъ насъ, гордо попирая обледенѣлую вершину Умургача, сознадъ за-

конченность перенесенныхъ исполинскихъ трудовъ. Солнце свѣтило ярко, но на высотѣ 6 т. футовъ не грѣло. Воздухъ былъ совершенно чистъ; снизу доносился какой-то гулъ; по шоссе, изъ Софіи въ Ташкиссенъ, замѣтно было движеніе массъ; все подтверждало въ насъ увѣренность, что Балканы пройдены. Поторопились и мы къ спуску, до котораго шли на лошадяхъ довольно легко, хотя снѣгъ было страшно глубокъ, но лошади, заложенныя восьмериками, брали дружно; да и нужно было поторопиться, потому что вѣтеръ опять крѣпчалъ и грозилъ разыграться къ вечеру въ буранъ [1]),

Первый спускъ былъ очень крутъ, но масса рыхлаго снѣга позволила спустить орудія на лошадяхъ. Только отпрягли 2 выноса и привязали лямки, которыми пѣхота и сдерживала накатъ, идя сзади орудій. Сойдя въ первую котловину, сдѣлали маленькій привалъ, такъ какъ со втораго спуска не мыслимо было спускать на лошадяхъ. Тутъ ужъ отъ каждаго орудія, подкатаннаго къ краю обрыва, отпрягли лошадей, опять привязали постромки, отвозы и лямки, и люди, стоя на мѣстѣ, вытравляли канаты и спускали поочередно орудіе и передокъ на первый выступъ, или площадку. Потомъ они спускались туда сами, по большей части на собственныхъ салазкахъ, и снова начиналась та же работа. При самомъ орудіи, или передкѣ было не болѣе человѣкъ 8-ми (преимущественно наши номера). Они придерживали за правила и колеса, и тѣмъ направляли ходъ орудія. Положеніе ихъ было самое рискованное. Не имѣя сами опоры, они могли каждую минуту сорваться въ пропасть. Особенно затрудняли спускъ чуть не на каждомъ шагу выдававшіяся каменныя глыбы, хотя одна изъ нихъ и была спасительницею нашего запаснаго лафета; при спускѣ его люди несдержали каната, лафетъ сорвался и полетѣлъ, но наскочивъ на одну изъ такихъ глыбъ, застрялъ на ней; лишь запасное боевое колесо отъ удара соскочило съ муфты и пошло прыгать въ пропасть. Такъ мы его и лишились. На этотъ разъ снова матеріальная часть доказала свою прочность. Колесо это скрылось изъ нашихъ глазъ въ цѣломъ

[1]) Въ этотъ вечеръ, какъ извѣстно, сильно пострадала колонна генерала Дандевиля; артиллерію ея совсѣмъ замело, такъ что люди спустились одни.

видѣ. Лошадямъ былъ очень труденъ этотъ спускъ. Онѣ садились, какъ собаки, на ягодицу, скользили и срывались. Особенно плохо было тѣмъ, которыхъ вела пѣхота [1]); ихъ хотя и учили: «коли самъ скользишь, держись за путлище, а ежели лошадь скользитъ и срывается, то поддерживай ее поводомъ» (конечно, мундштуки были сняты); но все это обученіе мало помогло, и у насъ погибъ добрый конь изъ подъ 6-го номера «Дорогой» только потому, что пѣхотинецъ, упавши, и желая встать на ноги, уперся весь въ поводъ. Конь, скользя, долго держалъ его, но наконецъ не выдержалъ такой тяжести на сильной крутизнѣ, сорвался самъ, и полетѣлъ бѣдняга кубаремъ въ оврагъ. Бомбардиръ Малышевъ, 6-й нумеръ,—хозяинъ лошади, увидѣвъ это, съ достойнымъ самоотверженіемъ прокарабкался къ ней, но нашелъ ее уже мертвою; хотѣлъ взять вьюкъ, но не подъ силу пришлось, и взявши только сухари и подковы, онъ вернулся осиротѣлымъ къ батареѣ.

1-е орудіе, спустившись, пришло въ д. Чуріакъ къ 8 часамъ вечера, а вся батарея стянулась къ 3-мъ часамъ утра 18-го декабря. Только тотъ, кто испыталъ это, можетъ понять, съ какимъ наслажденіемъ забрались мы въ полуразрушенную избу и развели настоящій костеръ. 18-го, въ 10 часовъ утра, выполняя диспозицію отъ 12-го декабря, батарея подъ прикрытіемъ Пензенскаго полка, выступила въ д. Жиляву. Передъ выступленіемъ командиръ батареи флигель-адъютантъ полковникъ Безакъ, роздалъ людямъ Пензенскаго полка 100 золотыхъ, поровну на каждую роту, за ихъ тяжелые труды для насъ въ горахъ. Отъ Пензенцевъ услышали мы здѣсь очень много любезностей относительно состоянія и вида батареи: «Тамъ, гдѣ и чорту не подъ силу, только ваши лошади и брали, а мы все отдыхали!» Не мѣсто писать подобныя вещи о себѣ, но подобныя заявленія слишкомъ лестны для каждой батареи, чтобы объ нихъ умалчивать.

Въ Жилявѣ застали уже 2-ю Гв. Кавалерійскую дивизію, къ которой и присоединились. Д. Жилява лежитъ уже въ бо-

---

[1]) Такъ какъ часть нашихъ людей направляли орудія и передки при спускахъ.

гатой Софійской долинѣ. Турки повидимому ее не навѣщали, а потому мы и нашли въ ней все, что было надо; лошадямъ—фуражъ; а людямъ—хлѣбъ и мясо. Вообще надо сказать, что хлѣбомъ, мы, Конно-Артиллеристы, до Софіи почти всегда пользовались. Приходя въ деревню, въ которой оставалось хотя немного жителей, сей же часъ заказывали имъ хлѣбъ, который они пекли подъ надзоромъ нашихъ часовыхъ, а такъ какъ болгарская лепешка требовала не болѣе 20 минутъ на ея изготовленіе, а людей у насъ числомъ немного, то мы, при нѣкоторой распорядительности, имѣли всегда возможность дать своимъ солдатамъ хоть по куску въ 1 ф. свѣжаго хлѣба.

Въ 2 часа ночи, 19-го декабря, была получена диспозиція, на основаніи которой батареѣ нужно было раздѣлиться: отному взводу идти съ Кавалерійскою дивизіею и участвовать въ назначенной на этотъ день атакѣ сильно укрѣпленной турецкой позиціи у д. Ташкисенъ, а другому—оставаться въ отрядѣ генералъ-лейтенанта Вельяминова и служить заслономъ со стороны г. Софіи, на случай могущей быть оттуда атакѣ турокъ.

Жребій рѣшилъ 1-му взводу, подъ начальствомъ поручика Чичагова 2-го, при прапорщикѣ Мезенцовѣ, идти съ кавалеріею, а третьему, подъ командою капитана Мартынова при подпоручикѣ Шереметевѣ, оставаться съ пѣхотой. Командиръ батареи пошелъ со штабомъ кавалерійской дивизіи, вмѣстѣ съ 1-мъ взводомъ. Такъ какъ третьему взводу предстояло движеніе съ пѣхотой, слѣдовательно болѣе медленные и короткіе переходы, то къ нему были приданы запасный лафетъ и аптечная одноколка. Съ этого дня на долго, почти на три мѣсяца, 5-я батарея, разбитая на 3 части, движется и дѣйствуетъ въ разныхъ отрядахъ, преслѣдуетъ разныя цѣли и каждая часть настолько удалена одна отъ другой, что не имѣетъ никакихъ извѣстій о своихъ товарищахъ, и только къ концу февраля, разрозненныя части батареи соединяются въ одно цѣлое.

Поэтому и описаніе дѣйствій 5-й батареи нельзя болѣе вести общее, а приходится писать о дѣйствіяхъ каждаго взвода самостоятельно.

Дѣйствія 1-го взвода.

19-го числа день атаки Ташкиссена, Гвардейская кавалерія въ 3 часа утра съ первымъ взводомъ поручика Чичагова 2-й выступила изъ Жилявы, черезъ д. Горную Малину къ д. Чеканцево. Взводъ отдѣлился въ слѣдующемъ составѣ: офицеровъ два (поручикъ Чичаговъ 2-й и прапорщикъ Мезенцевъ 1-й), вахмистръ, два орудія и два передка отъ зарядныхъ ящиковъ съ положеннымъ числомъ людей и лошадей. Такимъ образомъ на орудіе имѣлось по 64 снаряда. Сухарей на людяхъ имѣлось на 6 дней. На каждую строевую и подсѣдельную лошадь въ карманчикахъ имѣлось по 4 подковы.

Кавалерія и взводъ шли перемѣнными аллюрами. Пришлось ночью переходить въ бродъ полузамерзшія рѣченки, причемъ люди сильно подмочили ноги. Уже разсвѣтало, когда отрядъ вышелъ на Софійское шоссе, съ котораго свернулъ на деревню Малина и вышелъ къ деревнѣ Чеканцово, гдѣ и остановился, прикрывая правый флангъ отряда. Наши пѣхотныя колонны длинными лентами потянулись къ Ташкиссену, и вскорѣ мы услыхали пушечные выстрѣлы, а затѣмъ и ружейную трескотню.

Отрядъ стоялъ долго въ выжидательномъ положеніи на горѣ, подъ которой лежала деревня Чеканцово, и откуда было отлично видно все поле сраженія. Мы видѣли и взрывъ въ турецкомъ редутѣ отъ удачнаго выстрѣла 3-й батареи Л.-Гв. 1 Артиллерійской бригады, и движеніе нашей пѣхоты впередъ, по всей линіи. Потомъ явственно слышали молодецкое «ура» Волынцевъ, шедшихъ въ атаку на гору, гдѣ еще упорствовали турки. Непосредственнаго же участія въ сраженіи кавалерія не принимала. Большая часть кавалеріи ушла на д. Д.-Комарцы, а взводъ артиллеріи съ дивизіономъ Уланъ простоялъ въ резервѣ. Какая-то турецкая батарея, замѣтивъ присутствіе Русскихъ на горѣ, открыла огонь по кавалерійскому отряду, и по деревнѣ Чеканцово, гдѣ помѣщался перевязочный пунктъ. Гранаты ложились между деревней и нашимъ расположеніемъ, по склону горы; вреда же никому эти выстрѣлы не нанесли. Но нельзя было не поразиться дальностью

стрѣльбы этой батареи; ее никто изъ присутствующихъ не могъ даже найти глазомъ.

Въ 4 часа пополудни, сраженіе было окончено, и 2-ю бригаду съ первымъ взводомъ потребовали впередъ, въ Ташкиссенъ. Бригада пошла рысью къ мѣсту востребованія, но, не доходя деревни, получила приказаніе вернуться въ дер. Чеканцово, и расположиться тамъ же на ночлегъ. Для взвода были отведены два двора. Люди получили двойную порцію баранины.

Разбитымъ подъ Ташкиссеномъ туркамъ оставался одинъ путь отступленія по дорогѣ изъ Комарцовъ въ Петричево. По этому Гвардейская Кавалерія 20-го декабря была послана на этотъ путь, дабы преслѣдовать отступающихъ Турокъ. Отрядъ выступилъ въ 8 часовъ утра на деревни Малина, Бѣлопоповцы, Байлово и Черкесское село. Далѣе двигаться артиллеріи оказалось невозможнымъ, такъ какъ изъ Черкесскаго села на Смольсково шла уже не дорога, а горная тропинка по краю глубокаго оврага. Полковникъ Безакъ и поручикъ Чичаговъ поѣхали обрекогносцировать эту дорогу и вернулись оттуда съ донесеніемъ командующему дивизіею, что, не исправивъ, т. е. не уширивъ тропинку въ нѣсколькихъ мѣстахъ, дальнѣйшее движеніе невозможно. И дѣйствительно, въ четырехъ мѣстахъ тропинка шла между отвѣсною скалою и глубокою пропастью и была всего въ аршинъ ширины, а слѣдовательно уже хода орудія. Вслѣдствіе этого командующій дивизіею поручилъ расторопному своему ординарцу, вольноопредѣляющемуся Колиньи, собрать на сколько можно болтаръ, съ кирками и лопатами, и съ помощью ихъ уширить эту дорогу.

Отрядъ вслѣдствіе этого расположился на ночлегъ въ Черкесскомъ селѣ. Село это, окончательно брошенное жителями, изобиловало большими запасами сѣна, ячменя и картофеля, которыми отрядъ и воспользовался.

На другой день, 21-го декабря, отрядъ выступилъ изъ Черкесскаго села только въ 11 часовъ, такъ какъ предстоявшая дорога не была достаточно исправлена за ночь. Съ неимовѣрными трудностями, снимая въ опасныхъ мѣстахъ орудія съ передковъ, и таща ихъ на рукахъ, двигался взводъ, подчасъ не мало удивляясь силѣ русской лошади. Главная опасность

состояла въ томъ, что и подправленная дорога была все-таки очень узка и висѣла надъ страшнымъ обрывомъ. Всякій неосторожный толчекъ могъ ввергнуть орудія въ пропасть. Пройдя такой дорогой болѣе трехъ верстъ, отрядъ вышелъ къ караулкѣ, откуда дорога шла уже вправо, долиною ручья. У караулки получено было донесеніе отъ разъѣздовъ, что дер. Петричево занята 15-ю баталіонами турокъ. Мы тронулись впередъ на деревню Смольсково, не доходя которой, услышали сильную ружейную перестрѣлку влѣво, т. е. на пути отступленія турокъ. Первая пришедшая въ голову мысль была та, что эту перестрѣлку затѣяли наши же Драгуны, посланные горами лѣвѣе насъ. Впереди же деревни Смольсково, на горахъ, засѣла также турецкая пѣхота, открывшая сильный огонь по нашимъ разъѣздамъ. Командующій дивизіею уже было рѣшился выбить ихъ оттуда огнемъ артиллеріи, что при полной деморализаціи почти бѣгущихъ турокъ навѣрно бы удалось. и потребовалъ взводъ впередъ, но тотчасъ же отмѣнилъ приказаніе. Вслѣдъ за этимъ было приказано расположиться въ деревнѣ, отпречь лошадей, но не разсѣдлывать, въ виду могущаго быть наступленія Турокъ. Утромъ же противъ насъ уже никого не было. Турки ушли еще ночью. Въ деревнѣ Смольсково жителями выпеченъ хлѣбъ на одинъ день. Вслѣдствіе дурныхъ дорогъ, лошади постоянно теряютъ подковы и испытывается сильный недостатокъ въ гвоздяхъ. 22-го и 23-го декабря отрядъ простоялъ въ Смольсково. Командиръ батареи полковникъ Безакъ, еще 22-го утромъ, уѣхалъ въ отрядъ генерала Вельяминова, къ 3-му взводу. 24-го декабря, вслѣдствіе приказа генерала Гурко, отряды получили приказаніе стать на квартиры въ виду общаго утомленія, необходимости притянуть обозы за Балканы и снабдиться сухарями. Гвардейской кавалеріи назначена была деревня Раковица, куда она и выступила, пройдя вторично трудное ущелье и Черкесское село.

25-го декабря, Рождество Христово было проведено отрядомъ въ Раковицахъ. Люди получили баранину и по чаркѣ водки.

26-го декабря, 1-я бригада съ артиллерійскимъ взводомъ получила приказаніе выйдти на Ихтиманское шоссе къ дер.

Вакарель, и преслѣдовать непріятеля. Лейбъ-Уланы пошли какою-то кратчайшею дорогою, а Конно-Гренадеры съ первымъ взводомъ весьма кружною на деревню Гюреджи. По дорогѣ въ первомъ взводѣ произошелъ непріятный случай. Недоходя деревни Гюреджи, дорога чрезвычайно круто и раскатисто спускается въ долину какого-то ручейка. Раскатъ имѣлъ направленіе влѣво и кончался обрывомъ, что было очень опасно. Въ виду этого, поручикъ Чичаговъ приказалъ прислугѣ слѣзть, привязать лямки къ лафету, съ правой стороны, затормозить колеса, взяться всѣмъ за лямки и этимъ удержать орудіе отъ раската. Спускаясь шагъ за шагомъ, въ самомъ критическомъ мѣстѣ, несмотря на усиліе людей, орудіе раскатилось съ такой быстротой, что оборвалось и вмѣстѣ съ лошадьми и ѣздовыми, два раза перекувырнувшись по обрыву, очутилось на днѣ. Все смѣшалось въ кучу: коренныя лошади были придавлены лафетомъ, постромки перепутались, выносы бились; ѣздовыеже какимъ-то необыкновеннымъ чудомъ очутились сбоку. Не скоро распутали всю эту кашу; казалось, что коренныя лошади перваго орудія, лучшія лошади батареи, совсѣмъ расшиблись, такъ какъ морды у нихъ были всѣ въ крови, но видимо Богъ былъ за Насъ! Вторично то же орудіе за этотъ походъ летѣло съ кручи и паденіе снова обошлось безъ несчастія. Снѣгъ быстро помогъ остановить кровотеченіе изъ носа у лошадей, и добрые кони рысью догнали кавалерію. Сдѣлавъ верстъ 20-ть, бригада вышла на Ихтиманское шоссе, но скоро, встрѣтивъ обозы 3-й бригады, повернула назадъ, такъ какъ смыслъ назначенія 1-й бригады терялся: вмѣсто непріятеля, встрѣтили обозы давно прошедшей нашей же кавалеріи. Тою же дорогою бригада вернулась въ Раковицу, сдѣлавъ безполезно болѣе сорока верстъ по весьма трудной дорогѣ.

27-го декабря кавалерія стояла въ Раковицахъ, и была получена диспозиція для перехода малыхъ Балканъ. Наступленіе предположено тремя колоннами: правою изъ Софіи по Филиппопольскому шоссе, чрезъ Ихтиманъ; среднею на Шіобренъ, Баню и Бутово; лѣвою же на Мечку. Такимъ образомъ, всѣ три колонны выходили въ долину рѣки Марицы, въ столь желанную нами мѣстность. Впереди каждой колонны должна

была идти одна бригада Гвардейской кавалеріи. 2-я бригада съ артиллерійскимъ взводомъ назначена была въ среднюю колонну.

28-го декабря, въ 9 часовъ утра, взводъ въ третій разъ прошелъ чрезъ Черкесское Село и трудное ущелье съ караулкой на Смольсково, гдѣ и ночевалъ. Въ эту ночь получено изъ обозовъ сухарей на три дня.

29-го декабря съ разсвѣтомъ, взводъ съ 1-ою бригадою, такъ какъ вторая была уже далеко впереди, двинулся на Петричево, обобранную до послѣдней соломенки, болгарскую деревню. Повсюду попадались остатки быстраго и безпорядочнаго отступленія турокъ: слѣды кое-какъ расположенныхъ бивуаковъ, разложенныхъ костровъ, масса раскиданныхъ патроновъ. 1-я бригада отъ дер. Петричево должна была свернуть на Мечку, а первый взводъ долженъ былъ присоединиться къ Лейб-Гусарскому полку, стоявшему въ Піобренѣ; отъ Петричева до Піобрена, перейдя одну и ту же рѣчку по крайней мѣрѣ двадцать разъ, справляясь съ трудностями, встрѣчаемыми на пути, съ одною своею прислугою взводъ шелъ одинъ безъ прикрытія и прибылъ благополучно въ разоренный Піобренъ.

30-го декабря была дневка въ Піобренѣ.

31-го декабря кавалерія ушла одна впередъ; взводъ же пошелъ съ Л.-Гв. Литовскимъ полкомъ. Дорога была относительно сносна. Литовцы дивились легкости, съ которою ходитъ конная артиллерія. Они едва поспѣвали за взводомъ, и имъ ни разу не пришлось помогать артиллеріи.

На каждомъ шагу намъ попадались убитые или умершіе турки, по большей части съ отмороженными ногами, все слѣды быстраго отступленія. Пройдя деревню Баня, взводъ прибылъ уже поздно вечеромъ въ дер. Бутово, гдѣ его ожидалъ 3-й эскадронъ Лейбъ Драгунскаго полка, для сопровожденія его далѣе на Поненцы, гдѣ стояла вся бригада. Но за темнотою и усталостью лошадей, нечего было и думать о ночномъ движеніи. Такимъ образомъ, новый годъ былъ встрѣченъ въ дер. Бутово. Людямъ опять была выдана двойная порція говядины и по послѣдней чаркѣ водки, такъ какъ въ запасѣ ея болѣе не имѣлось.

1-го января 1878 г. чуть свѣтъ, взводъ съ эскадрономъ

Драгунъ выступилъ на Попенцы. Дорога была довольно ровная, хотя гололедистая. Трупы турокъ пестрили дорогу. Подходя къ дер. Попенцы, мы увидали 2-ую бригаду, которая вытягивалась уже изъ деревни. Взводъ присоединился къ ней. Пройдя дер. Кепсклю, и взобравшись на безконечно длинную, крутую, но за то послѣднюю гору, мы увидали громадную долину рѣки Марицы, ровную, безъ единаго холмика, распростертую передъ нами.

«Слава Богу», вырывалось невольно у всякаго, «наконецъ то, выбрались изъ проклятыхъ горъ»!

Чѣмъ дальше мы шли, тѣмъ гостепріимнѣе становились болгары: хлѣбъ, вино, куски сала, яйца и т. п., все выносилось безвозмездно на встрѣчу. Грѣшно сказать, чтобы кто-нибудь голодалъ.

Назначеніе 2-й бригады, по выходѣ ея въ долину Марицы, состояло въ очищеніи отъ непріятеля мѣстности сѣвернѣе Татаръ-Базарджика и Филиппополя, а затѣмъ, выйдя на шоссе, идущее отъ Карлова на Филиппополь, должны были войти въ связь съ отрядомъ генерала Карцова. Когда мы подошли къ деревни Курукьей, то были встрѣчены выстрѣлами. Лейбъ Гусары скоро очистили, однако, деревню отъ турецкихъ «аскеровъ» и бригада расположилась на ночь въ этой деревнѣ.

2-го января бригада продолжала идти далѣе. Въ дер. Строево, лежащей всего въ полуверстѣ отъ Карловскаго шоссе и въ трехъ верстахъ отъ Филиппополя, такъ что весь городъ былъ уже ясно виденъ, къ намъ выбѣжали болгары съ извѣстіемъ, что турецкій обозъ, подъ прикрытіемъ пѣхотной части, выходитъ изъ деревни. Тотчасъ же эскадронъ гусаръ и эскадронъ драгунъ на рысяхъ взошли въ деревню; бригада же, построивъ боевой порядокъ, стала обходить деревню съ сѣвера. Въ первой линіи шелъ Лейбъ Гусарскій полкъ со взводомъ артиллеріи, во второй Лейбъ Драгуны. Когда бригада подошла съ другой стороны къ мѣсту, гдѣ стоялъ вытянувшійся обозъ, то уже застала однѣ повозки безъ людей. 2-й Лейбъ Гусарскій эскадронъ, проскакавъ весь обозъ, оставилъ за собою одни трупы. Намъ пришлось только полюбоваться результатами этой атаки.

Выйдя на Карловское шоссе, бригада пошла прямо на Фи-

липпополь. Не доходя до него, непріятельская кавалерія показалась изъ города, стала насѣдать на нашихъ наѣздниковъ и открыла огонь по нашей колоннѣ. Тогда командиръ Лейбъ Драгунскаго полка, полковникъ Ковалевскій, для поддержки наѣздниковъ приказалъ первому взводу выѣхать на позицію. Взводъ снялся съ передковъ и открылъ огонь по сомкнутой части, стоявшей на шоссе. Дистанція была назначена 950 саженъ, и первая же граната легла на самомъ шоссе, застлавъ отъ насъ дымомъ непріятеля. Турки тотчасъ же повернули назадъ, не ожидая, повидимому, присутствія нашей артиллеріи. Вторая граната, выпущенная на дистанцію 1050 саженъ, на глазъ, тоже попала въ группу непріятеля. Третья же, на дистанцію 1100 саженъ, заставила непріятеля въ карьеръ скрыться отъ насъ. Тогда, взявъ въ передки, взводъ рысью продвинулся къ Филиппополю. Намъ представился большой городъ, по среди котораго возвышалась отдѣльная гора, имѣвшая видъ цитадели. Мы впередъ уже разсчитывали въ немъ немного отдохнуть и запастись всѣмъ необходимымъ, особенно сахаромъ и свѣчами. Не имѣя уже впродолженіи нѣкотораго времени сахара, мы лишились послѣдней отрады походной жизни, единственной нашей горячей пищи—чая.

Но, главное, намъ необходимо было подковать лошадей. Запасы подковъ и гвоздей, взятые изъ Россіи, совсѣмъ истощились. Неподкованныя лошади, дѣлая безустанно большіе переходы, то по камнямъ и гололедицѣ, то по глинистой и и грязной почвѣ, стирали копыта, подбивались, и ихъ приходилось бросать за невозможностью вести за собою. Филиппополь представлялъ возможность поддержать составъ лошадей: хотя и не надолго, такъ какъ въ немъ, какъ и во всей Турціи, можно было найти однѣ только турецкія подковы и турецкіе гвозди, которые слабо держали ковку, очень быстро отрывались, обламывая вмѣстѣ съ тѣмъ копыто. Слѣдовательно, для полной поправки бѣды нужно было время, чтобы наши кузнецы могли сами приготовить длинные русскіе гвозди и подковы, но обстоятельства, къ несчастію, рушили всѣ наши мечты.

Все подвигаясь ближе и ближе къ городу, мы увидали наконецъ нѣсколько турецкихъ батальоновъ, выходящихъ изъ

Филиппополя и выстраивающихся противъ нашего лѣваго фланга. Вскорѣ врылось въ землю нѣсколько турецкихъ гранатъ, пущенныхъ съ батареи цитадели города. Не будучи въ состояніи нанести непріятелю какой нибудь вредъ, такъ какъ очень глубокій снѣгъ, лежавшій на поляхъ, мѣшалъ движенію кавалеріи, бригада сошла съ шоссе и двинулась на деревню Мрзянъ, гдѣ и ночевала. Деревня Мрзянъ всего въ трехъ верстахъ отъ Филиппополя.

3-го января, вслѣдствіе того, что Лейбъ-Драгунскіе разъѣзды проникли ночью въ болгарскую часть города и турки, повидимому, бросили Филиппополь, дано было приказаніе Гвардейской кавалеріи идти на Филиппополь.

Въ восемь часовъ утра, 2-я бригада двинулась изъ Мрзяна. Подойдя къ городу, первое, что мы увидѣли, это—пожаръ. Горѣлъ мостъ на рѣкѣ Марицѣ, зажженный турками. Когда же бригада подошла къ городу, насъ снова осыпали гранатами. съ занятой еще турками цитадели. Одновременно съ этимъ, вправо, услышали сильную артиллерійскую канонаду—это ужъ наступалъ генералъ Гурко съ главными силами. Оберегая лѣвый флангъ отряда, бригада простояла весь день подъ Филиппополемъ. Въ 12 часовъ ночи получено было приказаніе войти въ городъ, и переночевать въ немъ. Только въ два часа ночи удалось взводу отпереть какія-то ворота и расположиться на ночлегъ. Такимъ образомъ эту ночь провели мы съ непріятелемъ въ одномъ и томъ же городѣ: турки еще не были выбиты изъ турецкой части города, а мы ночевали въ сѣверной части его, Болгарской. Насъ раздѣляла только рѣка Марица.

4-го января, еще въ 6 часовъ утра, взводъ выступилъ со 2-ою бригадою къ переправѣ на р. Марицу, гдѣ перевозилась пѣхота. Въ часъ дня, взводъ безъ затрудненія перешелъ р. Марицу, и 1-я и 2-я бригады были двинуты впередъ, по Адріанопольскому шоссе, оставляя за собою Филиппополь, на который было возложено столько надеждъ.

По шоссе была страшная гололедица. Жаль было смотрѣть на бѣдныхъ, скользившихъ лошадей, болѣзненно ступавшихъ и съ усиліемъ удерживавшихся на скользкой дорогѣ: копыта все болѣе и болѣе обламывались. Проидя нѣсколько верстъ,

мы напали на страшные слѣды бѣгства мусульманскаго населенія. Массы павшаго скота, трупы женщинъ, дѣтей, старцевъ, поломанныя «каруцы», разбросанная домашняя утварь, мѣстами усѣявали сплошь поля, а шоссе дѣлалось окончательно непроходимымъ, и приходилось объѣзжать кругомъ груды падали, по рисовымъ полямъ; при этомъ во взводѣ сломались два дышла. Одно было замѣнено запаснымъ, другое же занято въ Л.-Гв. Донской батареѣ, подошедшей тоже къ намъ.

Уже темною ночью, перешли мы полотно желѣзной дороги и остановились, какъ казалось, въ совершенно брошенной деревушкѣ, названіе которой осталось для насъ тайною. Взводъ собирался занять по указанію два двора и поручикъ Чичаговъ съ деньщикомъ отправились въ первый попавшійся на дворѣ домикъ, чтобы выбрать себѣ ночлегъ. Деньщикъ его, Коваленко, хохолъ Екатеринославской губерніи, идя впереди, вошелъ въ дверь и остановился, пораженный видомъ четырехъ турокъ-солдатъ, сидѣвшихъ у огня. Турки, увидѣвъ Коваленко, вскочили и бросились къ ружьямъ, стоявшимъ въ углу. Коваленко, смекнувъ всю опасность, которой подвергался его офицеръ, вошедшій въ домъ вслѣдъ за нимъ, бросился къ этимъ ружьямъ, успѣлъ схватить ихъ раньше турокъ въ охапку и началась борьба. Поручикъ Чичаговъ обнажилъ саблю, но одинъ турокъ такъ сильно ударилъ его въ грудь, что онъ едва удержался на ногахъ. На шумъ вбѣжали солдаты и турки закричали «аманъ». За находчивость, спасшую офицера отъ неминуемой гибели, Коваленко впослѣдствіи получилъ знакъ отличія Военнаго ордена. Ночью въ деревнѣ отъ времени до времени раздавались выстрѣлы.

5-го января отрядъ прошелъ по шоссе дер. Панасли и Дербентъ, откуда опять пришлось выбивать турокъ.

6-го января изъ Дербента отрядъ выступилъ въ 9 часовъ утра. въ дер. Каяли сдѣланъ былъ привалъ. Дорога все также была усѣяна брошенными каруцами и павшимъ скотомъ. По дорогѣ, въ деревнѣ Кручешмы, было захвачено много бѣжавшихъ турокъ-жителей и солдатъ, и тотчасъ же приступлено было къ ихъ обезоруженію. Между прочимъ, изъ одного дома сдѣлано было нѣсколько выстрѣловъ по Уланамъ, при чемъ ранили одного деньщика. Въ виду того, что Кавалерія много

теряла лошадей на выбиваніе изъ домовъ фанатиковъ, начальникъ дивизіи приказалъ поручику Чичагову выбить турокъ изъ дому артиллерійскимъ огнемъ. Одно орудіе тотчасъ же было поставлено въ 50-ти саженяхъ отъ этого дома. Домъ былъ одноэтажный, глиняный. Гранаты дѣлали въ тонкой стѣнѣ дома пробоины и разрывались внутри его, выбрасывая изъ трубы огонь съ сильнымъ дымомъ. Наводчику было приказано наводить въ точку между окнами, такъ какъ ружейный огонь усиливался. Уже три гранаты были выпущены, но выстрѣлы не прекращались. Пули такъ и щелкали по желѣзному лафету, но прислуга продолжала молодцами дѣлать свое дѣло. Тогда поручикъ Чичаговъ приказалъ навести орудіе, въ точку ниже оконъ, куда турки, вѣроятно, выжидая нашу гранату, присѣдали. Послѣ перваго такого выстрѣла, огонь изъ дому прекратился; послѣ втораго, оставшіеся въ живыхъ выбѣжали изъ дому и были зарублены Гусарами. Покончивъ съ фанатиками, взводъ двинулся далѣе къ авангарду, гдѣ уже слышались выстрѣлы Донской батареи. Когда мы подошли къ авангарду, дѣло было уже кончено, турки были оттѣснены. Свернувъ съ шоссе, мы расположились въ дер. Коснакъ, гдѣ и ночевали. 7-го января кавалерія выступила изъ Коснака въ 11 часовъ утра. Около трехъ часовъ отрядъ подошелъ къ городу Хаскіою. Передъ входомъ въ городъ, колонна остановилась и послѣдовала команда «шапки долой»: Болгарское духовенство съ хоругвями и иконами вышло намъ на встрѣчу. За духовенствомъ шло все населеніе города. Драгуны съ первымъ взводомъ были размѣщены на краю города, по дорогѣ на Херманлы. Только что взводъ расположился на квартиры, какъ пришелъ командиръ Лейбъ-Драгунскаго полка, полковникъ Ковалевскій, и приказалъ взводу приготовиться, такъ какъ получено донесеніе, что турецкая пѣхота наступаетъ изъ Херманлы на Хаскіой. Немедленно взводъ былъ осѣдланъ и люди выведены въ паркъ, который самъ по себѣ представлялъ прекрасную позицію. Но скоро пришло другое донесеніе, что идетъ на Хаскіой не турецкая, а русская пѣхота, а именно: генералъ Скобелевъ 2-й съ отрядомъ. Тревога оказалась фальшивою.

8-го января была дневка въ Хаскіоѣ послѣ одиннадцатидневнаго непрерывнаго марша. Въ городѣ достали нѣсколько

турецкихъ подковъ и гвоздей, которыми и подковали наиболѣе потертыя копыта.

9-го января отрядъ тронулся далѣе, обгоняя пѣхоту генерала Скобелева. Генералъ Скобелевъ здоровался съ полками и взводомъ, и поздравилъ людей съ занятіемъ Адріанополя. Ночевалъ отрядъ въ д. Херманлы.

10-го января отрядъ перешелъ въ д. Мустафа пашу.

11-го января, къ 2-мъ часамъ дня, отрядъ подошелъ къ городу Адріанополю. Передъ въѣздомъ въ городъ колонну остановили: нужно было подтянуться, оправиться и прихорошиться для торжественнаго въѣзда во вторую столицу турецкой имперіи. Офицеры пересѣли съ маленькихъ туземныхъ лошадей, очень удобныхъ для похода, на своихъ, рослыхъ. Генералъ Дохтуровъ, какъ начальникъ кавалеріи авангарда, встрѣтилъ дивизію при въѣздѣ въ городъ и пропустилъ ее мимо себя. Генералъ Скобелевъ 2-й, стоя въ воротахъ Конака, гдѣ онъ остановился, здоровался съ войсками. Лавки, кромѣ кузницъ, были всѣ еще заперты; вахмистръ Александровъ успѣлъ на ходу законтрактовать одну кузницу для взвода, при чемъ оставилъ въ ней солдата, чтобы никто бы не перебилъ ее у артилеріи. Отрядъ расположился на плацу турецкихъ казармъ, такъ какъ сами казармы, обращенныя турками въ лазаретъ, были сплошь заражены. Лошади же перваго взвода поставлены были въ кавалерійскія конюшни. Такимъ образомъ менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ первый взводъ прошелъ отъ Орханіэ до Адріанополя, несмотря на ежедневныя задержки въ пути.

12-го и 13-го января первый взводъ простоялъ въ Адріанополѣ, снабжаясь всѣмъ необходимымъ и купивъ 50 паръ подковъ съ необходимымъ числомъ гвоздей.

14-го января, согласно диспозиціи, по которой—весь авангардъ генерала Скобелева долженъ былъ выйти изъ Адріанополя и продолжать движеніе на Константинополь, 2-я же бригада съ первымъ взводомъ должна была направиться на берегъ Мраморнаго моря въ г. Родосто, — первый взводъ выступилъ изъ Адріанополя за Лейбъ-Гусарскимъ полкомъ. Лишь только бригада свернула съ шоссе на проселочную дорогу, ведущую на югъ, пошелъ сильный, безпрерывный дождь. Глинистая почва дороги размокла на аршинъ, колеса все глубже и глубже врѣ-

зывались въ почву, лошади едва тянули, съ трудомъ вытаскивая свои ноги изъ глины, и наконецъ стали. Жители помогли бѣднымъ лошадямъ дотянули орудія до ночлега въ христіанскую арнаутскую деревушку Залудкіой. Проливной дождь шелъ всю ночь и нечего было и мечтать о дальнѣйшемъ движеніи артиллеріи на лошадяхъ.

15-го января за полною невозможностью двинуться далѣе на лошадяхъ, командующій бригадою разрѣшилъ запречь орудія волами. Пока прiисканы были волы, и сдѣланы необходимыя приспособленія для упряжки, прошло добрыхъ четыре часа времени и первый взводъ выступилъ изъ Залудкіоя только въ 12 часовъ дня.

Дорога была на столько трудна, что три пары громадныхъ, черныхъ буйволовъ едва-едва тащили орудіе. Нумера, вооружившись палками, замѣняли погонщиковъ. Солдатъ сначала очень забавлялъ такой способъ движенія. Но скоро стало не до смѣха, когда пришлось переправляться чрезъ ручей, разлившійся на полверсты. Упряжка перваго орудія по среди ручья стала, и, не смотря на побои палками, видимо не желала везти далѣе. Положеніе стало еще хуже, когда одинъ изъ уставшихъ буйволовъ легъ въ воду и сломалъ при этомъ ярмо. Пришлось людямъ лѣзть въ воду и перепрягать буйволовъ. Дрожа всѣмъ тѣломъ, по поясъ въ водѣ, люди должны были болѣе получаса возиться съ буйволами, пока они не тронулись.

Уже становилось темно, когда мы увидали желѣзно-дорожную станцію Узункпери, до которой намъ возможно было добраться въ бродъ не иначе, какъ перейдя огромную площадь воды, похожую на большое озеро. Дождь между тѣмъ шелъ ливнемъ. Вошли въ воду. Не только люди, но и лошади уже прозябли отъ продолжительнаго движенія водою и дрожали. Держась прямаго и кратчайшаго направленія къ станціи, мы дошли водою до какой-то верхушки высунувшагося изъ воды моста, на которомъ стояло нѣсколько пѣхотныхъ солдатъ, сообщившіе намъ, что далѣе въ одномъ мѣстѣ «очень глубоко». Нужно было опасаться одного, чтобы буйволы не стали въ самомъ глубокомъ мѣстѣ, за что поручиться было нельзя. Первое орудіе вошло на мостъ и стало спускаться въ глубь. Передняя пара буйволовъ совсѣмъ скрылась въ водѣ: они спотыкнулись.

Орудіе же къ счастію продолжало двигаться, везомое другими парами. Когда передняя пара снова показалась изъ воды, вторая пара въ свою очередь хлѣбнула водицы. Такимъ образомъ, каждая пара, по очередно скрывалась, и выходила изъ воды. Наконецъ, очередь дошла и до орудія, которое совсѣмъ съ передкомъ; скрылось въ водѣ, но добрыя животныя вытянули и оно было вытащено на берегъ. Такую участь испытало и второе орудіе и передки зарядныхъ ящиковъ. Лишь только мы вышли на шоссе къ станціи, живо выпрягли буйволовъ, и дошли до города Узунъкепри уже на лошадяхъ, всѣ мокрые, какъ курицы.

16-го января продолжалось движеніе по проселочной грязной дорогѣ, на волахъ до деревни Чепово. Несмотря на то, что переходъ былъ всего въ двѣнадцать верстъ, мы шли семь часовъ сряду.

17-го января, при проливномъ дождѣ и страшно тяжелой дорогѣ, взводъ на волахъ прошелъ верстъ 25-ть, причемъ выступилъ изъ Чепова въ 8 часовъ утра и прибылъ въ городъ Айроболъ только въ 10 часовъ вечера. На половинѣ дороги измученные буйволы стали, и мы было уже потеряли надежду дойти до мѣста ночлега, но насъ выручило попавшееся турецкое стадо, изъ котораго выбрали по указанію пастуховъ, съѣзженныхъ воловъ и подмѣнили усталыхъ свѣжими. Тогда пошли быстрѣе. Прійдя въ Айроболь, когда было совершенно темно, измученные и усталые люди могли едва къ 12 часамъ ночи найти себѣ квартиры.

18-го, 19-го, 20-го, 21-го и 22-го января взводъ отдыхалъ въ Айроболѣ. Люди все время имѣли свѣжій хлѣбъ и мясо, и ни въ чемъ не нуждались.

22-го числа пришло извѣстіе о перемиріи, встрѣченное всѣми съ радостью. Вмѣстѣ съ тѣмъ получено было приказаніе Гвардейской Кавалеріи перейти въ Родосто, занятый уже 3-ю Гвардейскою Кавалерійскою бригадою.

23-го января взводъ со 2-ою бригадою выступилъ опять по случаю невылазной грязи на волахъ, и дошелъ до деревни Каракали.

24-го января взводъ уже шелъ на лошадяхъ. Дорога стала значительно лучше. Подмерзло и дулъ сильный вѣтеръ. Недо-

ходя города Родосто, предъ нами открылась чудная картина прелестнаго Мраморнаго моря съ его островами. Въ городѣ были встрѣчены массою народа. Взводъ былъ размѣщенъ на квартиры. Чудное море, теплый, пріятный климатъ, полуевропейская жизнь въ городѣ, дѣйствовали благодѣтельно на утомленныхъ людей и лошадей. Стоянка въ Родосто была лучшая изъ всѣхъ во время кампаніи. Сюда же прибыли чрезъ нѣкоторое время и остальные взводы батареи.

Дѣйствія 3-го взвода.

19-го декабря, на основаніи диспозиціи, 3-й взводъ подъ командою капитана Мартынова, при подпоручикѣ Шереметевѣ, выступилъ подъ прикрытіемъ 1-го баталіона Тамбовскаго полка въ 9 часовъ утра на д. Янъ, гдѣ былъ расположенъ весь отрядъ генералъ-лейтенанта Вельяминова; прибыли въ 11 часовъ дня и расположились по квартирамъ.

День былъ чудный, яркое солнце даже пригрѣвало, вѣтру почти не было, морозъ градуса 4, не больше, фуражу добыли вдоволь и по обыкновенію заказали хлѣбъ, и только что закончивши все это: чистку, уборку, уходъ за собой, и насытивъ себя, люди усѣлись съ трубочкой понѣжиться, какъ на линіи нашихъ пикетовъ послышались ружейные выстрѣлы, а затѣмъ впереди насъ верстахъ въ 4-хъ, въ д. Горное Бугорово послышалась кавалерійская тревога. Барабанщикъ нашей дежурной части подхватилъ, за нимъ другой, третій, заигралъ нашъ трубачъ и пошла потѣха; это была первая боевая тревога, и право она прошла съ меньшей суетой, чѣмъ Красносельская и съ безусловной тишиной. Такъ какъ пѣхота оставляла въ д. Янъ одну роту, то и нашъ запасный лафетъ и аптечная одноколка были оставлены съ тѣмъ, чтобы, когда разъяснится дѣло, прислать за ними.

Прошло не болѣе 20 минутъ отъ перваго сигнала тревоги, какъ отрядъ нашъ стоялъ уже подъ ружьемъ и генералъ-лейтенантъ Вельяминовъ, объѣзжая, здоровался съ людьми и благословлялъ на успѣхъ. Затѣмъ онъ поѣхалъ рысцой впередъ, а мы пошли боевымъ порядкомъ, составляя съ 4 орудіями

2-й батареи, одну батарею въ боевой линіи съ Тамбовскимъ полкомъ.

Неужели турки рѣшились наступать? Большинству отряда какъ то невѣроятна казалась эта смѣлость. Турки наступаютъ, атакуютъ насъ, да еще въ чистомъ полѣ...

Нѣтъ, думалось, это вѣрно только аванпостная стычка, или же у нихъ ужъ черезчуръ много войскъ.

Вся дорога, по которой мы шли, загромождена была бѣгущими изъ Горнаго Бугорова болгарами; бѣдный «братушка» навьюченный какъ верблюдъ своимъ добромъ, начиная отъ ребенка и кончая теленкомъ, отсчитывалъ уму непостижимые прыжки, и лишь на ходу кричалъ «Гулема Турка», т. е. много турокъ. Жены ихъ, уступавшія имъ въ быстротѣ, поддерживали за то ужасно нестройный вой и ревъ и крики ихъ, и дикость невиданной нами доселѣ картины, невольно отвлекали насъ нѣсколько отъ настроенія, вызваннаго серьезностью минуты.

Бой при Горномъ Бугоровѣ.

Чѣмъ ближе подходили къ Г. Бугорову, тѣмъ ружейныя выстрѣлы слышались все явственнѣе и учащеннѣе. Пришли въ Г. Бугоровъ, когда уже стемнѣло. Намъ было все-таки еще видно, какъ цѣпь баши-бузуковъ, оттѣснивъ нашу цѣпь Кавказской Казачьей бригады на сѣверъ отъ шоссе, сама остановилась на югъ отъ нея, и мало по малу прекратила пальбу. Въ это же время было получено донесеніе отъ генералъ-маіора Черевина, начальника Кавказской Казачьей бригады, что турки, вытѣснивъ его казаковъ изъ Д. Бугорова, наступаютъ изъ Софіи большими массами пѣхоты и слышенъ грохотъ артиллеріи, и что турки по эту сторону моста на шоссе, располагаются южнѣе его, у д. Д. Бугорово.

Перебѣжчикъ, болгаринъ изъ Д. Бугорова донесъ, что у турокъ 10 топъ (т. е. орудій) и 15 дружинъ [1]) (т. е. таборовъ). Отрядъ такой выходилъ почтеннымъ, особенно противъ нашихъ 6 батальоновъ и 6 орудій.

[1]) На дѣлѣ оказалось: 1 горная батарея (6 орудій), 1 дальнобойная (6 орудій), 16 таборовъ и баши-бузуки.

Генералъ-лейтенантъ Вельяминовъ приказалъ стать на позиціи, гдѣ и оставаться всю ночь.

На позиціи приблизительно были расположены такъ: высоту на востокъ отъ Д. Бугорова заняли мы, поставивъ орудія по гребню выдающимся угломъ, 2-я батарея на правомъ, 5-я—на лѣвомъ флангѣ. Весь Тамбовскій полкъ въ боевой линіи, Пензенцы—2 бат. во 2-й линіи съ фланговъ, и 1 въ общемъ резервѣ за центромъ. Кавказская Казачья бригада выставила кругомъ цѣпь, а остальныя сотни стали за крайнимъ лѣвымъ и правымъ флангами. Чтобы не выяснять своего положенія, костры разрѣшено зажечь только по 1 на батарею и батальонъ, и вообще людямъ сохранять крайнюю тишину.

Пока еще совсѣмъ не стемнѣло, мы ознакомливались съ мѣстностью и опредѣлили двѣ дистанціи, первую до нашихъ передовыхъ ложементовъ, а 2-ю до крайняго дерева на шоссе, хотя это послѣднее сдѣлать было рискованно, такъ какъ шоссе въ этомъ мѣстѣ была нашей демаркціонной линіей между казаками и баши-бузуками; но фейерверкеры отъ 5-й батареи Филипповъ и одинъ отъ 2-й батареи вызвались сами [1]). Оказалось, что первая точка лежитъ въ разстояніи 400 сажень, а 2-я 800 с. Конечно дистанціи эти были опредѣлены такимъ способомъ довольно грубо, но при трудности опредѣленія дистанцій вообще по бѣлоснѣжному гладкому полю, опредѣленіе это сохранило намъ не мало снарядовъ, которые неминуемо ушли бы на безконечную пристрѣлку, а снаряды-то приходилось беречь.

Расположившись на позиціи, послали въ д. Янъ, чтобы съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня пріѣзжала бы на позицію аптечная одноколка и запасный лафетъ; а также чтобы привезли вторую порцію хлѣба, такъ какъ въ д. Г. Бугоровѣ не оста-

[1]) Опредѣленіе разстоянія, за неимѣніемъ другихъ средствъ, было произведено слѣдующимъ образомъ: фейерверкеры эти, имѣя въ рукахъ часы замѣчали минуту выѣзда съ батареи, и держа строже направленіе и аллюръ ѣхали на намѣченную точку, прибывъ на которую опять замѣчали время. Возвращаясь обратно, дѣлали то-же самое для провѣрки; затѣмъ, отмѣривъ цѣпью другое разстояніе въ тылу заставляли проѣзжать его, соблюдая тотъ же аллюръ, и замѣчая, во сколько минутъ они проѣзжали это извѣстное разстояніе, мы тогда уже получили искомое разстояніе.

лось ни одного одушевленнаго существа. Бивуакъ нашъ; и безъ того тихій, съ наступленіемъ темноты замеръ; кто только могъ. спалъ глубокимъ сномъ, пристроившись къ костру, а кто пріютился и къ лошадкѣ [1]).

Въ тѣхъ случаяхъ, когда нельзя было раскладывать много костровъ, мы устраивались такъ: вырывалась яма, діаметромъ около 1 саж., на столько глубокая, что бы снять весь снѣгъ и обледѣнелую кору земли. На днѣ ямы раскладывался костеръ, и люди ложились кругомъ, ногами къ центру. Такимъ способомъ помѣщалось около костра очень много людей. Ежели дулъ сильный вѣтеръ, то съ надвѣтренной стороны отступя отъ ямы около сажени, дѣлами брустверъ изъ снѣга.

Непріятельскій бивуакъ представлялъ совсѣмъ другую картину; шумъ, гамъ стоялъ невообразимый, костровъ разведено пропасть; въ д. Д. Бугоровъ съ разныхъ концовъ поддожжены строенія и пожарище это разливало зарево на всю окрестность. Принесли наконецъ приказаніе на слѣдующій день. Оно было не сложное: занимать свои позиціи, по возможности беречь [2]) патроны и снаряды, а дальнѣйшія приказанія будутъ даны сообразно тому, что предприметъ противникъ. Чтобы онъ впрочемъ не предпринялъ, мы твердо знали свое назначеніе—служить заслономъ для серьезной операціи, и намъ не могло быть другаго исхода, какъ побѣдить, или умереть, не отступя ни шагу назадъ.—Какъ сильно въ себя ни вѣруй, какъ ничтожнымъ ни считай противника, но такое превосходство въ силахъ, какое было теперь противъ насъ, невольно заставило призадуматься о завтрашнемъ днѣ, и въ ночь эту, всякій изъ насъ много передумалъ.

20-го декабря съ разсвѣтомъ, бивуакъ нашъ зашевелился. Напоивъ лошадей, мы заняли свои мѣста. На планѣ буквы п. п. линія передковъ, к. к. Коноводы, я. я. ящики. Какъ тѣ такъ и другіе были удалены отъ батареи сажень на 200 и

[1]) За кампанію у насъ выработалось много такихъ смирныхъ лошадей, которыя всю ночь пролежатъ на одномъ боку, лишь бы непотревожить солдата, пріютившагося у нее за спиной, а другія давали и около брюха между ногами мѣсто.

[2]) Беречь дѣйствительно нужно было пѣхота имѣла линейная по 5, а стрѣлковая по 7 пачекъ патроновъ, а патронныя ящики были по ту сторону Ба канъ, а у насъ въ 2-хъ передкахъ было по 60 снарядовъ на орудіе.

поставлены за склономъ горы. Пѣхоты мы утромъ и не видѣли; она за ночь врылась въ землю, и теперь лежала совсѣмъ укрытая.

Въ 8 часовъ утра у турокъ начался ужасный крикъ: или здоровались съ ними, или возбуждали ихъ патріотическимъ возгласомъ. Около 9 ч. башп-бузуки, поддержанные цѣпью стрѣлковъ, начали наступленіе. Казаки наши, отступая, отошли за лѣвый флангъ нашей скрытой цѣпи. Башп-бузуки, нарвавшись на мѣткій огонь нашихъ стрѣлковъ, рысью ушли къ лѣсу, что у д. Д. Бугоровъ. Турецкая же пѣхотная цѣпь залегла вдоль шоссе, и начала трещать выстрѣлами. Съ этого момента пули начали ложиться на батарею. Одновременно съ этимъ, турки выставили одну батарею (на планѣ № 1), но снаряды ея далеко до насъ не долетали, такъ какъ это была горная батарея.—Пришли первыя донесенія разъѣздовъ, что непріятель, дебушируя изъ Д. Бугорова, развертывается въ боевой порядокъ сильно обхватывая наши фланги, особенно правый.

Въ 10-мъ часу на шоссе у батареи, гдѣ стояли непріятельскія сомкнутыя части, опять послышались общіе крики продолжавшіеся не менѣе получаса, что заставило насъ предположить, что это было не здорованіе, а подбодриваніе; и затѣмъ они начали медленно, но рѣшительно наступать на нашъ фронтъ. Для поддержки ихъ наступленія, выѣхала дальнобойная батарея (на планѣ № 2 Дальноб.) и открыла по насъ очень частый, хотя не совсѣмъ мѣткій, огонь. Снаряды ихъ ложились за нашими передками, лѣвѣе ящиковъ, а можетъ быть они предполагали у насъ тамъ резервъ. Мы на всѣ выстрѣлы этихъ двухъ батарей упорно молчали; часовъ около 11-ти, горная батарея замѣтила, что снаряды ея не долетаютъ до насъ, и она перемѣнила позицію (на планѣ № 2-й Горная), но и отсюда стрѣльба ея не была успѣшнѣе.

Продолжая наступленіе, непріятельская пѣхота шла въ перебѣжку. Отъ залегшаго табора, отдѣлится небольшая партія, пробѣжитъ впередъ отъ 40 до 70 саж. и заляжетъ; и постепенно мелкими партіями весь таборъ и соберется на новомъ мѣстѣ, а затѣмъ продолжаютъ движеніе тѣмъ же способомъ.

Чтобы не развлекаться огнемъ, мы подѣлились такъ,—2-я батарея обстрѣливаетъ правый флангъ и центръ, а мы, 5-я,

лѣвый центръ и лѣвый флангъ. Какъ только турецкая пѣхота подошла къ деревьямъ у шоссе, изъ 5-го орудій дали обыкновенною гранатою на 860 сажень, и прямо въ голову табора. Дали еще два выстрѣла, но въ это время кучка уже отдѣлилась и, пробѣжавши, залегла. Начали пристрѣлку по этому мѣсту дали 760 сажень недолетъ, 800 с. маленькій перелетъ. Опредѣливъ довольно мелкую вилку, начали стрѣлять опять по табору на 860 с. Не успѣли дать трехъ выстрѣловъ, какъ таборъ уже весь перебѣжалъ на новую позицію. Какъ только весь таборъ собрался, 5-е орудіе дало обыкновенною гранатою на 785 саж. попало прекрасно, 6-е орудіе—на ту же дистанцію шрапнелью съ низкой установкой тоже хорошо. Дали еще очередь, но шрапнелью, съ настоящей установкой трубки; результатъ былъ тотъ, что таборъ разсыпался бѣгомъ въ стороны и назадъ. Мы пріостановили пальбу. Долго потомъ въ таборѣ этомъ кричали, но онъ уже не шелъ впередъ, пока не подошелъ къ нему на помощь другой, свѣжій. Турецкая цѣпь все продолжала наступать очень нерѣшительно, сильно страдая отъ рѣдкаго, но мѣткаго огня нашей цѣпи. Вторично таборы наступили почти до линіи нашихъ передовыхъ ложементовъ, но тутъ встрѣченные сильными залпами пѣхоты, и нашей шрапнелью, они окончательно отказались отъ атаки центра, отступили къ шоссе, и тамъ залегли.

Во время этой вторичной атаки мы стрѣляли тѣмъ же порядкомъ: двумя, тремя выстрѣлами обыкновенною гранатою опредѣляли мелкую вилку, и немедленно переходили на шрапнель. Ближайшая дистанція стрѣльбы по таборамъ была на 460 саж. Это было въ 12 ч. дня. Съ этого времени на центръ наступленіе почти прекратилось, и турки начали ожесточенно атаковать правый флангъ нашей позиціи.

За время утренней перестрѣлки, раненъ 3-й № 6-го орудія, Гайдукъ и коноводъ Алешинъ, несмотря на то, что коноводы были саж. на 200 сзади батареи. Вообще, чѣмъ турки были дальше, тѣмъ болѣе ложилось пуль на батарею, а по мѣрѣ ихъ наступленія пули начинали отходить въ тылъ батареи; что прямо подтверждаетъ что они стрѣляютъ не цѣлясь, а держа ружье на изготовѣ. Изъ лошадей за это время двѣ были убиты и одна ранена.

До 2-хъ часовъ турки безполезно атаковывали нашъ правый флангъ и, видя, что ничего не подѣлаешь, въ 2 часа вывели изъ резерва еще свѣжіе таборы, которыми и начали обходить нашъ лѣвый флангъ, и скоро почти совсѣмъ его обхватили. Тутъ мы опять начали пальбу по наступавшимъ таборамъ.

Когда непріятель обхватилъ нашъ лѣвый флангъ, то батарея очутилась подъ страшнымъ перекрестнымъ огнемъ съ фронта и съ лѣваго фланга, и сразу же начала нести большія потери; не болѣе какъ въ 15 минутъ, весь шестерикъ 6-го орудія былъ положенъ, привели лошадей изъ-подъ запаснаго лафета и только что заложили, еще 3 лошади легло. Тутъ же былъ раненъ 1-й № 5-го орудія Гусевъ и ѣздовой 6-го орудія Демиденко.

Пензенскій баталіонъ, присланный для усиленія лѣваго фланга цѣпи, не разсыпаясь еще, встрѣтилъ уже турецкіе таборы, идущіе въ атаку; подпустилъ ихъ шаговъ на 60 молча, потомъ, давши залпъ, бросился на «ура» и опрокинулъ ихъ; до атаки Пензенцевъ мы все время стрѣляли по этимъ таборамъ, прекративъ стрѣльбу на 380 саж., въ самый моментъ атаки, такъ Пензенцы сильно на нихъ насѣли. Не увлекаясь впрочемъ немедленнымъ преслѣдованіемъ, баталіонъ сейчасъ же разсыпался, протянувъ свою цѣпь влѣво, и сильно подавъ лѣвый флангъ впередъ, и тогда уже началъ съ своей стороны движеніе впередъ.

Это было сигналомъ общаго наступленія. Турки пошли быстрѣе отступать, тѣмъ болѣе что и на правомъ флангѣ ихъ сильно потѣснили Тамбовцы. Пошло общее преслѣдованіе, и турки обратились положительно въ бѣгство. Мы преслѣдовали ихъ шрапнелью до разстоянія 900 саж., а къ 4 час. пополудни, прекративъ пальбу, свободно вздохнули, выдержавши хорошее дѣло. Непріятельскія батареи, озлобленныя ли тѣмъ, что мы на нихъ не обращали никакого вниманія, или же мы представляли хорошую цѣль, цѣлый день забрасывали насъ своими снарядами, но къ счастью все сошло благополучно, большинство снарядовъ ложилось за батареею, а тѣ немногіе, которые падали на самую позицію, рѣдко разрывались.

Снарядовъ въ этомъ дѣлѣ выпустили:
Обыкновенныхъ гранатъ. . . . 30.
Шрапнелей . . . . . 26.

*

Ранено 4 человѣка, 5 лошадей и убито 9 лошадей.

Несмотря на то, что люди были сильно утомлены 9-ти часовымъ непрерывнымъ боемъ, но сейчасъ же по отходѣ турокъ всякій занялся своимъ дѣломъ, кто чистить орудія, кто за фуражемъ, поить лошадей и себѣ кое-что сварить, такъ что къ вечеру опять уже было все готово и въ порядкѣ.

Фельдшеръ Твердовскій, окончивъ свое дѣло на перевязочномъ пунктѣ, повынималъ пули и у лошадей. Жаль было лошадей 6-го орудія! Это были лучшія лошади въ батареѣ и 4 изъ нихъ легло. Послѣ этого дѣла, всѣ запасныя лошади были поставлены въ разсчетъ, и 6 строевыхъ взято въ упряжь.

На ночь мы остались на тѣхъ же позиціяхъ, такъ какъ всѣ были убѣждены, что съ разсвѣтомъ турки возобновятъ атаку. На эту ночь костровъ позволено жечь сколько угодно. Это обстоятельство и удачный исходъ боя были причиной веселаго настроенія духа въ этотъ вечеръ, да и заснули всѣ съ болѣе спокойными мыслями: все же день продержались, а тамъ можетъ и Гурко подойдетъ. У противника, на бивуакѣ былъ, какъ и въ прошлую ночь, шумъ, гамъ, костры и пожары.

21-го на зарѣ. насъ разбудило извѣстіе, что турки бросили свой бивуакъ и отступили обратно въ г. Софію. И такъ мы выполнили блистательно свое назначеніе.

Все 21-е число мы провели въ отдыхѣ, а пѣхота въ уборкѣ брошенныхъ своими, раненыхъ турокъ. Ихъ была масса. Видно, было, что работалъ Русскій штыкъ и пуля—не дура—а пущенная съ разсчетомъ.

Раненые наши, съ докторомъ 2-й батареи, были отвезены въ д. Жиляву въ дивизіонный лазаретъ и имъ, по обыкновенію, выдано было, отъ имени командира батареи, по золотому на дорогу.

Опороженные ящичные передки отправлены были въ г. Орханіэ для пополненія. 22-го, вслѣдствіе предполагавшейся атаки Софіи, отрядъ нашъ былъ двинутъ къ сѣверу отъ нея, на дер. Куманицу. Но такъ какъ въ ночь съ 22 на 23 декабря, турки отступили и совершенно очистили Софію, то отряду приказано идти въ самый городъ, куда и пришли 23-го, часовъ около 3-хъ пополудни. Взводъ размѣстился въ одномъ большемъ дворѣ на сѣверной окраинѣ города фуражъ нашелся, людямъ—теплое

помѣщеніе, хлѣбъ, капуста, вино, такъ что мы собрались встрѣчать праздникъ совсѣмъ по христіански.

На сочельникъ насъ навѣстилъ командиръ батареи, пришедшій въ Софію наканунѣ со штабомъ генералъ-адъютанта Гурко. Найдя все въ исправности и порядкѣ, онъ благодарилъи далъ людямъ по 1 р. на человѣка для праздника. Въ день праздника ходили на богослуженіе въ Софійскій Соборъ, а послѣ обѣда опять принимали изъ брошеннаго турецкаго склада сухари (галеты), рисъ (вмѣсто крупы) и тутъ же оказалась и соль, которой мы были очень рады, такъ какъ ее чрезвычайно трудно доставали. Болгары свои запасы соли большей частью попрятали. На второй день праздника, 26-го числа, отрядъ генералъ-адъютанта Вельяминова, усиленный Козловскимъ полкомъ и 8-й Донской батареею, съ утра былъ двинутъ на г. Самаковъ, чтобы занявъ его, отрѣзать Шакиръ-пашу, шедшаго изъ Радомиръ на соединеніе съ Сулейманомъ въ Татаръ-Базарджикъ. Затѣмъ отрядъ долженъ былъ идти на д. Банью и г. Татаръ-Базарджикъ, въ долину р. Марицы, чтобы, оперируя во флангѣ и въ тылу Капуджикской турецкой позиціи у Трояновыхъ воротъ способствовать отряду графа Шувалова, въ атакѣ этой позицію.

Походъ этотъ отъ Софіи до Филиппополя былъ для насъ страшно тяжелъ только потому, что мы шли съ пѣхотой. Солдаты, утомленные постояннымъ движеніемъ и боями, нагруженные провіантомъ и патронами, еле ноги волочили, а тутъ еще днемъ таяло, а ночью подмораживало, такъ что шли или по липкой глинѣ, или по гололедицѣ. Скорость хода черезъ это была самое большое $2^1/_2$ версты въ часъ. Выходили съ ночлега рано, въ 7 час., дѣлали большой привалъ, намъ ни къ чему не пригодный, и приходили на ночлегъ поздно, когда уже совсѣмъ стемнѣетъ, часамъ къ 10, а бывало и къ полночи. Гдѣ же тутъ еще фуражъ разыскивать, да привозить его; а турки по этой дорогѣ все, что не успѣвали забрать съ собой, жгли, такъ что непремѣнно надо было сворачивать въ сторону, чтобы достать что нибудь. За Самаковымъ сейчасъ же мы опять врѣзались въ горы, хотя и не такія высокія, но характеръ дороги тотъ же—крутые подъемы, спуски, косогоры, извилистая дорога большую часть идетъ или по обледенѣлой колоти, или по разстаявшей глинѣ. Шины стерлись, лошади скользятъ,

подковы перебиваются и отрываются, а сдѣлать негдѣ, кузницы, своей нѣтъ, обывательской тоже, да и время—только глухая ночь въ распоряженіи. Только и знай, что расходуй свой запасъ. Вообще походъ этотъ былъ тяжелъ не трудностями своими, а томительностью и безвременьемъ (относительно конной артиллеріи). Казаки, бывшіе съ отрядомъ, шли всегда въ авангардѣ, а слѣдовательно и пользовались кавалерійскими условіями похода.

26-го декабря въ 8 часовъ утра, взводъ нашъ выступилъ изъ г. Софіи въ колоннѣ главныхъ силъ отряда генералъ-лейтенанта Вельяминова. Сдѣлавъ 30 верстный переходъ съ пѣхотой, мы пришли на ночлегъ въ д. Ямва-Пасарель, въ 11 часовъ ночи. Въ серединѣ этого перехода мы переходили громадную гору Брдо. Солдаты, какъ увидѣли черезъ какую вышину перевалить надо, только руками махнули: «да у нихъ, Ваше Высокоблагородіе, все Балканы»! Оно впрочемъ такъ и было до самаго Татаръ-Базарджика. Подъемъ на эту гору-планину, Брдо, былъ страшно крутой и обледенѣлый, лошади скользили и падали ужасно; пѣхота намъ помогала при остановкахъ, накатывая орудія, чтобы облегчить лошадямъ тронуться съ мѣста. Въ особенно крутыхъ заворотахъ протаскивали орудія на лямкахъ. Вообще Пензенцы могутъ засвидѣтельствовать, что мы пользовались ихъ услугами лишь въ крайнихъ случаяхъ; они зачастую не хотѣли вѣрить, когда получали отказъ на ихъ предложеніе втащить орудіе. И за это досталось намъ отъ нихъ не мало благодарностей и похвалъ.

27-го мы продолжали движеніе тѣмъ же порядкомъ на г. Самаковъ, но, дойдя до д. Калково, получили около 12 ч. дня извѣстіе, что г. Самоковъ занятъ непріятелемъ, а потому и остановились въ этой деревнѣ. Морозы опять пошли сильнѣе до 20°.

Бой подъ Самаковымъ.

Для овладѣнія Самаковымъ на 28 е число, отрядъ былъ разбитъ на три колонны. Самая большая была лѣвая обходная, черезъ д. Чамурли на Новосело, средняя—дѣйствующая на правый флангъ турокъ отъ д. Слакучанъ и самая ма-

ленькая — правая состояла изъ 3-го баталіона Тамбовскаго полка, нашихъ двухъ орудій и одной сотни казаковъ. Назначеніе нашей колонны было, наступая по шоссе и не раскрывая своихъ силъ, дѣйствовать на центръ турецкои позиціи и, демонстрируя, не ввязываться въ серьезный бой, а лишь, притянувъ на себя силы противника, этимъ самымъ облегчить дѣйствіе нашей лѣвой колонны. Дѣйствіе вести, соображаясь съ ходомъ средней колонны. 28-го, выступивъ въ 7 часовъ утра изъ д. Калково, къ 9 часамъ взводъ уже занялъ позицію позади моста черезъ р. Искеръ, гдѣ и дождался появленія средней колонны. Часовъ около 12 у д. Слакучанъ показалась наша средняя колонна. Тогда взводъ снялся съ позиціи, перейдя мость, и, пройдя кусты, занялъ (№ 2) позицію по ихъ опушкѣ, подъ прикрытіемъ 3-го Тамбовскаго баталіона. Какъ только мы заняли позицію, сейчасъ же изъ ущелья, по шоссе отъ г. Самакова, начала выдвигаться непріятельская кавалерія въ большихъ массахъ. Подпустивъ ихъ, какъ намъ казалось, на 850 саж., мы дали изъ 6-го орудія обыкновенною гранатою. Паденія не замѣтили. Изъ 5-го, то же самое: недолетъ, а они продолжаютъ наступать. Выждали, опять дали на 850 саж., все недолетъ, но они быстро прибавили ходу. Навели изъ 6-го на 750 с. обыкновенною гранатою: очень хорошо; сейчасъ же перешли на шрапнель. Послѣ 4-го выстрѣла, непріятельская кавалерія повернула назадъ и начала быстро отступать. Въ догонку мы успѣли послать имъ еще 4 шрапнели, пока они не скрылись въ ущеліи. Въ это время 2-я батарея, занявъ высоту 0, открыла огонь по непріятелю, занимавшему д. Драгочинъ. Тогда и мы, оттѣснивъ кавалерію, снялись съ позиціи № 2, прошли около версты и заняли позицію № 3 на одной линіи съ высотою 0. На этой позиціи мы очутились подъ перекрестнымъ огнемъ съ высотъ А и В., гдѣ у турокъ были возведены батареи и цѣлыя линіи ложементовъ. Съ высоты А насъ обстрѣливала дальнобойная батарея, а съ высоты В исключительно ружейный огонь. Мы пробовали отвѣчать батареѣ, но давши на 1200 саж. получили недолетъ. Пришлось ограничиться стрѣльбой и то нечастой по ложементамъ высоты А, на 900 саж. и высоты В на 770 саж. Непріятельская батарея удивительно мѣтко стрѣляла. Первая же граната шлепнулась

шагахъ въ трехъ вправо и сажень трехъ сзади 5-го орудія, и всѣ остальные выстрѣлы, какъ на призъ били въ одну точку, но ни одна изъ непріятельскихъ гранатъ хорошо не разрывалась. Но вотъ у нихъ передышка, вѣроятно мѣняютъ прицѣлъ. Капитанъ Мартыновъ, давши залпъ, за дымомъ приказалъ откатить орудія и поставилъ ихъ противъ того мѣста, гдѣ до этого ложились непріятельскія снаряды. Вскорѣ послѣдовалъ отъ нихъ выстрѣлъ и гранату разорвало саженяхъ въ 20 впереди 5-го орудія, послѣ этого выстрѣла нумерамъ приказано было разбѣжаться во всѣ стороны, чтобы турки подумали, что попали въ самую кучу, хитрость эта удалась какъ нельзя лучше, больше часу турки жарили въ это мѣсто, но гранаты очень плохо рвало и разлетъ осколковъ такъ былъ малъ, что не производилъ никакого эффекта. Подпоручикъ Шереметевъ шагами измѣрилъ ширину разлета и оказалось, что діаметръ его отъ 7 до 8 шаговъ. Лопнувшая граната на нетронутомъ снѣгѣ прекрасно отмѣчала слѣды своихъ осколковъ.

Въ третьемъ часу, огонь нашего взвода былъ сосредоточенъ на непріятельскую пѣхоту, выходившую изъ-за ложементовъ съ праваго фланга высоты А и пробиравшуюся на подкрѣпленіе къ д. Драгочинъ.

Въ 4 часа дня по всей непріятельской линіи прекратился огонь и поднялся страшный крикъ, а черезъ нѣсколько времени появился у нашей цѣпи ихъ парламентеръ съ извѣстіемъ о перемиріи. Парламентера отправили къ начальнику отряда, а мы, прекративъ пальбу, до разъясненія обстоятельствъ, остались на тѣхъ же мѣстахъ. Мы впрочемъ опять стали на позиціи № 2-й, хоть немного защищенной отъ выстрѣловъ кустами. Пробѣдствовали мы до разъясненія обстоятельствъ на этой позиціи двѣ ночи и два дня. Морозы какъ нарочно усились до 25°, по ночамъ мятели, а костровъ разложить не изъ чего: мелкій кустарникъ ивняка совсѣмъ не поддавался огню отъ сырости и сочности. То же самое представляли и тѣ рѣдкія и маленькія деревья, которыми было обсажено шоссе, а немногіе телеграфные столбы были быстро поуничтожены.

За фуражемъ мы, вмѣстѣ съ казаками, посылали въ деревню верстъ на 6 правѣе насъ, гдѣ они фуражировали пополамъ съ Турками.

30-го утромъ, проснувшись, мы увидѣли, что всѣ позиціи турками брошены; а черезъ нѣсколько времени получено было приказаніе генералъ-адъютанта Гурко гнать турокъ, по пятамъ и идти безостановочно на Самаковъ, и Татаръ-Базарджикъ.

Наступленіе къ г. Татаръ-Базарджику.

Часовъ около 11 мы снялись съ позиціи, и пошли въ г. Самаковъ. Пришли, когда уже стемнѣло. Городъ былъ цѣлъ, но поголовно брошенъ жителями и только съ нашимъ приходомъ откуда-то появились болгары. Изъ Самакова выступили въ 7 часовъ утра и мы сейчасъ же втянулись въ горы, въ отроги Ихтиманскихъ Балканъ.

День 31-го декабря былъ морозный, дороги, послѣ бывшей наканунѣ мятели, представляли мѣстами скользкую поверхность, а мѣстами снѣжные заносы, крайне затруднявшіе движеніе артиллеріи въ особенности на трехъ находившихся на пути перевалахъ.

30 верстный этотъ переходъ мы окончили очень поздно: въ Банью пришли въ 11 ч. ночи. Тамъ уже былъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ. Проѣхавъ городокъ, поставили паркъ на противуположной сторонѣ, и поѣхали разыскивать для людей дворъ. Дворы были всѣ въ одномъ видѣ: въ полномъ разрушеніи. Заняли одинъ изъ нихъ, который показался поцѣлѣе и въ которомъ нашли немного сѣна. Сосѣдній дворъ заняла 2-я батарея. Соединившись вмѣстѣ, обѣ батареи сдѣлали складчину всего, что у кого было, и устроили себѣ встрѣчу Новаго года. Для солдатъ было вино и колбаса изъ Самакова, а у офицеровъ оказалось банка омаровъ консервовъ, фунта 3 софіевскихъ конфектъ, 1 б. Коньяку и чай, вотъ намъ и пиръ! И какъ намъ было уютно и тепло въ полуразрушенной избѣ! И какъ задушевно мы выпили за все для насъ дорогое. Съ разсвѣтомъ Новаго года, мы пошли дальше. Тутъ мы все время гнались по пятамъ за Сулеймановской арміей, и кстати всю дорогу пользовались ихъ кострами, которые не успѣвали еще погаснуть. Дорога вся была усѣяна брошенными ящиками съ патронами, снарядами, подбившимися вьючными животными, замерзшими

или замерзавшими турецкими солдатами. Турки видимо были сильно ожесточены, всѣ деревни, лежавшія по ихъ пути, обращены были въ пепелище. Дойдя въ $10^1/_2$ ч. вечера, до высоты д. Симчинъ, генералъ-лейтенантъ Вельяминовъ, видя крайнее утомленіе пѣхоты, которая буквально еле плелась, далъ въ этой деревнѣ отдыху шесть часовъ до 5 ч. утра.

2-го января съ разсвѣтомъ опять пошли къ Татаръ-Базарджику, куда и прибыли къ полудню. Такъ какъ мость черезъ р. Марицу былъ испорченъ, и артиллерія проѣхать не могла, то мы, оставивъ паркъ съ карауломъ на этомъ берегу, сами переѣхали Марицу въ бродъ и расположились во дворахъ по берегу. Татаръ-Базарджикъ представлялъ ужасную картину: городъ почти весь горѣлъ, улицы завалены были расхищеннымъ болгарскимъ добромъ и зарѣзанными братушками, на которыхъ турки вымѣщали свою неумѣлость и свои неудачи.

Изъ Татаръ-Базарджика, мы выступили 3-го января въ 7 часовъ утра по отвратительной и узкой дорогѣ, пересѣкавшейся къ тому же во многихъ мѣстахъ ручьями и глубокими канавами. Особенно труденъ былъ переходъ у д. Каратапра черезъ р. Кричма-Дересси: пѣхота переходила по поясъ въ водѣ, а дѣло ужъ шло къ вечеру и морозъ сильно крѣпчалъ. Несмотря на все это, къ 5 часамъ, мы подошли къ д. Каратапръ, гдѣ уже шелъ бой турокъ съ отрядомъ графа Шувалова. Нашего взвода (5 батареи) не вызывали въ боевую линію; а когда уже совсѣмъ стемнѣло, то съ Козловскимъ и Пензенскимъ полками, насъ послали на передовую позицію къ Рисовой мельницѣ, какъ дежурную часть. Опять выдалась тяжелая ночь: морозъ сильный, и всю ночь дежурь у орудій, да и лошадкамъ только и раздобыли, что рисовыхъ отрубей. Это правда, нѣжно, но ужъ очень непитательно.

За ночь, по обыкновенію, турки покинули свои позиціи и 4-го, утромъ, мы погнались за ними. Взводъ 5-й батареи шелъ въ авангардѣ.

Бой у д. Дермендере.

Въ $10^1/_2$ час. изъ разъѣздовъ донесли что турки въ большомъ числѣ заняли сильную позицію у д. Дермендере. Про-

двинувшись впередъ, мы сами убѣдились, что непріятель въ значительныхъ силахъ занялъ позицію на среднихъ терассахъ Балканъ къ западу отъ Дермендере. Позиція эта имѣла направленіе нѣсколько фланговое къ пути нашего наступленія и, представляя значительное командованіе, была почти недоступною для атаки. На двухъ смежныхъ высотахъ и у подножія стояли ихъ батареи. Правый флангъ позиціи спускался въ долину р. Марицы и продолженіемъ ему служила густая кавалерійская цѣпь. Лѣвый флангъ позиціи уходилъ въ горы. Сама долина р. Марицы, пересѣченная массою ирригаціонныхъ каналъ и рисовыми полями, была трудно проходима здѣсь даже и для пѣхоты.

Передъ фронтомъ турецкой позиціи, саженяхъ въ 700-хъ, находился другой хребетъ горъ, хотя и уступавшій въ командованіи турецкому, но единственный годный для расположенія нашей артиллеріи. Тутъ на дорогѣ у подошвы этого хребта и приказано было намъ занять позицію, чтобы подъ прикрытіемъ нашихъ выстрѣловъ отрядъ нашъ могъ бы развернуться въ боевую линію вправо, въ горы. Только что взводъ началъ становиться на позицію, и дѣлать круговой заѣздъ, какъ первая же пуля уложила на мѣстѣ подсѣдельную лошадь 1-го выноса 5-го орудія.

Ставъ на мѣсто мы открыли самую частую пальбу по батареѣ (№ 1-й) и ложементамъ около нея такъ какъ она больше всего могла мѣшать нашему развертыванію. А противъ дальнобойной, стоявшей, какъ и мы, у подножія горъ, и имѣвшей цѣлью только насъ, мы почти не отвѣчали, попробовали одинъ разъ дать на 1200 с. недолетъ; мы и бросили.

По батареѣ же на возвышенности (№ 1-й) 1-й выстрѣлъ дали обыкновенной гранатой на 650 с. недолетъ, 2-й на 800 с. недолетъ, 3-й на 900 не видно, 4-й на 860 невидно, 5-й на 800 недолетъ небольшой, 6-й на 820 въ гребень бруствера; а по ложементамъ на той же высотѣ, на 750 недолетъ, 800 перелетъ, 780 перелетъ, 760 хорошо; опредѣливши эти дистанціи, сейчасъ же перешли на шрапнель и огонь повели, какъ можно чаще. Подъ прикрытіемъ нашего огня, начальникъ артиллеріи отряда, флигель-адъютантъ полковникъ Безакъ, (такъ какъ изъ Софіи онъ пошелъ уже съ нашимъ отрядомъ,

съ которымъ и оставался до прихода въ г. Филиппополь) поставилъ 2-ю батарею правѣе и выше насъ, а взводъ 3-й батареи нашей же бригады, правѣе и выше 2-й батареи. Взводъ этотъ 3-й батареи присоединился къ нашему отряду послѣ вечерняго боя у Кадыкіоя. Когда и 2-я батарея открыла огонь по той же турецкой батареѣ (№ 1-й), то она не выдержала, сошла съ позиціи и потомъ ее втащили на другую высоту, гораздо правѣе и дальше (№ 2-й). Во время трехчасовой перестрѣлки взводъ выпустилъ всѣ свои снаряды, оставалось лишь по 6 картечей на орудіе. Капитанъ Мартыновъ доложилъ объ этомъ начальнику отряда, вслѣдствіе чего и приказано было взводу отойти въ резервъ на планѣ R, гдѣ уже стояла 8 Донская батарея по той же причинѣ. Въ этомъ дѣлѣ убита одна лошадь, ранено 5; выпущено снарядовъ обыкновенныхъ гранатъ 26, шрапнелей 26 и контуженъ въ ногу подпоручикъ Шереметевъ. Трудно опредѣлить ту степень упадка энергіи и бодрости, которую мы испытали, прійдя въ резервъ съ сознаніемъ, что мы теперь для отряда одна лишь обуза; и холодъ, и голодъ, и непогоду, все стало труднѣе выносить; во всемъ видѣлись затрудненія и препятствія на все смотрѣлось съ черной точки зрѣнія и всякому было не по себѣ. Остатокъ дня простоявъ въ резервѣ, мы на ночь ушли вмѣстѣ съ 8-й Донской батареею, и обѣими сотнями казаковъ въ д. Брестоваць, на выходѣ изъ которой стояли уже турецкіе аванпосты.

Въ ночь съ 4-го, на 5-е турки очистили позиціи, и 5-го, утромъ, отрядъ, нашъ снявшись съ позиціи, пошелъ въ погоню. Непріятеля нагнали у д. Маркова, и тутъ произошелъ окончательный разгромъ послѣдней турецкой арміи; но въ послѣднемъ этомъ торжествѣ взводъ нашъ не учавствовалъ за неимѣніемъ снарядовъ и мы стояли въ резервѣ.

Вступленіе въ г. Филиппополь.

Переночевавъ съ 5-го на 6-е въ д. Марково, мы 6-го января вошли въ г. Филиппополь и расположились на отдыхъ. Входя въ Филиппополь, солдаты имѣли ужасный видъ: немытые, небритые 2 недѣли, лица опухшія отъ мороза и вѣтра,

закоптѣлыя отъ костровъ и выстрѣловъ, глаза воспаленныя отъ постояннаго дыма, шинели и фуражки, прожженныя у костровъ во время сна, а вмѣсто сапогъ, намотанныя какія то отрепья. Видъ былъ положительно нищенскій; къ тому же у насъ половины строевыхъ лошадей не хватало, онѣ шли въ запряжкѣ на мѣсто убитыхъ, а въ заводу еще тянулись раненыя лошади. Отдыхъ былъ необходимъ и мы имъ воспользовались въ Филиппополѣ.

7-го января, командиръ батареи, флигель-адъютантъ полковникъ Безакъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ въ свиту, и былъ назначенъ за бригаднаго командира Гвардейской Конной бригады а командующимъ батареею по наружной части, назначенъ былъ капитанъ Мартыновъ. Такъ какъ въ это время генералъ-адъютантъ Гурко отдалъ приказъ, чтобы взводы артиллеріи, оставшіеся въ г. Орханіэ, сдавъ свои орудія, шли бы на пополненіе дѣйствовавшихъ, то капитанъ Мартыновъ послалъ во 2-й взводъ приказаніе идти съ ящиками въ г. Филиппополь на смѣну 3-му взводу. Въ ожиданіи 2-го взвода, 3-й взводъ занялся исправленіями, ковался и вообще приводился въ порядокъ, на сколько позволяли средства полупустаго города.

10-го января отрядъ генералъ-лейтенанта Вельяминова былъ расформированъ и мы должны были присоединиться къ своей дивизіи. Она въ это время была гдѣ-то за Адріанополемъ, но гдѣ именно, неизвѣстно. Наконецъ 17-го, прибылъ 2-й взводъ подъ командою поручика Мальцова Онъ пришелъ съ ящиками, но безъ орудій, и привезъ намъ тѣ теплыя вещи, которыя прислала съ гувернеромъ [1]) Марія Ѳедоровна Безакъ; пригодились они солдатамъ какъ нельзя болѣе. Новое бѣлье, фуфайки, чулки, сапоги; получить все это солдатъ считалъ такой наградой, такой заботливостью объ немъ, что онъ всю жизнь этого не забудетъ. 22-го, 2-й взводъ съ менѣе уставшими лошадьми, принявъ отъ 3-го взвода орудія, пошелъ на Адріанополь, а 3-й остался еще въ Филиппополѣ поджидать обозовъ. При взводѣ остался подпоручикъ Шереметевъ, а ка-

[1]) Самъ гувернеръ нагналъ генералъ маіора Безака еще въ Татаръ-Базарджикѣ, и потомъ присутствовалъ въ дѣлахъ при Дермендере и Марково 4-го и 5-го января.

питанъ Мартыновъ ушелъ со 2-мъ взводомъ. Обозы прибыли 31-го января и 4-го февраля, подпоручикъ Шереметевъ повелъ взводъ и обозы на присоединеніе къ батареѣ въ г. Силиври, на берегъ Мраморнаго моря. Походъ этотъ въ 322 версты сдѣлали въ 13 дней и 17-го февраля присоединились къ батареѣ.

Дѣйствіе 2-го взвода.

2 й взводъ, оставшись въ г. Орханіэ, съ 13-го по 30-е декабря занимался перевозкою на вьюкахъ продовольствія войскамъ, перешедшимъ Балканы.

10-го января, получивъ приказаніе отъ капитана Мартынова идти въ г. Филиппополь безъ орудій, съ одними лошадьми и ящиками, выступили изъ г. Орханіэ и 17-го прибылъ въ Филиппополь, гдѣ, принявъ отъ 3-го взвода орудія, вышли подъ командою капитана Мартынова при поручикѣ Мальцовѣ, 22-го января, совмѣстно съ 4 орудіями 3-й батареи Гв. конно-артиллерійской бригады, подъ прикрытіемъ сотни казаковъ, на Адріанополь. Дорога была страшно тяжелая, распутица въ полномъ разгарѣ, грязь и разливы непроходимые, но погода уже стояла теплая, весенняя. Доставка фуража была самая трудная задача: ежели и достанешь что-либо, то перевезти это было не на чемъ, перевозочныхъ средствъ нельзя было достать ни за какія деньги, и приходилось посылать вьюки. Сдѣлавъ 2 перехода въ г. Хаскіой, мы получили извѣстіе о заключеніи перемирія. Новость эта для насъ была поистинѣ радостной.

Весь путь отъ Филиппополя до Адріанополя представлялъ печальную картину разрушенія. Вся дорога буквально была усѣяна поломанными и опрокинутыми повозками, раскиданнымъ имуществомъ обывателей, чуть не на каждомъ шагу подбитый или издохшій быкъ, буйволъ или оселъ. И тутъ же, со всѣмъ этимъ въ перемѣшку и въ томъ же количествѣ трупы дѣтей, молодыхъ женщинъ, старухъ и стариковъ, и всегда въ самыхъ оскорбительныхъ и возмутительныхъ позахъ; особенно много ихъ было у д. Германлы. Возмущающія душу убійства эти были, очевидно, дѣломъ «братушкиныхъ» рукъ, какъ возмездіе за вѣковое рабство, униженіе и страданіе.

Въ Адріанополь прибыли 27-го января. Тамъ уже все застали на полумирномъ положеніи. Главная квартира была тоже уже въ Адріанополѣ. Начались встрѣчи частей и смотры. Начали даже разныя пополненія, имѣя въ виду парадное возвращеніе на родину, такъ, напр., лошадей расформированной 9-й артиллерійской бригады въ г. Казанлыкѣ, привели въ Адріанополь и начальникъ артиллеріи Гв. Корпуса дѣлилъ ихъ между Гвард. Конными батареями, и на нашу долю досталось 19 малороссыхъ рыженькихъ лошаденокъ [1]). А черезъ 4 дня приказано было намъ послать въ Казанлыкъ лошадей для пріемки изъ той же бригады 2-хъ орудій. Въ Адріанополѣ мы застали 5 лошадей, брошенныхъ нашимъ 1-мъ взводомъ. Онѣ ужасно были подбиты, три изъ нихъ, не оправившись, тутъ и пали, а двѣ пошли съ нами [2]).

5-го февраля вышли изъ Адріанополя вмѣстѣ съ 4 орудіями 2-й батареи и 4 орудіями 3-й батареи и пошли въ г. Родосто на присоединеніе къ своей дивизіи, куда и прибыли 10-го февраля.

Стоянка на берегу Мраморнаго моря.

Съ этого времени начинается наше 7-мѣсячное томительное сидѣніе на берегу Мраморнаго моря въ гг. Родосто, Силиври и подъ конецъ, съ половины іюля, около С.-Стефано, у д. Галатаріи. Въ это время присланы были въ батарею знаки Военнаго Ордена за переходъ Балканъ и остальныя дѣла, получить которые солдаты присудили: въ 3-мъ взводѣ: за Горный Бугоровъ и Балканы: Варгуну Лисовцу Сухорукову, Морозову, Куроиченкѣ, Задорожному и Семенченкѣ. 1-му взводу за дѣйствія съ Кавалеріею и Балканы: Авдѣеву, Чикирису, Горькавкѣ, Дейчуку, Муллеру. Капустину. 2-му взводу за Балканы: Нечапуренкѣ, Саватѣеву, Еременкѣ, Кузнецову, вахмистру Александрову—знаки 3-й и 2-й степеней.

Вскорѣ по приходѣ въ г. Силиври, генералъ-маіоръ Бе-

[1]) Въ приложеніи § 13 подробнѣе выяснена бывшая система пополненія артиллеріи, особенно конной лошадьми.

[2]) Въ приложеніи § 11 этотъ вопросъ разъясненъ подробнѣе

закъ отчисленъ въ свиту, а командиромъ 5-й батареи назначенъ 4-й батареи флигель-адъютантъ капитанъ Фанъ-деръ-Флитъ съ производствомъ въ полковники. 17-го февраля онъ принялъ батарею отъ капитана Мартынова. Полковникъ Фанъ-деръ-Флитъ хотя и не участвовалъ въ этой кампаніи, но вся его грудь была разукрашена орденами за трудную Хивинскую экспедицію; человѣкъ онъ въ высшей степени мягкій и сердобольный, и при томъ очень хозяйственный. Съ первыхъ же дней онъ горячо принялся за исправленія и починки батарейнаго и солдатскаго имущества, и вообще приведеніемъ батареи по наружному виду въ болѣе щеголеватый и нарядный видъ, въ какомъ она обыкновенно бываетъ въ мирное время. Работа закипѣла, начиная отъ конюшень, гдѣ съ лошадей погнали взъерошенную высокую зимнюю шерсть, и кончая до швалень, шоренъ, слесаренъ и т. д. Всѣмъ было работы вдоволь; а нѣкоторыя вещи, какъ напр.: фуражки, саквы, просто заказывали грекамъ. Обозы чинили, артиллерію исправляли и красили; самое трудное было все-таки добываніе фуража. Въ самомъ началѣ это еще кое-какъ шло, но когда собралась вся дивизія, и изъ ближайшихъ окрестностей все съѣли, то приходилось посылать верстъ отъ 60 до 100, пока иностранные купцы не спохватились, и не начали съ апрѣля мѣсяца возить намъ сѣно и овесъ изъ Марселя, Алжира и Туниса.

Появленіе болѣзней [1]).

Не смотря на то, что мы были размѣщены по квартирамъ очень удобно и просторно; что стояла прелестная, теплая, цвѣтущая южная весна; что кормили людей хорошо (особенно удачно это дѣлалъ нашъ распорядительный командиръ, который и турецкіе продукты умѣлъ такъ пригаровить, что они подходили подъ солдатскій вкусъ, напр., за неимѣніемъ капусты, щи варились изъ pomme-d'amour, а чтобы кислѣе было, прибавляютъ туда съ $^1/_2$ сотни лимоновъ и щи выходили безподобныя, а впослѣдствіи командиръ выписалъ изъ Одессы съ

[1]) О болѣзняхъ приложеніе § 16.
Все число больныхъ показано въ приложеніи § 18.

пароходомъ двѣ бочки нашей русской капусты и гречневыхъ крупъ. Чаю и сахару давалось солдатамъ вдоволь и каждый день по чаркѣ водки съ хининой).—Но, не смотря на весь этотъ заботливый уходъ, солдаты такъ и валились отъ болѣзней; въ военное же время, среди полныхъ неудобствъ и лишеній—не было ни одного случая заболѣванія. Доктора говорили, что этотъ на видъ здоровый солдатъ, уже съ начала зимы носилъ въ себѣ самомъ зачатки этой болѣзни, что она тогда не выказывалась только въ силу давленія энергіи, и того возбужденнаго чувства, въ которомъ находился каждый изъ насъ, стоя носъ къ носу съ противникомъ, и чуть не каждый день находясь подъ огнемъ.

Теперь же, когда энергіи не изъ-за чего было проявляться, и возбужденіе уступило мѣсто ослабленію, болѣзнь и предъявила свои права.

Проявлялась она всегда одинаково: полное отсутствіе аппетита, упадокъ силъ, сонливость; и нѣсколько такихъ дней человѣка валили съ ногъ, а потомъ, преимущественно, болѣзнь эте переходила въ тифъ, брюшной катарръ или сильную лихорадку. Причину этого видѣли исключительно въ томъ, что люди были изнурены непосильнымъ трудомъ и плохимъ питаніемъ. Въ говядинѣ мы не нуждались, но въ сухаряхъ и соли очень часто, а чаще всего—въ отдыхѣ.

Развѣ можно болгарскій хлѣбъ сравнить съ сухаремъ? это полусырая пресная лепешка изъ пшеничной муки по поламъ съ кукурузной. Понятно, какимъ сюрпризцемъ она ложилась на голодный желудокъ. Излишекъ же говядины пользы особенной не приносилъ. Варилась она въ маленькихъ котелкахъ, при недостаткѣ соли, вода большею частью была жестокая, известковая. Вслѣдствіе этого говядина не уваривалась, а безъ конца варить и времени не хватало, да и отдыхъ былъ дороже. Такъ что и говядина солдатамъ подъ конецъ такъ надоѣла, что они похлебку съѣдятъ, а вареную говядину бросаютъ. И теперь, при довольствіи изъ котла, большая половина не шла за порціей, а порція была вареная въ $1^1/_2$ фунта.

Изъ офицеровъ заболѣло и отправилось въ Россію трое: Капитанъ Мартыновъ, поручикъ Чичаговъ 2-й и прапорщикъ Мезенцовъ 1-й. Первый, черезъ 2 мѣсяца выздоровѣвъ, вернулся

въ батарею, а остальные по выздоровленіи были оставлены при 1-ой и 4-ой батареяхъ. Кромѣ нихъ, еще поручикъ Мальцовъ и подпоручикъ Шереметевъ болѣе 2-хъ мѣсяцевъ кряхтѣли отъ лихорадки, но оставались при батареѣ.

За это время дѣлалъ смотры начальникъ дивизіи генералъ-лейтенантъ Дризенъ и командующій гвард. корпусомъ генералъ-лейтенантъ графъ Шуваловъ,—и оба остались вполнѣ довольны, выразивъ свою благодарность командиру за щегольской и здоровый видъ его батареи. И дѣйствительно артиллерія, какъ изъ арсенала, блестѣла. Сбруя и аммуниція будто и не была въ походѣ, лошади въ тѣлахъ—блестятъ, люди въ новенькихъ или чистыхъ и опрятныхъ платьяхъ,—лица довольныя и веселыя.

18-го, іюля мы получили приказаніе идти въ С.-Стефано и стать бивуакомъ у дер. Галатаріи. Передвиженіе это уже было сдѣлано съ цѣлью сосредоточенія войскъ для нагрузки ихъ на пароходы. Съ веселыми лицами и набожнымъ крестомъ благодарности, всѣ принялись за укладку.

Оригинальное зрѣлище представляли мы, при выходѣ изъ гг. Силиври и Родосто. (Въ каждомъ изъ нихъ мы простояли по $2'/_2$ мѣсяц.). Въ паркѣ пройти нельзя было отъ женщинъ. Мужья ихъ, греки и армяне, стояли въ сторонѣ, и только пальцы ко лбу прикладывали, а жены, сестры, дочери, все это облѣпило солдатъ: обнимаютъ, цѣлуютъ, лѣзутъ на сѣдло, цѣпляются за ноги. При этомъ вой и плачъ ужасный, чисто какъ будто выходили изъ своей деревни. «Добрый народъ, «говорили солдаты, только вотъ глупы, трудно понимаютъ по «нашему, и чуть что, сейчасъ плачетъ и на сердце показы«ваетъ—болитъ значитъ, а мужей, поди, какъ бьютъ, особенно «гречанки. Армянки, тѣ нѣтъ, тѣ въ почтеніи, а все же жи«вутъ на свободѣ».

По переходѣ въ Галатарію, бивуакъ разбили среди виноградниковъ и фруктовыхъ деревьевъ, такъ что черезъ нѣсколько времени всѣ могли пользоваться сколько угодно виноградомъ, миндалемъ, фигами, грецкими орѣхами и персиками.

5-го августа, главнокомандующій дѣйствующей арміи, дѣлалъ всѣмъ войскамъ парадъ, въ виду Константинополя. Послѣ парада приступили къ демобилизаціи. Приказано было оставить

лошадей по мирнымъ штатамъ, а остальныхъ сдать въ коммисію, для сего составленную. Для того, чтобы подровнять масть 5-ой батареи, начальникъ артиллеріи гв. корпуса, генералъ-маіоръ Бревернъ, приказалъ капитану Мартынову выбрать караковыхъ лошадей во всѣхъ нѣшихъ батареяхъ и паркахъ изъ тѣхъ, которыя были предназначены къ сдачѣ. Набралось всего 11 лошадей, которыя и поступили въ батарею. Командиръ батареи, сдѣлавъ ранжировку по мирному времени, остальныхъ, оказавшихся сверхъ штата, 50 лошадей, сдалъ въ коммисію.

Отъѣздъ на родину.

2-го августа получили приказаніе грузиться на пароходъ русскаго общества «Азовъ» для отправленія въ г. Николаевъ. Радости нашей предѣла не было, всю ночь почти не спали, шло веселье, а въ 4 часа утра 24-го числа, снявшись съ бивуака, мы пришли въ С.-Стефано и сейчасъ же начали грузиться съ двухъ платформъ. Работа кипѣла, и къ 12 часамъ слѣдующаго дня пароходъ былъ нагруженъ. Сперва грузили въ носовой трюмъ артиллерію, въ кормовой лошадей, потомъ всю среднюю палубу—однѣми лошадьми и, наконецъ, на верхней палубѣ, помѣстили обозъ и нѣкоторыя тяжести. Людямъ были сдѣланы нары въ средней палубѣ. Офицеры въ каютахъ. Въ 2 часа пароходъ при крикахъ «ура» тронулся. Въ Николаевъ прибыли 28-го въ 10 час. утра; такъ что въ морѣ были почти трое сутокъ. Первые два дня дулъ очень сильный вѣтеръ и насъ порядкомъ трепало, такъ что большая часть людей лежала укаченными.

Въ Николаевѣ встрѣтили насъ замѣчательно радушно и сердечно обыватели и моряки. Солдатамъ и офицерамъ былъ устроенъ обѣдъ, а потомъ для офицеровъ балъ.

Въ Николаевѣ мы прожили 3 дня ожидая очереди для отправки по желѣзной дорогѣ, и за это время какъ насъ самихъ, такъ и всѣ наши вещи, дезинфекцировали.

Тутъ же мы получили свои вещи, которыя были нами оставлены въ г. Александріи. За ними раньше, еще изъ С.-Стефано, былъ отправленъ офицеръ 2-й батареи поручикъ баронъ

*

Кусовъ, который и привезъ ихъ въ Николаевъ ко дню нашего прихода туда. Но въ какомъ они были видѣ, эти чемоданчики! Уложенныя въ нихъ сырыя вещи, пролежавъ годъ, пришли въ полную негодность, такъ что солдатъ и въ кампаніи ими не пользовался, и теперь принужденъ былъ выбросить.

31-го августа отправились по желѣзной дорогѣ въ двухъ эшелонахъ, разсчитанные такъ же, какъ и при выступленіи изъ С.-Петербурга.

Во всѣхъ городахъ отъ Николаева и до г. Гатчина намъ устраивали встрѣчи и угощенія. На каждой станціи гдѣ только останавливались, радушно предлагалось жителями угощеніе; смотря по времени дня, обѣдъ, ужинъ, чай или водка. Вообще сочувствія намъ выказано было очень много, такъ что впечатлѣнія пережитаго нами горя, лишеній, трудовъ и болѣзней изгладились совершенно и окончательно были подавлены новымъ наплывомъ радостныхъ и счастливыхъ дней.

Во время 4-хъ дневной стоянки въ г. Кіевѣ, солдаты безъ всякаго участія со стороны офицеровъ и совершенно по собственной иниціативѣ, сдѣлали складчину, и купили прекрасный образъ; на одномъ створѣ св. Николай, а на другомъ Св. Марія. Сдѣлали надпись «Отцу командиру полковнику Николаю Александровичу Безаку и матери командиршѣ полковницѣ Маріѣ Ѳедоровнѣ Безакъ за ихъ родительское попеченіе на войнѣ объ насъ, 5-ой батареѣ Гвардейской Конно артиллерійской бригады».

Офицеры узнали объ этомъ уже тогда, когда они пришли просить позволенія поѣхать кому нибудь изъ нихъ въ имѣніе Безака; но на ихъ счастіе Безаки въ этотъ день сами пріѣхали въ Кіевъ и солдаты вручили имъ свое благословеніе.

Наконецъ, 13-го сентября прибыли въ г. Гатчино гдѣ насъ встрѣтили товарищи оставшихся батарей; легко себѣ представить какія радостныя и шумныя были встрѣчи.

Но настоящимъ нашимъ тріумфальнымъ шествіемъ былъ входъ на постоянныя квартиры, въ м. Стрѣльно. Жители устроили вдоль всего пути арки и навильоны забрасывали букетами и вѣнками, устроили обѣдъ. Сергіевская пустынь встрѣтила съ хоругвями и молебствіемъ и благословила иконой. И къ довершенію торжества, при въѣздѣ въ самую Стрѣльну,

насъ встрѣтилъ Наслѣдникъ Цесаревичъ, и благодарилъ за службу Царю и Отечеству. Тутъ же имѣли счастье проходить мимо Ея Императорскаго Высочества, Великой княгини Цесаревны. Она также благодарила всѣхъ своею привѣтливой улыбкой, а всѣмъ офицерамъ собственно ручно роздала букеты и вѣнки, перевязанные Георгіевскими лентами.

Этой высокоторжественной минутой закончилась наша боевая жизнь и мы опять вошли въ мирную рамку.

Ставши на постоянныя квартиры, недѣли три устраивались, разбирались, и 15-е Октября 1878 года, былъ послѣднимъ днемъ демобилизаціи.—Перечислили людей въ запасъ поступившихъ изъ запаса—29, и прослужившихъ свой срокъ въ батареѣ—42, которыхъ сего числа и исключили изъ списковъ батареи.

ПРИЛОЖЕНІЕ

къ историческому очерку дѣйствій 5-й батареи Гв. Конно-артиллерійской бригады, въ кампанію 1877—78 гг., въ формѣ отвѣтовъ на пункты, предложенныя Штабомъ Гвардейскаго корпуса.

§ 1.

Неудобства конской повинности.

Военно-конская повинность, какъ она практиковалась за эту кампанію въ Петербургѣ, въ общихъ чертахъ состояла въ слѣдующемъ:

Главный Штабъ далъ въ Городскую Думу свѣдѣнія, сколько нужно принять изъ Петербурга лошадей, и сколько именно въ каждую часть. Дума, зная по своимъ свѣдѣніямъ, сколько въ каждомъ участкѣ города числится лошадей, сообразно этому назначила сама участки для каждой мобилизующейся части. Изъ этого вышло то, что на двѣ мобилизующіяся батареи Гвардейской конно-артиллерійской бригады отвели участокъ Выборгской стороны; потому что на эти батареи нужно было лошадей (всего 160) гораздо меньше, нежели на обозы пѣхотныхъ полковъ и въ артиллерійскіе парки; намъ и достался участокъ болѣе бѣдный лошадьми. Участокъ этотъ заселенъ большею частью недостаточными домовладѣльцами, мелкими извозными (по преимуществу ломовыми) промышленниками, огородниками и лабазниками. Такъ что сортъ лошадей былъ по преимуществу тяжелый, сырой, малорослый русской породы. И изъ этихъ-то лошадей нужно было набрать 20 строевыхъ, 74 артиллерійскихъ и 54 подъемныхъ все 1-го разряда и 10 обозныхъ 2-го разряда! Вслѣдствіе очень снисходительной инструкціи пришлось принимать за строевыхъ лошадей такихъ, которыя вовсе не имѣли строеваго сложенія и такихъ за артиллерійскихъ, которыя рѣзко отдѣлялись по своимъ

статьямъ отъ таковыхъ же ремонтныхъ. А тутъ же, рядомъ, такіе участки, какъ Сергіевская улица, первыя линіи и набережная Васильевскаго острова, гдѣ по преимуществу селятся люди богатые и иностранные коммерсанты — вообще охотники до верховой и шорной ѣзды — достались по многочисленности въ нихъ лошадей въ артиллерійскіе парки и пѣхотные обозы, вовсе ненуждающіеся въ верховыхъ и крупныхъ артиллерійскихъ лошадяхъ. Но и то затруднительное положеніе, въ которомъ находились пріемщики съ Выборгскаго участка, еще болѣе стѣснялось тѣмъ снисходительнымъ правиломъ инструкціи, по которому каждый владѣлецъ, поставляя добровольно одну лошадь, тѣмъ самымъ избавлялъ двухъ другихъ отъ жеребья. Такъ что онъ, выбирая изъ трехъ худшую (которая всегда подходила подъ слабыя правила инструкціи) избавлялъ двухъ лучшихъ. И въ денежномъ отношеніи онъ тутъ тоже еще выигрывалъ, такъ какъ за добровольно поставляемую платилось 20% болѣе положенной цѣны по сортамъ. Немного еще выручила конно-желѣзная дорога, у которой по одному этому участку было принято 60 лошадей. Но и она очень широко пользовалась правомъ добровольной поставки одной для освобожденія двухъ за нее. Такъ что результатомъ конской мобилизаціи было то, что батарея вышла въ походъ, имѣя артиллерійскихъ лошадей ниже посредственнаго и вовсе не имѣя запасныхъ 10-ти строевыхъ лошадей (получивши вмѣсто нихъ мелкихъ упряжныхъ). Это послѣднее обстоятельство сильно отозвалось впослѣдствіи, въ кампаніи и особенно при приведеніи батареи на мирное положеніе. За время кампаніи убито и пало строевыхъ лошадей 20, да пришли въ негодность 12; за все время кампаніи батарея ни разу не пополнялась строевыми лошадьми, ни изъ передоваго конскаго запаса, ни изъ другихъ частей; а послѣ кампаніи она ремонта не получила, такъ что при приведеніи на мирное положеніе, чтобы заполнить штатъ лошадей, пришлось въ строевыя зачислить упряжныхъ. Въ такомъ видѣ батарея пришла въ Петербургъ. Здѣсь она начала выѣзжать этихъ лошадей на мундштукѣ. Ежели онѣ даже и выѣздятся, то все же не пріобрѣтутъ того стройнаго вида, который такъ присущъ всякой части, особенно Гвардейской.

§ 2.

О обременяющемъ вооруженіи.

За все время кампаніи, не смотря на самую разнообразную обстановку, въ которой приходилось быть артиллеріи, ни разу артиллеристамъ не приходилось прибѣгать къ револьверу и, какъ единичныя исключенія, имъ приходилось обнажать шашки. Въ несчастномъ дѣлѣ подъ Новачиномъ, гдѣ партіи черкесовъ и башибузуковъ насѣли на взводъ 2-й батареи Гвардейской Конно-артиллерійской бригады; ѣздовые и прислуга схватились съ ними въ сабельную рубку и ни одинъ изъ нихъ не воспользовался револьверомъ. Оно и понятно: ужъ ежели непріятель насѣлъ на батарею, то тутъ ужъ разстоянія, значитъ, нѣтъ, и всякій инстинктивно обнаживъ саблю, бросается въ рукопашную; тутъ ужъ не время отстрѣливаться изъ револьвера, да еще не самовзводной системы.

Револьверъ примѣнимъ при преслѣдованіи или при отступленіи отъ противника въ близкомъ разстояніи, при нечаянныхъ встрѣчахъ, носъ къ носу — какъ это бываетъ при разъѣздахъ, патруляхъ и т. п.

Но во всѣхъ этихъ случаяхъ артиллеристу не приходится бывать, и револьверъ съ патронами и подсумкомъ вѣсомъ 5 слишкомъ фунтовъ только излишне обременяетъ его, а особенно конно-артиллериста, обмундированіе и вооруженіе котораго, въ силу частыхъ соскакиваній съ лошади, должно быть по возможности легко и свободно. Офицерамъ и фейерверкерамъ револьверъ еще можетъ понадобиться, такъ какъ имъ приходится участвовать при рекогносцировкахъ мѣстности, гдѣ они могутъ стать въ условія разъѣзда; но нижнимъ чинамъ это положительно излишняя тяжесть.

Сабля хотя тоже очень рѣдко употребляется, но все есть случаи, когда она обнажается, и объ уничтоженіи ея уже потому нельзя говорить, что она въ нравственномъ отношеніи слишкомъ важный аттрибутъ вооруженія. Безъ нея солдатъ будетъ считать себя безоружнымъ, да и вида онъ не будетъ имѣть военнаго. Вмѣсто револьверовъ полезно было бы притрачивать къ сѣдлу топорики и короткія лопаточки, вѣсъ ихъ

въ этомъ случаѣ, не утруждая солдата, не увеличилъ бы тяжести всего вьюка при отмѣнѣ револьвера. А при со временномъ развитіи ружейнаго огня — вопросъ объ укрытіяхъ становится вопросомъ первой важности; шанцевый же инструментъ, положенный имѣть при артиллеріи, — большею частью возится уложеннымъ на ящикахъ, которые становятся вдали отъ позиціи. То его количество, которое возится на орудіяхъ, и недостаточно, и, вслѣдствіе частой отвязки и подвязки, теряется. Топоры же, которые по положенію имѣютъ на себѣ чины нестроевой команды, никакой пользы на позиціи, а зачастую и на бивуакѣ, не приносятъ, такъ какъ команда эта всегда находится при обозѣ, который почти всегда на бивуакъ не поспѣваетъ. На позиціи же очень часто приходится очищать мѣстность передъ орудіемъ отъ кустовъ, вѣтокъ—дерево цѣлое другой разъ нужно повалить — а на ночлегѣ нарубить дровъ, вырѣзать кольевъ для коновязки или палку для палатки и множество другихъ мелочей. На это, за неимѣніемъ топора, солдатъ и употребляетъ саблю.

§ 3.

Неудобство довольствія обувью деньгами.

Нижнимъ чинамъ, призываемымъ изъ запаса, было объявлено, что кто изъ нихъ придетъ въ сапогахъ совершенно годныхъ къ употребленію, тотъ получитъ взамѣнъ сапогъ по 3 рубля. Черезъ это люди недобросовѣстные одолжались на время у товарищей крѣпкими сапогами и, показывая ихъ на сборныхъ пунктахъ за свои, получали по 3 рубля деньгами, а въ части приходили уже въ своихъ, совершенно истоптанныхъ. Люди болѣе аккуратные приходили въ крѣпкихъ сапогахъ, но что это были за сапоги: неуклюжаго деревенскаго покроя, тяжелые голенища, короткія и широкія, подошва тонкая и мягкая, безъ подборовъ и носки до того развалисты, что даже кончикъ ихъ не входилъ въ стремя, а ужъ не говоря о томъ, что никакой шпоры нельзя было прибить. Вообще, довольство такими вещами не натурою, а деньгами, и въ такую пору—крайне непрактично.

§ 4.

Затруднительное положеніе отъ жеребцовъ.

По правиламъ военно-конской повинности обязаны были принимать и жеребцовъ; это сдѣлало то, что въ батарею, изъ 79 долженствующихъ поступить лошадей, оказалось 62 жеребца. Такая масса жеребцовъ, да и еще по преимуществу бывшихъ въ случкѣ, дѣлала большія затрудненія батареѣ. Начались они уже съ размѣщенія лошадей въ конюшнѣ. Не освоившись между собою, они грызлись ужасно; пришлось ихъ ставить въ перемѣшку съ казенными, и то избѣгая сосѣдства кобылъ. Вслѣдствіе этого постояннаго шума и грызни въ конюшнѣ, пришлось утроить нарядъ дневальныхъ и дежурныхъ, тогда какъ при массѣ мобилизаціонной работы, всякій лишній оторванный солдатъ дѣлалъ разсчетъ. При спряжкѣ, каждый изъ жеребцовъ, ходившій до того въ одиночку, не выносилъ сосѣдства, такъ что приходилось розыскивать имъ болѣе терпѣливыхъ товарищей. А тамъ, не успѣешь оглянуться, какъ жеребецъ, почуявъ вблизи кобылу, за сѣдлалъ солдата, ушибъ его, или же вырвался, сцѣпился съ другимъ и взбуторажилъ остальныхъ лошадей. При нагрузкѣ жеребцовъ на желѣзную дорогу, вслѣдствіе задорливости, пришлось ихъ слишкомъ коротко привязывать. Всѣ эти обстоятельства и возбужденное состояніе, въ которомъ жеребцы постоянно находились, привело къ тому, что они сильно и скоро перепадали тѣломъ. На бивуакахъ ихъ нельзя было ставить на общую коновязь, а вокругъ на большомъ разстояніи они размѣщались по одному, къ одиночнымъ кольямъ (что много увеличивало число коновязныхъ кольевъ. Кромѣ того для нихъ колья нужны были большіе и глубоко вбитые, а маленькіе, кавалерійскаго образца, ихъ совсѣмъ не удерживали). Но и то они зачастую срывались, калѣчили себя кольями, врывались въ общую коновязь и производили такой шумъ и безпорядокъ, что десятки людей еле разбирали этотъ хаосъ. Такъ что люди въ этотъ утомительный походъ по Румыніи, гдѣ шли по 5 и 6 дней безъ дневокъ, дѣлая 40-верстные переходы, и ночью не имѣли отдыха. Всю ночь ржаніе, шумъ, вчетверо большій нарядъ

дневальныхъ зачастую не могъ справиться и приходилось призывать на помощь спящихъ людей. А когда приходилось везти, то эти же жеребцы, утомленные ночной энергіей, на первыхъ же шагахъ совѣли и ничего не помогали въ возкѣ.

§ 5.

Обозъ, его удобство и неудобство.

Обозъ по своей конструкціи раздѣлялся на а) форменный, б) лазаретную линейку, в) аптечную одноколку и г) неформенный. а) Форменный обозъ по своей конструкціи очень легокъ на ходу, укладистъ и крѣпокъ, но имѣетъ одно и очень важное неудобство, именно малую поворотливость, тогда какъ въ облегченныхъ телѣгахъ офицерскаго образца она доведена до возможнаго совершенства, при чемъ всѣ прочія выгодныя условія форменныхъ фуръ въ нихъ сохранены. Отсутствіе поворотливости особенно дало себя почувствовать на узкихъ, извилистыхъ дорогахъ Болгаріи, когда приходилось запрягать въ нихъ четверку цугомъ. Передній уносъ, сворачивая подъ большимъ угломъ въ сторону, оттягивалъ дышло, которое, встрѣчая сопротивленіе въ передкѣ, не дававшемъ должнаго поворота, моментально ломалось. А ежели въ этихъ случаяхъ отпрягать передній уносъ, то грузъ телѣги, въ пору только на четверку, становился не подъ силу парѣ, особенно по грязнымъ и разъѣзжаннымъ дорогамъ. Во многихъ случаяхъ (особенно при доставкѣ изъ окрестностей фуража и провіанта) насъ выручали офицерскія повозки. Хотя онѣ и разсчитаны на грузъ отъ 25 до 30 пудовъ, но на нихъ наваливали по 40 съ лишнимъ пудовъ и онѣ хорошо выдерживали. Бывали случаи, что спицы по своей тонкости (вслѣдствіе разсчета давленія на нее только 25 пудовъ) ломались особенно на косогорахъ; но починка ихъ была такъ легка, и вездѣ возможна, что это не дѣлало затрудненія. б) Лазаретный фургонъ: корабль этотъ въ высшей степени неудобенъ и страшно тяжелъ [1]). Не четверка, а шестерикъ едва тащилъ его за батарсею.

[1]) Свободно ходитъ только по военному полю.

Вслѣдствіе его страшной высоты центръ тяжести у него такъ высокъ, что онъ ужасно валокъ и сильно раскачивается при самой ничтожной неровности или косогорѣ и въ это время не только раненому, или больному, но и здоровому жутко сидѣть внутри.

И на дѣлѣ доказана его непрактичность. Артиллеристы 4-хъ батарей Гвардейской конной Бригады, бывшіе въ кампаніи, съ трудомъ дотащивъ ихъ до Плевны, растеряли, не дойдя еще до Балканъ. 5-я батарея, подходя къ Боготу, принуждена была бросить его тутъ поломаннымъ. Здѣсь же и Л. Гв. Гусарскій полкъ бросилъ свой. Подойдя къ Балканамъ, не только ни одна Гвардейская конная батарея не имѣла лазаретнаго фургона, но и всѣ полки 2-й Гвардейской кавалерійской дивизіи ихъ уже бросили.

Бросивъ лазаретный фургонъ, взамѣнъ его мы опорожнили одинъ артиллерійскій полуфурокъ, примостили къ нему двѣ ресорныхъ носилки, сняли задокъ, накрыли на дугахъ брезентомъ и вышла намъ лазаретная линейка гораздо покойнѣе и несравненно удобнѣе для перевозки, чѣмъ эта форменная лазаретная фура. Въ фургонѣ этомъ свободно помѣщались двое лежа и двое сидя, не считая ѣздоваго и фельдшера, сидящихъ на козлахъ. в) Аптечная одноколка это наша общая любимица она все время кампаніи была съ батареею. Не было такой дороги, гдѣ бы она не проходила и даже не было случая, чтобы нужно было снять съ нея ящики и навьючить ихъ на лошадь, такъ какъ она приноровлена и къ этому. И такъ какъ отъ Балканъ и до береговъ Мраморнаго моря съ нами не было никакого другого обоза кромѣ этой лазаретной одноколки, то чего-чего только на нее не наваливали и она все выдерживала. Перевѣсъ тяжести въ ней разсчитанъ очень хорошо. Весь походъ и всю кампанію ее везла одна и та же лошадь, и ни разу она не была сплечена, ни разу у нея не была сбита холка, или натерты плечи. Изрѣдка на подмогу ей припрягали пристяжку и то только въ большую грязь. г) Интендантскія телѣги разрѣшено было имѣть не форменнаго образца, такъ какъ форменныя не были еще выданы войскамъ. Обозъ этотъ для батареи былъ хорошъ въ С.-Петербургѣ, но въ кампаніи, по солдатскому выраженію, наплакались съ нимъ. Отъ Балканъ и до С. Стефано телѣги эти порожнякомъ едва тащились парой буйволовъ. При-

чиной этой тяжести на ходу были очень низкія колеса, при которыхъ передняя ось только на четверть шла отъ земли.

Укладка обоза.

При укладкѣ обоза есть нѣкоторыя тяжести, которыя положительно напрасно возятся и обременяютъ только собой грузъ обоза, напр., запасная вторая пара артиллерійскихъ колесъ, что составляетъ около 15 пуд., а въ сущности не только эти, но и первая запасная пара, которая возится на запасномъ лафетѣ, вовсе не нужна. Это вполнѣ доказала минувшая кампанія. Артиллерія наша прошла около 2 т. верстъ по самымъ разнообразнымъ дорогамъ. Была такая дорога, какъ отъ д. Усиковицъ въ г. Этрополь и отсюда въ г. Орханіе, гдѣ она все время шла ущеліемъ р. Искера по голой каменной лѣстницѣ. Колесамъ приходилось все время прыгать со ступеньки на ступеньку иногда вышиною до 2 четвертей. 3 раза орудія, обрываясь на косогорахъ, летѣли съ кручи въ пропасти отъ 8 до 15 саж. глубины. И матеріальная часть артиллеріи со славой выдержала эти испытанія: кромѣ самыхъ ничтожныхъ, ничего незначущихъ порчъ, все оставалось цѣло. Но самый разительный примѣръ этому было въ 6-й Гвардейской Донской батареѣ, когда во время обходнаго движенія Правецкихъ высотъ, въ колоннѣ Генералъ-Лейтенанта Рауха, ящикъ, оборвавшись на склонѣ горы, полетѣлъ внизъ на 25 саж. и, кромѣ поломаннаго дышла да нѣкоторыхъ скобъ, все, кончая укладкой снарядовъ, осталось цѣло. И ежели бы не случай на Балканахъ, когда люди, спуская запасный лафетъ на веревкахъ, не сдержали его и онъ, сорвавшись, полетѣлъ; лафетъ какими то судьбами задержался на первомъ же выступѣ, а запасная первая пара колесъ, сбитая съ него, полетѣла въ бездонную пропасть; такъ, если бы не этотъ случай, то батарея, провозивши за собою всю кампанію эти 4 колеса (болѣе 30 пудовъ), привезла бы ихъ обратно, не пользовавшись ими.

Ежели допустить подбитіе колеса непріятельскимъ снарядомъ, то никогда подбитіе это не ограничится однимъ колесомъ, а всегда достанется и лафету на столько, что придется замѣнить его новымъ. Такъ что выгоднѣе имѣть скорѣе 2 запасныхъ лафета, чѣмъ одинъ, и 4 запасныхъ колеса. Въ край-

немъ случаѣ можно брать 1 запасный лафетъ и 2 колеса на немъ, а другія 2, которыя возятся въ обозѣ, совершенно лишни. Кромѣ этого излишними могутъ считаться такія запасныя вещи, какъ необдѣланныя спицы, косяки и др. Подобныя починки на ходу и бивуакахъ немыслимы. А все это тяжести порядочнаго размѣра и лучше было бы вмѣсто нихъ возить запасныя вещи по обмундированію, матеріалы для починки его, больше подковъ, гвоздей, т. е. именно того, въ чемъ мы терпѣли все время большую нужду. Относительно формы укладки запасныхъ вещей и обоза, въ нѣкоторыхъ случаяхъ отступили отъ нея въ виду практичности, ежели и не самой укладки, то пользованія, сбереженія и присмотра за ней. Напр. палатки полагается раздать по одному полотнищу каждому солдату, которое и укладывается со вьюкомъ. Батарея увязала эти палатки сзади ящиковъ по числу находящихся въ строевомъ разсчетѣ людей, а для обозныхъ и запасныхъ они лежали на полуфуркахъ. Черезъ это мы до конца кампаніи имѣли палатки, относительно сохраненныя, тогда какъ кавалерія уже въ серединѣ кампаніи ихъ почти не имѣла, растерявъ и порвавъ ихъ, такъ что наши палатки зачастую были предметомъ общей зависти.

§ 6.

О ковкѣ.

На ковку лошадей отпускаются въ части деньги. Но въ минувшую кампанію почти все время ни за какія деньги нельзя было достать подковъ и гвоздей, особенно послѣднихъ. Не дурно было бы, чтобы время отъ времени въ интендантскихъ транспортахъ возилось то и другое для отпуска частямъ. А то при форсированныхъ маршахъ, большихъ переходахъ, частыхъ бояхъ—какъ это было въ особенности во второй половинѣ кампаніи нѣтъ никакой возможности имѣть эту статью въ порядкѣ. Обозы гдѣ, то далеко, походной кузницы нѣтъ, запасъ истощился, а на этихъ кратковременныхъ ночлегахъ, кузнецы, ѣдущіе при части, ничего не могутъ сдѣлать за неимѣніемъ матеріала. Займемъ деревню или городокъ; все раз-

рушено и пусто; опять надежда подковаться исчезла—а тутъ какъ нарочно морозъ, гололедица, каменистый грунтъ, переправа въ бродъ,—лошади сбиваютъ подковы, скользятъ, выбиваются изъ силъ и подбиваются... сердце болитъ, а помочь нѣтъ силы. Если и случалось захватывать городъ гдѣ были жители, какъ Филиппополь, Адріанополь—то всѣ части съ бою накидывались на кузницы, и захватывали ихъ; приставляли даже свой караулъ, чтобы отбиваться отъ другихъ претендентовъ и расплачивались по баснословной цѣнѣ—по франку золотомъ за подкову и франку за 10 гвоздей. Греки и Болгары, не привыкшіе дѣлать нашего образца подковы и гвозди (хотя ихъ учили и помогали имъ наши кузнецы), а также вслѣдствіе многочисленности, спѣшности заказа и громадности требованій, исполняли работу эту въ высшей степени не отчетливо, но все же на душѣ легче становилось хоть немного подковывались. Въ этомъ случаѣ батарею сильно выручило то обстоятельство, что въ захваченномъ турецкомъ складѣ г. Орханіе оказались подковы и гвозди турецкаго образца. Батарея, идя въ Балканы, захватила ихъ сколько можно было помѣстить въ карманчикахъ потниковъ и лафетныхъ ящикахъ. Болгаринъ обучилъ пригонять ихъ и ковать, и такъ какъ подковы эти нашлись и въ складѣ г. Софіи, гдѣ батарея вновь ими запаслась, то лошади наши пострадали менѣе, чѣмъ въ тѣхъ частяхъ, которыя не успѣли или не могли этого сдѣлать. Самый трудный для лошадей былъ районъ отъ г. Софіи до г. Филиппополя. Проходя эту въ высшей степени гористую мѣстность по гололедицѣ, лошади очень скоро сбивали турецкія подковы (такъ какъ онѣ очень тонки, а гвозди коротки) и тутъ-то и было самое большое число подбитыхъ лошадей, которыя впрочемъ до Филиппополя дошли за батарею.

Турецкими подковами обыкновенно ковали строевыхъ лошадей, а тотъ маленькій запасъ русскихъ подковъ, который у насъ еще оставался, мы берегли какъ драгоцѣнность, для артиллерійскихъ.

При ковкѣ турецкими подковами, надо обращать вниманіе, чтобы подкову, представляющую изъ себя круглую пластинку съ удлиненіемъ или языкомъ къ одной сторонѣ и круглымъ отверстіемъ въ серединѣ, выбить на камнѣ, придавъ ей вы-

пуклую форму, и потомъ очень важно, на сколько пригнуть этотъ языкъ къ пяткамъ, пригнуть мало будетъ набиваться соръ за подкову и наминать подошву, пригнуть много будетъ надавливать на пятки. Но для легкихъ лошадей подковы эти сносны.

§ 7.

Неудобство довольствія войскъ солью (денежное)

Довольствіе войскъ солью идетъ въ числѣ приварочныхъ денегъ и, выходя въ походъ, полагается ее имѣть въ соляныхъ саквахъ всего на 3 дня; это вѣроятно потому что продуктъ этотъ считается легко добываемымъ. Но не то оказалось въ кампаніи. Едва мы отошли отъ Дуная 60, верстъ какъ уже почувствовали въ ней нужду. По всей Болгаріи (исключая время погони за арміею Сулеймана—отъ Софіи до Филиппополя) мы относительно легко добывали хлѣбъ или муку,—въ тѣ дни когда не получали отъ интендантства сухарей, но соли нигдѣ. Ни одна большая и богатая деревня не могла дать того количества соли, которое требовалось для большихъ отрядовъ (въ какихъ, обыкновенно маневрируютъ въ кампаніи) да и жители имѣвшійся запасъ не только не продавали, но даже укрывали вслѣдствіе того, что добывать ее и далеко, и трудно. Въ громадномъ турецкомъ складѣ, захваченномъ въ г. Орханіе—была, масса разнородныхъ предметовъ, даже роскошь—какъ мыло, прессованное мясо, деревянное масло—но соли не нашли.

До дѣлъ подъ Горнымъ Дубнякомъ—мы, стоя въ богатой деревнѣ Дольная Липица, за солью посылали въ Систово—за 60 верстъ. Послѣ дѣла при Горномъ Дубнякѣ 2-я кавалерійская дивизія, расположившись по деревнямъ въ роскошной долинѣ р. Вида—откуда не только мы сами продовольствовались, но продовольствовали и гвардейскую пѣхоту, хлѣбомъ и скотомъ, за солью все же посылали за 76 верстъ въ Никополь. Въ г. Орханіе, имѣя въ своемъ распоряженіи громадный турецкій складъ провіанта, соли не имѣли и получали ее изъ г. Враца, верстъ за 50.

Но тогда можно было посылать за ней и дожидаться, пока привезутъ, потому что мы долго стояли въ этихъ пунктахъ: но

отъ Балканъ и до Филиппополя, когда пошли форсированнымъ маршемъ посылка ужъ была невозможна; все равно посланный за нею не нагналъ бы насъ. Тутъ-то мы болѣе всего и нуждались въ ней. Въ виду этого лучше было бы во время кампаніи денежное довольствіе солью перевести на довольствіе натурою.

§ 8.

Неудобство форсированнаго марша въ началѣ похода.

Проѣхавъ 7 сутокъ по желѣзной дорогѣ, лошади застоялись, ноги поотекли, ихъ раскачало, отъ тѣсноты, духоты и неудобства положенія они неимѣли отдыха и плохо ѣли, черезъ что немного ужъ перепали. Батарея имѣла въ запряжкѣ новыхъ 61 лошадь [1]), полученныхъ по конской повинности; лошади не были съѣзжены и не привыкли еще къ характерной артиллерійской запряжкѣ. Въ виду всего этого намъ удобнѣе было бы начать походъ, относительно маленькими переходами и имѣть почаще дневки—особенно въ началѣ; когда приходилось часто останавливаться, 1-е для перепряжки и распутыванія изъ постромокъ, для перестановки лошади съ одного мѣста на другое, такъ какъ молодыя лошади очень неохотно идутъ на 1-мъ уносѣ и особенно подъ сѣдломъ, а жеребецъ балуетъ, идя сзади кобылы, и по многимъ подобнымъ причинамъ. 2-е, для поправленія укладки и 3-е, наконецъ, нужно было почаще останавливать всю батарею, чтобы дать ей возможность стянуться и отставшей повозкѣ, ящику или орудію нагнать батарею, иначе ей бы пришлось нагонять рысью, что въ эту страшную жару, въ которую мы шли, понапрасно бы изнуряло лошадей. Въ виду всего этого, хорошо было бы идти маленькими переходами не болѣе 25 верстъ, чтобы имѣть возможность придти на ночлегъ не очень поздно Затѣмъ необходимость дневокъ особенно въ началѣ черезъ 2 дня въ 3-й еще

[1]) Въ 4-хъ ящикахъ по *6*, въ 2-хъ ящикахъ и запасномъ лафетѣ по *2* лишнихъ противъ мирной четверочной запряжкѣ, въ обозѣ, 3 артиллерійскія телѣги по *4*, 3 интендантскія по *4*, 2 офицерскія по *двѣ*, 1 денежный ящикъ *4*, 1 лазаретная линейка *4*, и аптечная одноколка *1* лошадь.

болѣе осязательна. 1) Лошади, ходившія до того одиночкою и много парою въ дышлѣ, принужденныя теперь идти шестерикомъ цугомъ—сразу лечь въ хомуть не могли, почему и везли неровно, горячились, прыгали, дергали, а измаявшись, отставали, такъ что грузъ, разсчитанный на 6-хъ, приходился въ большинствѣ на 3-хъ везущихъ; эти прыгуны и покойно-везущихъ утомляли, сбивая съ ровнаго аллюра; не терпя вальковъ и постромокъ, лошади заступали, отъ щекотки бросали задомъ и обжигали ляшки. А тутъ еще хомуты новаго образца [1]), вслѣдствіе неровной тяги, обжигали и набивали плечи; подсѣдельныя напаривали спины и холки. Всѣ эти искалѣчиванія никогда сразу не дѣлались такъ серьезны, чтобы во время дневки, при принимаемыхъ мѣрахъ—они бы не прошли, а ежели бы, несмотря на это, оказались бы неисправившіяся, то это такой ничтожный процентъ, что батарея всегда имѣла бы возможность такую лошадь провести лишній переходъ въ заводу, поставивъ на ея мѣсто изъ запасныхъ. Наконецъ, и батарейныя лошади никакой мирной подготовкой (маневры, военныя прогулки и частыя ученія) не могутъ быть на столько втянуты въ усиленный трудъ, чтобы послѣ двухъ-трехъ переходовъ не требовали бы для отдыха дневки. 2) Лошадь, сдѣлавъ переходъ въ страшную жару, приходила на бивуакъ около 5 часовъ, усталая, истомленная жарой и разгоряченная; томимая жаждой, она сейчасъ же не принималась за пищу, а напоить ее можно было только часа черезъ $1^1/_2$ или 2, такъ что при этомъ разсчетѣ она начинала только ѣсть около 7 часовъ; а утромъ въ 4 часа ее опять начинали безпокоить, готовя для слѣдующаго перехода. Такъ что она имѣла всего 9 часовъ, чтобы отдохнуть, насытиться и на сонъ. Для непривычной лошади это положительно мало, оттого они и перепадали. Совсѣмъ другое, когда лошади втянутся, тогда онѣ съ мѣста начинаютъ идти ровнымъ, спокойнымъ шагомъ, тянуть всѣ, разгоряченныхъ нѣтъ; ихъ ужъ и на привалѣ можно безопасно попоить, и вскорѣ, по приходѣ на бивуакъ; отъ этого она начинаетъ скорѣе ѣсть и ей больше остается времени на отдыхъ. Какъ солдаты говорятъ «голубушка, сама себя бережетъ». Но пока

[1]) Неудобства хомутовъ новаго образца высказаны въ § 10.

голубушка эта умается и собственнымъ опытомъ дойдетъ до этаго сознанія, ей необходимо нѣсколько легкихъ переходовъ съ частыми дневками. Мы же пошли не такъ: Получивъ въ Петербургѣ за 5 дней до выступленія 79 новыхъ лошадей, простоявъ 7 дней на желѣзной дорогѣ, мы сразу пошли переходъ въ 37 верстъ; на другой день 42 вер., третій день дневка, затѣмъ пошли, дѣлая отъ дневки до дневки 130 верстъ, 105 вер., 183 в., 204 в. и 57 в. до М. Турко-Слива въ Болгаріи, гдѣ собственно походъ нашъ и окончился, и оттуда началось уже маневрированіе и бои. Такимъ образомъ, мы прошли походнымъ порядкомъ 757 вер. въ 24 дня, что составляетъ 31½ вер. въ день [1]) и на весь этотъ переходъ имѣли всего 5 дневокъ, а между дневками доходило до 6 переходовъ отъ 4-го до 10-го сентября. Вслѣдствіе такого быстраго и утомительнаго, по длинѣ переходовъ и жары, похода, лошади, слегка натертыя, обожженныя и подбитыя, не успѣвали залечиваться и мы принуждены были съ разными приспособленіями ихъ запрягать и сѣдлать, отчего искалѣченія эти не только не успѣвали залечиваться, но принимали болѣе острый характеръ; замѣнять ихъ запасными было нечѣмъ, такъ какъ онѣ всѣ ушли на замѣну болѣе другихъ пострадавшихъ. Но главное, вся эта поспѣшность оказалась ни къ чему. Прійдя въ Турко-Сливо, мы простояли 5 дней, а пройдя еще 25 вер. въ Дольную Липницу, простояли 17 дней. Другое дѣло, когда мы шли отъ г. Софіи къ Филиппополю и Адріанополю, гдѣ мы гнались по пятамъ за бѣжавшей арміей Сулеймана, тутъ ужъ каждый солдатъ въ данной мѣстности и въ извѣстную минуту былъ слишкомъ дорогъ; такъ мы, помня обращенное къ намъ изреченіе генералъ-адъютанта Гурко: «Гдѣ дрова рубятъ, тамъ щепки летятъ», не жалѣли ужъ ни себя, ни лошадей, за то вездѣ и поспѣвали; но и пришли въ изодранномъ видѣ, бросая отсталыми больныхъ и поврежденныхъ лошадей, не имѣя возможности тащить ихъ въ заводу или давать отдыхъ и время для залечиванія.

---

[1]) Это, впрочемъ, по маршруту, въ дѣйствительности же маршрутъ сильно рознился съ бумагой, обыкновенно процентовъ на 25 разстояніе было больше. Заключеніе это подтвердятъ всѣ части 2-й Гв. Кавалерійской дивизіи.

Мѣры, принимаемыя для облегченія въ походѣ.

1) Всякій ящикъ шелъ за своимъ орудіемъ; въ противномъ случаѣ, ежели бы они шли отдѣльнымъ эшелономъ за батареею, то въ случаѣ какого-нибудь несчастья при нихъ было бы мало прислуги (по 2 нумера за ящикомъ) въ этомъ же порядкѣ, орудійная прислуга всегда могла помочь.

2) Такъ какъ ящики съ укладкой были гораздо тяжелѣе орудія, а лошади подъ нихъ (изъ конской повинности) не съѣзжены, то первые переходы батарейныя лошади шли въ ящикахъ, а новыя въ орудіяхъ, а потомъ мѣнялись черезъ день.

3) Взводы и орудія очередовались идти въ головѣ и хвостѣ колонны. Такъ какъ въ хвостѣ всегда аллюръ не такъ ровенъ и постояненъ, какъ въ головѣ.

4) Нумера шли не позади орудій, а съ боку дороги съ надвѣтренной стороны, черезъ это сокращалась глубина колонны и строевыя лошади шли по мягкому грунту, такъ какъ имъ труднѣе идти по твердому грунту; только артиллерійскія лошади куются на переднія шипы, а строевыя нѣтъ — слѣдовательно, имъ больше шансовъ намять подошву твердыми кочками или камышками.

5) На большихъ привалахъ пріучили лошадей поить, для чего передъ приваломъ шли 1 вер. пѣшкомъ, на привалѣ лошадь постоитъ 20 мин., а какъ трогаться, то каждое орудіе по очереди, напоивъ сейчасъ же, трогается, а пройдя немного усиленнымъ аллюромъ, пріостанавливается, чтобы стянуть батарею; такимъ порядкомъ случая опоя у насъ не было, исключая одной лошади, которая, идя въ заводу въ началѣ привала, вырвалась, залѣзла въ прудъ по брюхо, и на слѣдующемъ ночлегѣ пала.

6) Во время сильной жары навязывали лошадямъ къ налобнику куски бѣлаго холста, защищая ей этимъ темя и глаза отъ жгучихъ лучей солнца, а на привалѣ тряпки эти смачивали водою.

7) Въ случаѣ большихъ переходовъ на привалѣ упряжныхъ лошадей, идущихъ въ заводу, ставили въ запряжку взамѣнъ слабосильныхъ и болѣе другихъ уставшихъ.

8) Всѣхъ запасныхъ нѣшихъ людей отправляли впередъ съ обывательскими подводами.

§ 9.

О удобствѣ бивуачнаго расположенія въ сравненіи съ квартирнымъ.

Командиръ батареи считалъ гораздо удобнѣе располагать батарею во время ночлеговъ и дневокъ бивуакомъ, а не по квартирамъ, по слѣдующимъ причинамъ:

1) Въ гигіеническомъ отношеніи; въ то теплое время года, когда мы шли, люди были всегда на чистомъ воздухѣ, укрытые палатками, да и бивуакъ въ большинствѣ случаевъ, а на дневкахъ обязательно, располагался въ тѣни деревьевъ; этимъ избѣгали шансовъ заразительныхъ болѣзней, что могло случиться въ грязныхъ и тѣсныхъ помѣщеніяхъ бѣдныхъ обывателей, и избавлялись отъ присвоенія себѣ лишнихъ чужихъ паразитовъ. Наконецъ, люди не могли наѣсться какой-нибудь вредной пищи или незрѣлыхъ плодовъ, такъ какъ всѣ торговцы иначе не могли попасть на бивуакъ, какъ по осмотрѣ ихъ дежурнымъ офицеромъ,

2) Относительно наблюденія. Такъ какъ бивуакъ занималъ относительно малое пространство, на которомъ были сгруппированы всѣ люди, лошади и имущество, то и надзоръ за всѣмъ былъ удобнѣе. Люди по одиночкѣ не были отпускаемы въ ближайшіе города и села, а пользующіеся дурной репутаціей и вовсе не отпускались; черезъ это избѣгали недоразумѣній и столкновеній съ жителями. Купаніе людей и лошадей производилось своевременно, за чѣмъ при разбросанномъ квартирномъ расположеніи усмотрѣть нельзя.

3) Въ нравственномъ отношеніи; люди не имѣли соблазну въ трактирахъ, кабакахъ и публичныхъ домахъ, что и выразилось въ томъ, что за весь Румынскій походъ у насъ не было заболѣвшаго сифилисомъ [1]), тогда какъ Румынія пользуется исторической извѣстностью въ распространеніи этой болѣзни.

4) Относительно экономіи во времени. На бивуакѣ солдаты разбивши коновязь подъ бокомъ имѣли и складъ фуража,

[1]) Сифилисомъ у насъ заболѣлъ одинъ, а именно, когда мы стояли въ Болгаріи, въ д Дольная Лпница 12 дней на квартирахъ.

ему никакого труда не стоило сдѣлать нѣсколько шаговъ за сѣномъ, или для насыпки торбъ, въ случаѣ перековать лошадь или починить что-нибудь — обозъ съ мастеровыми былъ тутъ же, кухня въ нѣсколькихъ шагахъ; совсѣмъ не то на квартирахъ, устроивъ помѣщеніе для лошади и аммуниціи, солдатъ отправлялся на фуражный дворъ, тащить вязанку пуда въ 4, потомъ три раза сходить за торбами, а въ случаѣ какой-нибудь ничтожной починки, тащи вещь на батарейный дворъ (гдѣ расположенъ обозъ). Имѣвшіеся 2 коновала въ батареѣ на бивуакѣ легко осматривали и перевязывали всѣхъ лошадей, чего въ разбросанномъ квартирномъ расположеніи они не могли бы сдѣлать; наконецъ, при этомъ послѣднемъ, нарядъ дежурныхъ и дневальныхъ сильно увеличивался, да и постоянныя должностныя лица употребляли много времени на безполезные переходы отъ двора къ двору, такъ что все это у многихъ отнимало время отъ необходимаго отдыха, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ просто невозможно было бы требовать строгаго выполненія до мелочей внутренней службы.

Наконецъ, 5) Нравственная связь батареи. При казарменномъ расположеніи въ Петербургѣ, солдатъ привыкъ видѣть офицера въ своей средѣ, исполняющимъ служебныя обязанности и считалъ его за Начальство. Тутъ же, живя вмѣстѣ при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, офицеры, разговаривая съ солдатами, выслушивали описаніе картинъ домашняго ихъ быта, разсказывали эпизоды прошлыхъ кампаній, объясняли дѣла и поводъ текущей войны, все это ихъ сблизило и сроднило на столько, что батарея приняла характеръ тѣсной и дружной семьи. До того самый угрюмый и грубый на видъ солдатъ теперь не дичась вступалъ въ разговоръ и разспрашивалъ; тутъ-то и высказалась та широкая сердечная теплота Русскаго человѣка, которая скрывается подъ суровой на видъ оболочкой. Это особенно высказалось въ Балканскомъ и Забалканскомъ походѣ, гдѣ офицеры стали совершенно въ тѣ же условія по продовольствію и укрытію отъ непогодъ, какъ и солдаты [1]). Тотъ же сухарь, размоченный въ кипяткѣ, или

[1]) Въ это время шли безъ обоза, а палатки, увязанныя на орудіяхъ, во время Балканскаго похода были оставлены, какъ и все мало-мальски обременяющее своимъ вѣсомъ, такъ какъ орудія тащили люди на рукахъ въ разобранномъ видѣ.

лепешка изъ кукурузной муки, и тотъ же небесный сводъ, какъ крыша, и въ рѣдкихъ случаяхъ солома, какъ подстилка [1]). И вотъ тутъ, если какому-нибудь солдату удастся затравить одичалую свинью (которыя часто попадались въ окрестностяхъ брошенныхъ деревень), то ужъ лучшій кусочекъ онъ непремѣнно несетъ офицеру, и, Боже сохрани, предложить за это деньги, обидится до слезъ. Или запасливый солдатъ вытащитъ изъ фуражной сѣтки сохранившійся сухарь; прежде чѣмъ ѣсть всегда предложитъ «хоть кусочекъ отломите, Ваше Высокоблагородіе». Мы не имѣли обыкновенія посылать солдатъ за дровами для своего костра, но когда они раздобудутъ топлива, то ужъ костеръ для насъ готовъ; ежели же мало дровъ, то, разведя огонь, лучшее мѣсто оставятъ офицеру и взводнаго пошлютъ приглашать насъ къ огню. Немного надо, чтобы солдатъ полюбилъ, а много надо черствости, чтобы оттолкнуть его отъ себя; выкажи ему разъ сочувствіе, и на всю службу станешь ему «отецъ, душа командиръ».

§ 10.

Характеръ болѣзней и количество лошадей, пришедшихъ въ негодность за время похода и кампаніи.

За время переѣзда по желѣзной дорогѣ болѣзни были: отеки ногъ, потеря аппетита, что скоро и безъ послѣдствій проходило отъ растираній, пріемовъ полынныхъ пилюль и проѣздки, но большинство больныхъ было отъ ушибовъ и укушеній жеребцовъ. Во время похода до Границы и по Румыніи появились: задержаніе мочи отъ перемѣннаго молодаго пахучаго сѣна, воспаленія глазъ отъ солнечнаго удара и пыли, затѣмъ, главное, наружные ушибы другими лошадьми, обожженныя плечи хомутомъ [2]), набитыя холки, опаренныя спины

[1]) Въ то время каждый стебелекъ сѣна или соломы былъ слишкомъ дорогъ, какъ кормъ для несчастныхъ истомленныхъ и голодныхъ лошадей.

[2]) Хомуты въ батареѣ были 2-хъ образцовъ, въ артиллеріи новаго, а въ обозѣ стараго. Защитники новаго образца стоятъ за нихъ потому, что они могутъ сдвигаться, что безъ передѣлки ихъ можно пригонять съ толстой на тонкую шею, и что они легче. Первое намъ совсѣмъ не примѣнялось. Больше похудѣть, какъ исхудали наши лошади за время Балканскаго и За-

и ребра, подбитыя на ноги (плоско копытыя) и одинъ случай опоя. Всѣ эти болѣзни, а особенно наружныя, вслѣдствіе продолжительности переходовъ и отсутствія дневокъ, не только не проходили, но еще усиливались. Въ Фалештахъ уже пришлось бросить одну подбитую на ноги лошадь, которая хотя и шла въ заводу, но не только не могла поспѣвать за батареею, а рѣшительно отказывалась двигаться. Въ Скулянахъ пришлось бросить 2-хъ прекрасныхъ строевыхъ, ушибленныхъ жеребцомъ еще на желѣзной дорогѣ; раны по существу были не опасныя, но вслѣдствіе быстраго хода приняли характеръ неизлечимый. У одной былъ ушибъ въ плечо; загноился и гной сдѣлалъ фистулу въ колѣно; у другой ушибъ колѣна и разгноилось все берцо. А будь переходы умѣреннѣе и съ дневками—всѣ эти лошади легко бы оправились.

Всего же было больныхъ въ Скулянахъ (черезъ 14 дней по выходѣ изъ Петербурга) 11—на 246 лошадей. А при переходѣ черезъ Дунай (еще черезъ 21 день) 16 — съ прежними одиннадцатью, и палыхъ за это время 4—одна отъ опоя, 1 подбитая и 2 отъ разгноившихся ушибовъ. Затѣмъ во время почти трехнедѣльной стоянки (конецъ сентября) въ Болгаріи, въ с. Дольной Липницѣ, почти всѣ пораненныя лошади

балканскаго похода, нельзя, и то при этой безобразной худобѣ тѣла, шеи остались почти тѣхъ же размѣровъ, какъ и были, и ежели мы и подшивали войлокъ, то главной причиной этому было не уменьшеніе обхвата хомута, а чтобы сдѣлать мягче давленіе на плечи хомутины. А второе, ежели онъ и дѣйствительно немного легче старыхъ, то это такая ничтожная выгода, противъ тѣхъ неудобствъ, которые они имѣютъ, что ихъ нельзя предпочесть старымъ. Въ старомъ подушка и хомутина были широкія, плоскія, мягкія, онѣ прилегали всѣми своими точками къ лошади и она везла всѣмъ плечомъ; въ новомъ же тонкія, твердыя, клещи сходятся подъ очень острымъ угломъ надъ холкой, и хомутъ не прилегаетъ плотно, почему лошадь и везетъ только 4-мя точками, 2-мя съ боковъ холки и 2-мя надъ плечевымъ суставомъ. Набитыя лошади и имѣли всегда 4 раны формы эллипса, двѣ нижнія въ 3 дюйма, а верхнія до 2-хъ дюймовъ въ діаметрѣ. И доказательствомъ тому, что новые хомуты больше набивали, чѣмъ старые, служитъ то, что даже старыя батарейныя лошади, идя въ нихъ набивали плечи, а въ обозѣ, гдѣ были старые хомуты и новыя не съѣзженныя лошади обжоговъ этихъ не было. Наконецъ, ежели бы вслѣдствіе исхудалости лошадей и нужно было бы съузить хомутъ, что достигается въ старыхъ подшивкой куска войлока, то эта работа такая несложная и недолгая, что не только шорникъ, но и всякій ѣздовой съумѣетъ и успѣетъ исполнить ее не только на дневкѣ, но и на ночлегѣ, и не привалъ, какъ бы онъ кратковременъ не былъ.

оправились. Но за то тутъ 12 дней дождь мочилъ насъ непрерывно, бивуакъ разгрязнило до невѣроятной степени (перемѣнить же мѣсто нельзя было, такъ какъ вся 2-я Гвардейская Кавалерійская дивизія стояла общимъ бивуакомъ), лошади зябли и мокли цѣлыя сутки, стояли буквально на $1^1/_2$ четверти въ грязи, ложиться не могли; пошли подсѣды, мокрецы и злостныя лихорадки, и только вымокши 12 дней, насъ поставили по квартирамъ, а тутъ какъ нарочно и погода стала хорошая. Лихорадки были въ высшей степени губительны; начинались сильной головной болью, затѣмъ показывалось истеченіе изъ глазъ, а на 3-й день лошадь обыкновенно околѣвала. Три лошади пало этою болѣзнью; единственное средство противъ нея было, захвативъ болѣзнь въ началѣ, поставить лошадь въ теплую землянку, и прикладывать постоянные холодные компрессы на темя и лобъ, при сильной дозѣ слабительнаго.

Потомъ пошли бои и маневрированія, гдѣ начались убитыя и раненыя лошади [1]). При переходѣ Балканъ, одна погибла, сорвавшись съ кручи, а въ забалканской погонѣ за Сулеймановской арміей, съ боями до Филиппополя и при поспѣшномъ маршѣ отъ Филиппополя къ Адріанополю, главная и единственная болѣзнь была — раненыя и подбитыя на ноги. Шли въ самую распутитцу, все время по горамъ; гололедица, кочки, натуральная адская мостовая, переправы въ бродъ по каменистому дну, потомъ невылазныя грязи, все это при недостаткѣ въ подковахъ и непрочности ковки турецкими подковами—порождало массу подбитыхъ и обломавшихъ копыть лошадей. Набитыхъ хомутомъ уже не появлялось, такъ какъ всѣ хомуты были подшиты войлокомъ, да и плечи у лошадей пообмялись. Приходилось оставлять лошадей съ людьми на пути съ тѣмъ, чтобы они присоединялись къ обозу, долженствующему идти по той же дорогѣ, гораздо позже [2]). Наконецъ, настало 6-ти-мѣсячное стояніе на берегу Мраморнаго моря, гдѣ лошади заболѣвали инфлюэнціею, причиной чему исключительно было то, что мы покупали сѣно отъ Итальянской

[1]) При описаніи дѣлъ, въ каждомъ изъ нихъ выставлено число убитыхъ и раненыхъ.

[2]) Ниже этотъ вопросъ будетъ болѣе подробно разъясненъ.

компаніи, привозившей его въ прессованномъ видѣ изъ Марселя и Алжира (платили 6 франковъ золотомъ за пудъ). Сѣно было сѣянное, очень пахучее и горячительное, но палыхъ было мало, падали же преимущественно тѣ, которыя съ трудомъ дотащились съ воловьимъ обозомъ и принесли съ собою неизлечимыя раны на ногахъ.

Изъ раненыхъ лошадей падали всегда получившія раны въ брюшную полость и конечности, а раненыя въ шею и мягкія части легко выздоравливали; почти всѣ стояли въ запряжкѣ, а нѣкоторыя, у которыхъ пули засѣли глубоко въ мякоти, принесли ихъ съ собою на родину. Изъ всего числа раненыхъ лошадей 14-ти выздоровѣло 8 а пало 6, да убито 15. Итого пало въ бою—21. Изъ нихъ строевыхъ 6, артиллерійскихъ 15. Пало отъ болѣзней за всю кампанію 30, отъ внутреннихъ болѣзней 11, наружныхъ — 19, итого всего выбыло лошадей за походъ и кампанію 51; изъ нихъ:

Строевыхъ 20.

Артиллерійскихъ 31.

Изъ убитыхъ и палыхъ отъ ранъ 15 артиллерійскихъ лошадей всѣ были батарейныя, такъ какъ во время боевъ они были всегда запряжены въ орудія. А изъ павшихъ по болѣзни 16-ти артиллерійскихъ — 4 батарейныхъ и 12 принятыхъ по конской повинности, что прямо указываетъ на степень подготовки тѣхъ и другихъ. А что строевыхъ пало отъ болѣзни 14. то причины этому надо видѣть, во 1-хъ, въ большомъ вьюкѣ, возимомъ на спинѣ (иногда брали чуть не 6-ти-дневный запасъ съ собою), во 2-хъ, прійдя на ночлегъ, для скорости, за неимѣніемъ обоза и по трудности пути, на нихъ же возили фуражъ, а часто и сухари, довольно изъ далека, тогда какъ упряжныя отдыхали, и въ 3-хъ, когда стала нужда въ подковахъ, то сохранившіяся русскія берегли для артиллерійскихъ. а строевыхъ лошадей угощали турецкими а иногда такъ и вовсе безъ нихъ оставались.

§ 11.

Результатъ сокращенія обоза.

1) Сокращеніе числа повозокъ въ обозѣ имѣло безусловно выгодные результаты впослѣдствіи, нисколько не стѣснивъ батарею, черезъ то, что лошади, оставшіяся отъ этихъ повозокъ, были по парѣ припряжены къ четверочнымъ телѣгамъ; такимъ образомъ мы имѣли возможность тащить за собою обозъ вплоть до Балканъ, не смотря на распутицу осенняго времени, горы и невылазную грязь разъѣзжанныхъ и размытыхъ дорогъ. А потомъ, когда пошла сильная убыль лошадей въ бояхъ, и отъ болѣзней, и пришлось изъ обоза брать ихъ въ орудія и ящики, то все же телѣги наши перешли изъ шестериковъ въ четверки, т. е. въ прежнюю запряжку.

Неудобство сокращенія запасныхъ людей.

2) Вслѣдствіе форсированнаго марша по Россіи и Румыніи, и ожидая таковой же въ Болгаріи, сначала казалось очень удобнымъ освободиться отъ этихъ затрудняющихъ быстрое движеніе пѣшихъ людей. Но на практикѣ оказалось не то; за всю кампанію [1]) намъ уже не приходилось дѣлать такого форсированнаго марша, а главное продолжительно-форсированнаго. И черезъ 10 дней послѣ того какъ батарея оставила этихъ людей въ г. Александріи, изъ д. Дольная Липница пришлось посылать за частью изъ нихъ, такъ какъ здѣсь люди начали занемогать лихорадкой, да и расходъ людей на службу и работы былъ такъ великъ, что затруднялъ безъ нихъ внутреннее управленіе Для этого отъ дивизіи командированъ былъ офицеръ Л.-Гв. Уланскаго полка, который и привелъ во всѣ полки часть остававшихся людей. Батарея вызвала изъ 25 оставленныхъ 10 человѣкъ. Остальные 15 присоединились къ батареѣ въ г. Родосто въ іюлѣ 1878 года.

---

[1]) Исключая погони за Сулеймановской арміей отъ Софіи до Филиппополи, и то тутъ участвовалъ только боевой разсчетъ батареи а обозъ въ это время оставался за Балканами.

Бѣдствіе отъ облегченія вьюка.

3) Оставленіе въ г. Александріи чемоданчиковъ со второй парой мундира, рейтузъ, сапогъ и 3-й смѣной бѣлья, отозвалось очень тягостно для солдатъ, не принеся особеннаго облегченія для батареи. Самое тяжелое для лошадей время длиннаго форсированнаго похода по Румыніи прошло и тяжесть эту лошади уже протащили на своей спинѣ; затѣмъ, во всю кампанію мы ужъ не имѣли такого быстраго марша и ежели лошади страдали, то больше отъ безкормицы и непогоды, такъ что эта тяжесть, фунтовъ въ 6, на столько не могла обременять, чтобы желать отъ нея избавиться и тѣмъ лишить солдата удобства имѣть запасную обувь и одежду. Наконецъ, ежели эти 6 ф. считать за лишнюю тяжесть, то она во всякомъ случаѣ не обременяла бы сильно лошадь, такъ какъ до Балканъ мы маневрировали маленькими переходами и зачастую по нѣсколько дней простаивали на одномъ пунктѣ. Самые Балканы переходили пѣшкомъ, ведя лошадей въ поводу. А при быстромъ маршѣ по Балканскимъ отрогамъ отъ Софіи до Филиппополя тяжесть эта или не существовала бы, или сократилась бы на половину, потому что солдаты, сдѣлавши 5-тимѣсячный походъ, выдержавъ нѣсколько боевъ, испытавъ непогоду осени и перейдя Балканы, пришли на Рождество Христово въ г. Софію, на столько въ изодранномъ и отрепанномъ видѣ, что навѣрное бы опорожнили или сильно уменьшили тяжесть своего чемоданчика, надѣвъ на себя запасную одежду или обувь. Но такъ какъ этого не было, то по неволѣ солдаты залатывали разорванное и прожженное у костровъ платье кусками палатокъ, обвертывали ноги сырыми кожами, снятыми съ барановъ и скота, шедшаго на порціи, и въ такомъ нищенскомъ видѣ дошли до Филиппополя и Адріанополя, гдѣ во время долгой стоянки командиръ батареи отремонтировалъ одежду и обувь, покупая мѣстный матеріалъ. Въ заключеніе всего, оставленныя эти вещи не принесли ни какой пользы солдатамъ и послѣ кампаніи. Мы ихъ получили на обратномъ пути въ Россію, въ г. Николаевѣ, и почти никто ими не воспользовался; вещи, уложенныя во время похода сырыми, про-

лежали годъ безъ провѣтриванія, конечно, зацвѣли, сопрѣли и тронулись молью.

Уменьшеніе возимой тяжести.

4) Оставляя всѣ лишнія тяжести, больше всего пришлось на канцелярію, взяли съ собою только батарейные и формулярные списки, денежныя книги, дневникъ и приказную книгу, всю же остальную массу приказовъ и дѣлъ, даже арматурные списки и табели были оставлены. Это обстоятельство сильно затруднило, когда пришлось генералъ-маіору Безаку 16-го февраля 1878 года, въ г. Силиври, сдавать батарею новому командиру, флигель-адъютанту полковнику Фанъ-деръ-Флиту; а этого послѣдняго когда вышло распоряженіе полеваго интенданства, о представленіи списка вещей по табелямъ для исключенія ихъ.

Изъ людскаго лазарета оставлены были халаты, бѣлье и посуда; а медикаменты и необходимыя пособія, какъ бинты и т. п., были уложены въ одноколкѣ. Въ оставленныхъ этихъ вещахъ мы и не нуждались бы, такъ какъ въ батарейномъ пріемномъ покоѣ находились люди только легко больные, а трудно больныхъ мы обязаны были сдавать въ Дивизіонные лазареты. Въ посудѣ тѣмъ болѣе не нуждались; ужъ разъ найдя избу для пріемнаго покоя, всегда можно было имѣть и необходимую посуду, а большой чайникъ для кипяченія воды и боченокъ всегда были при одноколкѣ.

Изъ конскаго лазарета, проникшись взглядомъ генералъ-лейтенанта Гурко, «что тамъ не прійдется лечить лошадей», мы взяли только крайне необходимое, исключительно для леченія ранъ и ушибовъ и по несчастью не взяли даже клистирной трубки, въ которой мы потомъ такъ нуждались, пока не пріобрѣли ее въ Филиппополѣ. Изъ остальнаго батарейнаго имущества оставили запасныя деревянныя (въ чернѣ) вещи для артиллеріи, крупный слесарный инструментъ, второй котелъ, массу постромокъ, и по несчастью, взяли съ собою этотъ безцѣльно обременяющій грузъ, 15 пудовъ, вторую пару запасныхъ артиллерійскихъ колесъ, лучше было бы ихъ оставить и все остальное забрать. Всѣ запасныя хомуты надѣли на за-

водныхъ лошадей, а кузницу и кузнечный матеріалъ мы. конечно, какъ драгоцѣнность, везли съ собою.

§ 12.

О довольствіи сухарями.

Сводя какъ результатъ кампаніи довольствіе батареи сухарями, оказывается, что того классическаго чернаго сухаря, который такъ охотно и въ такомъ количествѣ пекла для насъ вся Россія, мы почти не видѣли. Вышли въ походъ, взявши съ собою свой 8-ми-дневный его запасъ, по Россіи довольствовались на продовольственныхъ пунктахъ хлѣбомъ, по Румыніи товарищество по продовольствію войскъ выдавало намъ полубѣлый хлѣбъ; съ прекращеніемъ довольствія отъ него 26-го сентября 1877 года, мы покупали у болгаръ хлѣбъ, по цѣнѣ утвержденной начальникомъ 2-й Гв. Кавалерійской дивизіи. Послѣ Телишскихъ боевъ, израсходовавъ свой 5-ти-дневный запасъ мы поймали интендантскій транспортъ, изъ котораго приняли еще 5-ти-дневный запасъ, въ 1-й разъ, потомъ стоя подъ Плевной, въ д. Махала, опять покупали у жителей хлѣбъ, а по взятіи Врацы, гдѣ отбили большой складъ продовольствія, довольствовались оттуда турецкими сухарями до 10-го ноября. Тутъ второй разъ приняли 8-ми-дневный запасъ сухарей, съ которымъ и дошли до г. Орханіе, гдѣ опять отбили складъ: съ этого времени мы все довольствовались Орханійскими сухарями; съ ними пошли и черезъ Балканы; затѣмъ весь путь до г. Родосто, куда пришли въ началѣ февраля 1878 г., мы довольствовались сухарями, получаемыми изъ отбитыхъ турецкихъ складовъ въ Софіи, Самаковѣ, Татаръ-Базарджикѣ, Филиппополѣ и Адріанополѣ, а въ перемежку и покупкою хлѣба у жителей, если сухарей не хватало. По приходѣ въ г. Родосто, мы покупали хлѣбъ у жителей по цѣнѣ, утвержденной начальникомъ 2-й Гв. Кавалерійской дивизіи; 3 ф. обходились 15 коп. золотомъ. Но когда въ началѣ мая опять появилось товарищество по продовольствію войскъ, то намъ изъ полеваго интендантства приказано было хлѣбъ получать отъ него. Товарищество законтрактовало нашу же булочную, и мы полу-

чали хлѣбъ отъ того же булочника, но квитанціи выдавали агенту компаніи. Почемъ они брали съ правительства? и что платили булочнику (?), мы не знали. И вотъ, только съ пріѣздомъ обратно въ Россію, когда свѣжій черный хлѣбъ былъ такъ сладокъ солдату, мы отъ г. Николаева и вплоть до м. Стрѣльна довольствовались, по приказанію начальства, запоздалымъ русскимъ сухаремъ.

Въ виду такой неопредѣленности довольствія, у насъ и размѣръ дачи ея сильно колебался между 3 ф. хлѣба и 1 ф. сухарей въ сутки; самое тяжелое время было для этого съ 13-го декабря 1877 года по 6-е января 1878 года. Нагружали то на себя, т. е. во вьюкъ, мы иногда очень много, фунтовъ по 16-ти, но ужъ это было всегда въ ущербъ сѣну, такъ какъ приходилось класть сухари въ фуражныя сѣтки.

§ 13.

Пополненіе лошадьми конныхъ батарей.

Артиллерійское управленіе имѣло на театрѣ войны большое конское Депо, именовавшееся «Передовымъ конскимъ запасомъ». Пополнялся онъ не только экстренными покупками, но и тотъ обязательный ремонтъ, который мы должны были получить въ сентябрѣ 1877 года, поступилъ туда же. Запасъ этотъ долженъ былъ пополнять по первой надобности и пѣшія и конныя батареи а потому у него и были лошади всѣхъ мастей, кромѣ сѣрыхъ, и по сортамъ упряжныя и строевыя. Но получилъ ли кто нибудь лошадь изъ этого запаса — намъ неизвѣстно. Мы лично какъ ни хлопотали послѣ заключенія перемирія, пополниться оттуда строевыми лошадьми, ничего не получили: и какъ бы въ удовлетвореніе нашей просьбѣ, намъ дали изъ расформированныхъ 4-й и 6-й батарей 9-й артиллерійской бригады отдежурившихъ на Шибкѣ и изпуренныхъ до нельзя, 2-хъ вершковыхъ рыженькихъ чалыхъ и саврасыхъ мужиченковъ.

Мѣрой этой дѣйствительно пополнили немного убыль артиллерійскихъ лошадей нашей Гвардейской караковой батареи, но строевыхъ мы все же не получили ни одной.

Затѣмъ, когда переходили на мирныя штаты въ С.-Стефано, и тутъ мы не оправились.

Конная батарея, переходя на мирные штаты, сокращаетъ только 64 артиллерійскихъ и всѣхъ обозныхъ лошадей; строевыя же остаются въ томъ же числѣ, такъ что заполнить недостающихъ по штату, намъ все-таки было не изъ чего.

Въ виду этого, начальникъ артиллеріи Гв. корпуса, генералъ-маіоръ Бревернъ, разрѣшилъ намъ выбрать со всѣхъ Гвардейскихъ пѣшихъ батарей и парковъ караковыхъ лошадей, но изъ числа тѣхъ, которыя были предназначены къ сдачѣ, т. е. бракъ и, конечно, этотъ разрядъ былъ на столько слабъ, что не представлялъ богатаго матеріала для выбора изъ него на мирное время въ Гвардейскую конную батарею: очень понятно, что изъ всей этой массы набралось всего 11 лошадей, хотя немного подходящихъ, а строевыхъ все-таки могли подобрать только двухъ изъ нихъ.

Для того же, чтобы прійти въ Россію въ полномъ мирномъ штатѣ, приказано было недостающихъ строевыхъ, заполнить упряжными артиллерійскими.

Въ такомъ видѣ мы и пришли въ Петербургъ, разсчитывая сейчасъ же (т. е. въ сентябрѣ 1878 г.) получить свой обыкновенный ремонтъ, который бы подкрасилъ немного нашъ угрюмо-тяжелый видъ. Но каково было наше разочарованіе, когда наши батареи, не бывшія въ кампаніи, получили свой ремонтъ, а намъ сказали, что наши уже давно сданы для насъ въ «Передовой конскій запасъ!» И такъ, запасъ этотъ скупалъ наши 2 ремонта, не выдавъ намъ ни одной лошади. А Гвардейская Кавалерія своевременно, въ г. Родосто, въ апрѣлѣ 1878 года, получила и ремонты лошадей и пополненіе людьми изъ своихъ запасныхъ эскадроновъ, мы же, въ это же время, изъ своей тоже запасной батареи, получили только незначительное укомплектованіе людьми. Казалось бы, отчего и нашей запасной батареѣ по примѣру запасныхъ эскадроновъ не принять наши ремонты и подъѣздивъ ихъ, прислать намъ вмѣстѣ съ укомплектованіемъ людей, тогда бы не было мѣста столь грустному факту, что батарея, выдержавъ кампанію, не только не получила пополненія извѣстнаго сорта лошадей, но и послѣ кампаніи цѣлый годъ не имѣла своего обычнаго ре-

*

монта. Результатомъ же этого оказалось то, что, по представленіи объ этомъ командира бригады, наряжена была коммиссія, опредѣлившая необходимымъ, сверхъ ежегоднаго ремонта, поставить въ 5-ю батарею единовременно 20 строевыхъ лошадей для приведенія ее въ законные штаты.

§ 14.

Возможность оставлять лошадей по пути.

Оставлять по пути слѣдованія лошадей, чтобы они, поправившись, могли бы впослѣдствіи догнать свою часть, безъ сомнѣнія удобнѣе и гуманнѣе, чѣмъ пристрѣливать ихъ или бросать. Но выполненіе этого зависитъ отъ многаго: 1) не враждебно ли населеніе; 2) ежели не на самомъ пути общаго движенія, то не грозятъ ли этой мѣстности набѣги непріятеля: 3) есть ли возможность прокормить человѣка и лошадь; 4) есть ли возможность оставить при лошади человѣка; оно кажется, что въ кавалеріи каждая заболѣвшая лошадь можетъ имѣть свободнаго человѣка — своего хозяина; но это не такъ: а) заболѣвшій человѣкъ сдаетъ свою лошадь другому, у котораго на рукахъ уже двѣ; b) затѣмъ, сколько есть такихъ, которыя, выполняя особыя должности, избавляются отъ ухода за своею лошадью, возлагая это на другаго, такъ что не всегда можно оставить при больной лошади человѣка.

За эту кампанію, въ первую ея половину, намъ не приходилось бросать лошадей; переходили съ мѣста на мѣсто на сравнительно небольшія разстоянія, по долгу стояли на одномъ и томъ же мѣстѣ; батарея дѣйствовала въ сборѣ, обозъ ея былъ или при ней, или такъ недалеко (1 переходъ), что больныхъ лошадей держали при батареѣ, или отсылали къ обозу. Вторая же половина кампаніи, отъ Балканъ до г. Родосто шла быстрыми маршами, батарею разбили по разнымъ отрядамъ, на самыя мелкія ея части, по взводно, а обозъ оставался все время за Балканами. Въ этотъ періодъ намъ приходилось бросать лошадей. Такъ какъ по пройденному пути во всѣхъ городахъ или мѣстечкахъ назначались наши коменданты, то оставляя лошадей, мы людей оставшихся съ ними

подчинялн этимъ комендантамъ, выдавали имъ деньги на фуражъ и провіантъ; ежели таковаго не имѣлось въ отбитыхъ складахъ, и приказывали людямъ пристроиться къ какому-нибудь обозу, а не путаться, по выздоровленіи лошади, по нашимъ слѣдамъ, такъ какъ временно насъ могли переводить съ одного отряда въ другой, а слѣдовательно съ одной дороги на другую. А движеніе обоза услѣдить не трудно, такъ какъ двигаютъ его большею частью весь одновременно. На сколько удачна была эта мѣра—вотъ ея результаты.

1-й взводъ оставилъ въ Филиппополѣ (4 января 1878 г.) 4-хъ лошадей при 1 солдатѣ; довольствовались они всѣмъ изъ складовъ; когда пришелъ обозъ, 1-го февраля 1878 года, то присоединились къ нему 1 солдатъ и 2 лошади, а 2 пали. Въ Адріанополѣ, 7-го января 1878 года, 1-й взводъ оставилъ 6 лошадей и 2-хъ солдатъ, довольствовались также изъ склада, присоединилось къ обозу (11-го февраля 1878 г.) 4 лошади и 2 солдата, 2 лошади пали.

3-й взводъ оставилъ въ Татаръ-Базарджикѣ 2-го января 1878 г. 3-хъ раненыхъ, съ разгноившимися ранами, лошадей и 1 солдата; довольствовались фуражемъ реквизиціей, и покупкой, а солдатъ провіантомъ, находившимся при немъ, а впослѣдствіи черезъ коменданта отъ жителей. Солдатъ этотъ ждалъ очень долго обоза, и когда къ стоящей тамъ пѣхотѣ подошелъ обозъ, то онъ и узналъ отъ нихъ, что весь Гвардейскій обозъ пошелъ другою дорогою на Филиппополь, не черезъ Софію, а черезъ Ихтиманъ, тогда онъ тронулся самъ; въ Филиппополѣ, 5-го февраля, узнавъ, что обозы прошли дальше, пошелъ на Адріанополь, гдѣ и присоединился 10-го февраля 1878 г. къ обозу, приведя 1 лошадь, а 2 пали.

2-й взводъ оставилъ 24-го января 1878 г. 2-хъ лошадей и 1 солдата въ д. Хаскіой, пройдя 75 верстъ отъ Филиппополя, и 2-хъ лошадей и 1 солдата въ д. Баба-Эски, 6-го февраля 1878 г., пройдя 64 версты за Адріанополь. Въ обоихъ пунктахъ довольствовались черезъ комендантовъ, покупкою у жителей. Присоединились къ обозу всѣ сполна, 5-го февраля, въ Хаскіоѣ и 13-го февраля въ Баби-Эски, къ 3-му взводу. Итого изъ 17 оставленныхъ въ тылу лошадей 6 пало, а 11 дошли, почти оправившись; а ежели бы онѣ не были оставлены

для отдыха и леченія, то пройдя еще не болѣе перехода, всѣхъ нужно было бы или пристрѣлить, или онѣ сами бы пали, но во всякомъ случаѣ болѣзни ихъ приняли бы характеръ неизлечимый. Причиной оставленія были только наружныя болѣзни, подбитость ногъ, сорванное копыто, страшныя засѣчки, сильные ушибы въ кости и разгноившіяся раны въ плечо, да въ крестецъ.

§ 15.

Особенность Румынской артиллеріи.

Касаясь нашей матеріальной части, сейчасъ же приходится затрогивать самое больное наше мѣсто, это зарядные ящики; у Румынъ они несравненно короче, легче, изящнѣе на видъ и поворотливѣе въ движеніи; это вопросъ жгучій.

Система румынскаго тормаза несравненно удобнѣе; это рычагъ, который, подвинчиваемый на ходу, тормозитъ одновременно 2 переднихъ колеса, тогда какъ у насъ, чтобы затормозить или отпустить надо остановиться, что задерживаетъ ходъ и сильно растягиваетъ колонну, особенно когда артиллерія идетъ въ общей колоннѣ съ другими родами оружія. Чтобы отвязать цѣпь и башмакъ, надо лѣзть подъ ящикъ, ежели идутъ по грязной дорогѣ, то на всемъ на этомъ столько грязи, что солдатъ съ головы до ногъ перепачкается, пока затормозитъ. По ровному и гладкому скату, нашъ тормазъ держитъ хорошо, но по каменистой дорогѣ или скату, имѣющему видъ терассы, когда орудіе идетъ скачками внизъ, тормазъ нашъ постоянно соскакиваетъ и необходимо идти около него солдату, чтобы въ этихъ случаяхъ, становясь на нижній внутренній край обода, прижимать бы больше колесо къ землѣ, но при этомъ солдатъ часто рискуетъ самъ быть искалѣченнымъ. Тормозя одно только колесо, нашъ тормазъ не достигаетъ цѣли, потому что свободное колесо, набѣгая впередъ, ломаетъ задокъ подъ угломъ къ передку, что особенно при нашихъ длинныхъ ходахъ дѣлаетъ сильное и неправильное давленіе въ бокъ передка, и бываетъ причиной того, что орудіе или ящикъ опрокидываются или скользятъ по косогору. А у Румынъ на

ходу подвинтилъ, оба колеса заторможены, на ходу же отпустилъ, и все это такъ просто, легко и удобно.

За то же они и пользуются своимъ тормазомъ; шли мы рядомъ по одной горѣ: наши и не подумали о тормазѣ, а они во все давленіе подтормозили. Это такъ, но нужно было бы спросить у нашихъ коренныхъ лошадей, что испытали въ это время ихъ зады отъ этой русской удали. Вьюки у Румынъ легче; во первыхъ попона, она же и потникъ. Подручныя лошади у нихъ тоже везутъ вьюки, а не такъ какъ у насъ, голая прыгасть, а подсѣдѣльная съ такимъ грузомъ, что ѣздовой съ трудомъ влѣзаетъ; фуражъ для подручной у насъ тоже надо укладывать или на ящики, или на орудія, а ежели этого нельзя, выгребай изъ саквъ строевыхъ лошадей для этого лодаря. У Румынъ же на подсѣдѣльной широкая сѣделка на трочкѣ; на ней укрѣпленъ чемоданчикъ, саквы съ фуражемъ и съ провіантомъ, тутъ же есть и карманы съ подковами, гвоздями и молоточекъ съ клещами. По крайней мѣрѣ она везетъ все, что ей нужно, и подсѣдѣльную еще облегчила, и вьюкъ этотъ сдѣланъ небольшой, и прекрасно прилаженъ.

Затѣмъ, вся сбруя у нихъ бѣлой кожи; это и опрятнѣе и красивѣе, да и погрѣшностей содержанія ея одной смазкой не скроешъ. Но вѣроятно это гораздо дороже.

§ 16.

Относительно здоровья и лазаретовъ.

Въ началѣ кампаніи, до первыхъ боевъ, когда подолгу стояли на одномъ мѣстѣ въ грязи и подъ дождемъ (т. е. съ перехода р. Дуная 12-го сентября 1877 года по ноябрь), болѣзни, чаще появляющіяся, были лихорадки и иногда диссентерія. Съ начала зимы, т. е. съ ноября 1877 года, и до прихода на берегъ Мраморнаго моря, къ серединѣ февраля 1878 года, т. е. въ періодъ боевъ и усиленныхъ маршей, внутреннихъ болѣзней не было совсѣмъ; хроническій легкій поносъ поголовно у всѣхъ — мы ужъ не считали за болѣзнь, а такъ же и легкаго поголовнаго катара дыхательныхъ органовъ, а были только наружныя болѣзни—отмороженія, да глазныя (отъ костровъ), ушибы и раненія.

Съ прихода же на берегъ Мраморнаго моря, 10-го февраля, и до отъѣзда на родину, 24 августа, особенно апрѣль и май, люди сильно болѣли изнурительными лихорадками, тифомъ, катаромъ желудка и общимъ упадкомъ силъ [1]). Относительно лазаретовъ, батарейный пріемный покой, какъ инстанція предохранительная, всегда симпатична солдатамъ, особливо ежели Командиръ мало-мальски къ этому внимателенъ; тогда солдатъ окруженъ здѣсь не только удобствомъ леченія, но и теплотою ухаживанія. Но нашъ околотокъ еще болѣе выигрывалъ черезъ то, что фельдшеръ нашъ, унтеръ-офицеръ Твердовскій (доктора въ нашей батареѣ не было), былъ въ высшей степени добрымъ, внимательнымъ и заботливымъ до самозабвенія,—онъ и пострадалъ, выдержавъ самъ 2 тифа.

Дивизіонный лазаретъ и лазареты Краснаго креста... въ первомъ во всемъ только строгая необходимость, а во второмъ положительно и комфортъ Первые два періода кампаніи мы всюду видѣли Красный крестъ. На вершинѣ Умургача съ нами; въ разгаръ Бугоровскаго дѣла не только помогаетъ раненымъ, но и даетъ воду съ уксусомъ;—кому дурно отъ сухости рта и вина для поддержанія упавшихъ силъ. Въ самую свалку Филиппопольскихъ боевъ, опять же неразлученъ съ войсками. Мы всегда считали счастливымъ случаемъ, ежели намъ удавалось сдать больнаго въ Красный крестъ, а не въ дивизіонный лазаретъ. За то въ 3-й періодъ, когда пошли больные не десятками, а сотнями—и пошла заразительная болѣзнь, намъ мало пришлось встрѣчаться съ учрежденіями Краснаго креста, правда, это уже было послѣ заключенія мира, такъ что ихъ дѣятельность была вѣроятно въ другихъ мѣстахъ. Въ дивизіонныхъ лазаретахъ одна была тяжелая черта, шедшая у нихъ въ ущербъ многому—это педантизмъ къ мелочнымъ формамъ, чего въ Красномъ крестѣ ужъ не было. Вотъ почему, когда въ батареяхъ изсякалъ запасъ медикаментовъ, то мы охотнѣе про-

[1]) Процентъ больныхъ, не считая раненыхъ, за время кампаніи былъ въ 1877 году:

Въ августѣ и сентябрѣ 1%, въ октябрѣ 3%, въ ноябрѣ и декабрѣ 2%.

Въ 1878 году:

Въ январѣ и февралѣ 2%—3%, въ мартѣ 4%, въ апрѣлѣ и маѣ 4%—5%, въ іюнѣ и іюлѣ 5%—7%, въ августѣ 10%. Въ это время стояли у деревни Галатарія, подъ С. Стефано.

сили у Краснаго креста, нежели рѣшались пользоваться по праву изъ казенныхъ складовъ, которые были обыкновенно въ отдаленныхъ пунктахъ; а дивизіонные лазареты, расположенные вблизи, если и имѣли нужное намъ въ изобиліи, то выдать этого безъ разрѣшенія не могли, а чтобы получить это разрѣшеніе, нужно было написать бумагу, получить на эту бумагу резолюцію, на другой бумагѣ съ этой резолюціи отнестись къ..., на третьей бумагѣ.... такъ бы это и осталось на бумагѣ, потому что генералъ-адъютантъ Гурко не ждалъ никакихъ бумагъ, а все посылалъ дальше. А въ Красный кресть пришелъ, попросилъ и полные карманы вынесъ.

§ 17.

Относительно формы строя.

Строй во всѣхъ бояхъ употреблялся развернутый, передки становили на дальнемъ отъѣздѣ (т. е. ѣздовые лицемъ къ непріятелю), и большею частью довольно далеко отъ орудій, и и всегда, какъ они, такъ и коноводы, стоявшіе около нихъ, были по возможности укрыты мѣстностью. Удаленное это размѣщеніе передковъ отъ орудій отзывалось неудобствомъ при подноскѣ снарядовъ, 1-й нумеръ не успѣвалъ подносить и выбивался изъ силъ, 9-й нумеръ еле-еле успѣвалъ только вытащить изъ гнѣзда снарядъ, отдѣлить его отъ накладокъ и подкладокъ, да достать зарядъ, а идти съ этимъ снарядомъ на полъ-пути для встрѣчи съ 1-мъ нумеромъ, у него уже не хватило времени. Такъ что для подноски снарядовъ у насъ всегда имѣли при батареѣ запасныхъ людей, до 2-хъ на каждое орудіе; ежели же ихъ приходилось ставить на мѣсто раненыхъ, то намъ помогали подносить пѣхота или спѣшенная кавалерія (изъ нашего прикрытія) и только при такихъ условіяхъ, мы могли вести перестрѣлку; но въ случаяхъ учащенной пальбы, средства эти были все-таки недостаточны, и мы приближали тогда передки къ орудіямъ, на уставную дистанцію, 16 шаговъ.

Въ виду этого, было бы удобно увеличить число прислуги при орудіи, хотя на одного, чтобы снаряды подносили два

нумера. Въ дѣлѣ 4-го января, подъ Дермендере, вслѣдствіе неудобной мѣстности, передки наши были расположены строемъ, не подходившимъ ни подъ какую уставную форму. Идя въ авангардѣ колонны генералъ-лейтенанта Вельяминова, по очень узкой дорогѣ, вьющейся у подошвы горъ по крутому берегу рѣчки, мы столкнулись съ непріятелемъ на ружейный выстрѣлъ, получили приказаніе занять позицію тутъ же на дорогѣ, чтобы подъ прикрытіемъ нашего огня, отрядъ нашъ могъ занять бы позицію вправо на горѣ. Выбора намъ не было, и подойдя къ точкѣ, обозначавшей крайній лѣвый флангъ предполагаемой позиціи всего отряда, мы снялись съ передковъ. Орудія стали развернутымъ фронтомъ, очень близко одно отъ другаго, а передки и такъ не могли помѣститься, вывести же 5-й передокъ вправо на склонъ горы, значило поставить его совершенно открытымъ подъ сильный непріятельскій ружейный и артиллерійскій огонь изъ противоположной батареи и ложементовъ, и, кромѣ того, сильно затруднить движеніе его глубокой и крутой канавой справа. Передки наши поэтому стояли вдоль дороги, ближе къ орудіямъ 6-й передокъ, въ немъ одномъ лежали снаряды (такъ какъ въ это время у насъ ихъ оставалось очень мало), за нимъ 5-й передокъ, потомъ коноводы 6-го орудія, и коноводы 5-го орудія. Передки стояли по уставу на ближнемъ отъѣздѣ, т. е. ѣздовые спиной къ непріятелю. Форма этаго строя въ высшей степени непрактична, относительно моральнаго состоянія людей. Нельзя на столько насиловать природу человѣка, чтобы онъ былъ храбръ, стоя спиной къ опасности и бездѣйствуя, какъ нашъ ѣздовой въ этомъ случаѣ. Онъ, ничѣмъ не занятый, стоя подъ выстрѣлами, спиною къ непріятелю, въ силу этого уже положенія легко можетъ придти въ нервное состояніе и выказать неспокойствіе духа, такъ легко охватывающее и другихъ. Состояніе это на столько тяжело было для ѣздовыхъ, что имъ позволено было слѣзть съ лошадей и держать ихъ въ поводу, конечно, они сейчасъ же стали лицемъ къ непріятелю, и угрюмыя до до того ихъ лица повеселѣли и черезъ нѣсколько минутъ пошли разговоры, заключенія и прибаутки; видимо человѣкъ освоился съ положеніемъ.

Вообще для поддержанія порядка и спокойствія въ этихъ

тыловыхъ частяхъ, непремѣнно долженъ быть свой прямой начальникъ: въ батареѣ онъ есть — вахмистръ, но это тогда, когда батарея дѣйствуетъ совокупно; разбитая же повзводно, всѣ ея части начальника этого не имѣютъ, а онъ необходимъ, потому что коноводами назначаются обыкновенно люди молодыхъ сроковъ, слѣдовательно не такъ еще утвердившіеся въ правилахъ дисциплины и исполненія долга, и они, какъ и ѣздовые, ничѣмъ не занятые, и къ тому же не привязанные къ передку, могутъ, въ силу нервнаго безпокойствія, оставлять свои мѣста подъ разными предлогами, и тѣмъ не только производить безпорядокъ, но и дурно вліять на духъ другихъ. А потому для наблюденія за тыломъ уносный фейерверкеръ обязательно долженъ быть при передкѣ а не при орудіи, гдѣ и безъ него много начальства.

§ 18.

Относительно отчетности.

Батарея за всю кампанію не чувствовала никакого стѣсненія по веденію отчетности. Существующіе отчетные листы по учету людей, провіанта, приварка, лошадей и фуража, на столько просты и удобны, что велись безъ затрудненій и всѣ листы были своевременно сданы въ полевой Контроль.

Одно неудобство при нихъ—это пересылка аттестатовъ. Человѣкъ прибудетъ, а аттестата долго не получаемъ, или сами—аттестатъ выслали, а квитанціи долго нѣтъ; это и возбуждаетъ излишнюю переписку и затрудняетъ заканчиваніе отчета. А этого легко можно было бы избѣгнуть, установивъ аттестаты въ формѣ чековъ, половина его, съ роспиской получателя, оставалась бы въ части оправдательнымъ документомъ, а другой отрѣзокъ, отправляемый солдатъ, имѣя на рукахъ, этимъ самымъ былъ бы всегда гарантированъ относительно продовольствія; представивъ его въ любую часть, къ которой онъ пристроился по назначенію, или же даже и случайно.

Что же касается до табелей и требовательныхъ вѣдомостей, то когда пришлось составлять ихъ на предметы обмундированія, жалованья и исключенія изъ табелей предметовъ снаряженія и вооруженія, то это такая сложная операція, что

въ военное время положительно непримѣнима, тѣмъ болѣе, что для этого надо вести съ собою цѣлый архивъ дѣлъ.

§ 19.

Результатъ кампаніи.

Батарея пробыла на военномъ положеніи съ 22-го іюля 1877 года по 15-ое октября 1878 года, т. е. 1 годъ, 2 мѣсяца и 23 дня. Въ это время сдѣлала путь изъ С.-Петербурга черезъ Вильно и Динабургъ въ Бухарестъ, оттуда черезъ Зимницу, г. Орханіе, Софію, Филиппополь, Адріанополь и Родосто къ Константинополю. Оттуда моремъ на г. Николаевъ, и дальше сухимъ путемъ черезъ Кіевъ, Вильно и Гатчино въ м. Стрѣльна. Чтобы пройти путь этотъ, батарея двигалась по желѣзной дорогѣ 16 дней, на пароходѣ 3 сутокъ, и сдѣлала 1967 верстъ походнымъ порядкомъ, со всѣми отклоненіями отъ прямаго пути.

Батарея участвовала въ бою въ слѣдующихъ дѣлахъ: 1) подъ Телишемъ 12-го октября 1877 года, 2) подъ Телишемъ 16-го октября 1877 года, 3) подъ Г. Бугоровымъ 20-го декабря 1877 года, 4) подъ Самаковымъ 28-го декабря 1877 года, 5) подъ с. Дермендере 4-го января 1878 года.

Была въ 4-хъ дѣлахъ, не участвуя въ бою, а стоя въ резервѣ: 1) при атакѣ Правецкихъ высотъ 10-го и 11-го ноября 1878 года, 2) 1 взводъ подъ Ташкисеномъ 19-го декабря, 3) подъ Адакіей 3-го января 1878 года и 4) подъ д. Марково 5-го января 1878 года. Простояла въ болѣе важныхъ случаяхъ 7 сутокъ на аванпостахъ на боевой позиціи: — 1) 13-го, 14-го и 15-го октября, удерживая Ракитскую высоту между 1-мъ и 2-мъ дѣлами подъ Телишемъ, 2) 20-го и 21-го октября 1877 года въ главномъ карауле подъ Плевною между Дольнымъ Дубнякомъ и мостомъ черезъ р. Видъ, 3) 29-го и 30-го декабря 1877 года подъ Самаковымъ.

Батарея взяла съ собою въ походъ:

Обыкновенныхъ гранатъ . .	356
Штрапнелей	330
Картечей	66

За всю кампанію выпустила:

Обыкновенныхъ гранатъ . .	253
Штраппелей	181
Картечей	—

За кампанію ранено 7 человѣкъ:

Бомбардиры: Палатниковъ, Ноздренко, Соцковъ (умеръ) — 12-го октября 1877 г.

Гайдукъ, Демиденко, Гусевъ, Алешинъ — 20-го декабря 1877 года.

Всего переболѣло 87 человѣкъ[1]; ко времени возвращенія на родину не успѣли вернуться 17 человѣкъ.

Число убитыхъ и павшихъ отъ ранъ:

Лошадей	Строевыхъ . .	6
	Артиллерійскихъ	15.

Павшихъ отъ болѣзней лошадей:

Строевыхъ	14
Артиллерійскихъ . .	16.

Батарея получила: 1) отличіе на каску съ надписью: «*За Телишъ, 12-го октября 1877 года*». 2) 31 знакъ отличія военнаго ордена, изъ нихъ:

3 за Телишъ, 12-го октября, получили по выбору товарищей:

Фейерверкеръ Татаринцовъ (взводный 3-го взвода).
Бомбардиръ Темный (наводчикъ 1-го орудія).
» Козловъ (наводчикъ 3-го орудія).

3 за Телишъ, 16-го октября, получили:

Вахмистръ Александровъ.
Фейерверкъ Салыга (взводный 1-го взвода).
Бомбардиръ Бутъ (наводчикъ 4-го орудія).

[1]) Въ этомъ числѣ есть и заболѣвшіе 2 раза. 87 — цифра случаевъ болѣзни.

7 за переходъ Балканъ, Гор. Бугровъ, Самаковъ и Филиппополь (3-й взводъ), получили:

Бомбардиръ Куропяченко (наводчикъ 6-го орудія).
» Морозовъ (наводчикъ 5-го орудія),
» Лисовецъ.
» Варгунъ.
Канониръ Задорожный.
» Семинченко.

6 за переходъ Балканъ и дѣйствія съ Гвард. Кавалеріею подъ Филиппополемъ (1-й взводъ), получили:

Фейерверкеръ Чикирисъ.
Бомбардиръ Капустинъ (наводч. 2-го орудія).
» Авдѣевъ.
» Горькавка.
» Мулляръ (Ѣздовой).
Канониръ Дейчукъ.

4 за переходъ Балканъ (2-й взводъ), получили:

Фейерверкеръ Нечепуренко (взводный 2-го взвода).
Унтеръ-офицеръ Еременко (плотникъ).
Бомбардиръ Кузнецовъ (трубачъ).
Канониръ Саватѣевъ.

Кромѣ этихъ, общихъ, получили отдѣльно: 24-й—бомбардиръ Палатниковъ, раненый 12-го октября и лежавшій въ Парадимѣ въ госпиталѣ, при обходѣ Государемъ Императоромъ больныхъ, удостоился получить крестъ изъ собственныхъ рукъ Его Величества, 25-й крестъ получилъ фельдшеръ унтеръ-офицеръ Твердовскій, 26-й — бомбардиръ Кононовъ, состоявшій въ почетномъ Конвоѣ Государя Императора, 27-й—бомбардиръ Гарницъ-Гарницкій, состоявшій въ Конвоѣ Начальника отряда генералъ-адъютанта Гурко; 28-й и 29-й—вахмистръ Александровъ—2-ю и 3-ю степень знака военнаго ордена.

Списокъ офицеровъ, участвовавшихъ съ батареею въ кампаніи:

1) Командиръ батареи флигель адъютантъ полковникъ Безакъ — награжденъ за 12-е октября: Св. Владиміра 3-й ст., за 16-е октября—золотое оружіе; за переходъ черезъ Балканы

въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ въ Свиту Его Величества.

2) Капитанъ Мартыновъ.

За 12-ое октября подъ Телишемъ, Св. Георгія 4 ст.

За 16-ое октября подъ Телишемъ, Св. Владиміра 4 ст.

За 20-ое декабря при Гор. Бугоровѣ и за переходъ Балканъ, Св. Анны 3-й ст.

За 4-ое января при Дермендере, Св. Станислава 2-й ст.

3) Поручикъ Чичаговъ 2-й.

За 16-ое октября при Телишѣ, Св. Станислава 2 ст.

За переходъ Балканъ, Св. Анны 2-й ст.

За дѣло подъ Филиппополемъ, Св. Владиміра 4 ст.

4) Подпоручикъ Шереметевъ.

За 16-ое октября подъ Телишемъ, Св. Анны 4-й ст.

За 20-ое декабря при Горномъ Бугоровѣ и переходъ Балканъ, Св. Станислава 3-й ст.

За 4-е января при Дермендере, Св. Анны 3-й ст.

5) Поручикъ Мальцовъ.

За переходъ черезъ Балканы, Св. Станислава 3-й ст.

6) Подпоручикъ Чичаговъ 3-й.

За 16-е октября при Телишѣ, Св. Анны 4-й ст.

За переходъ Балканъ, Св. Станислава 3-й ст.

За дѣло подъ Филиппополемъ, Св. Анны 3 ст.

7) Прапорщикъ Мезенцовъ.

За 16-е октября при Телишѣ. Св. Анны 4-й ст.

За переходъ Балканъ. Св. Станислава 3 ст.

8) Поручикъ Леонтьевъ, состоявшій ординарцемъ у Начальника артиллеріи Гвардейскаго Корпуса.

За 12-е октября при Горномъ Дубнякѣ, Св. Анны 4 ст.

9) Поручикъ Кузьминъ-Караваевъ 1-й, состоявшій ординарцемъ у Начальника отряда генералъ-адъютанта Гурко.

За взятіе Горнаго Дубняка, Св. Анны 4-й ст.

За взятіе Телиша, Св. Станислава 3-й ст.

За переходъ Балканъ и Ташкисенскій бой, Св. Анны 3-й ст.

За Филиппопольскій бой, Св. Станислава 2 ст.

Вольноопредѣляющіеся фейерверкеры Зволянскій и графъ Бревернъ-де-ла-Гарди, первый за 12-е октября,

а второй за 16-е октября, подъ Телишемъ, получили именные знаки отличія военнаго ордена 4-й ст. За переходъ Балканъ и послѣдующіе бои, произведены въ первый офицерскій чинъ; Зволянскій—съ прикомандированіемъ къ батареѣ.

Вся батарея, офицеры и солдаты, получила свѣтло-бронзовую медаль за участіе въ турецкой кампаніи въ 1877 и 1878 годахъ, и темно-бронзовый Румынскій крестъ, въ память перехода Дуная.

I. Маршрутъ батареи по Россіи.

1877 года
Августа 14—изъ Жмеринки въ Шаргородъ.
» 15—Могилевъ.
» 16—Дневка.
» 17—Кетросъ-Десосъ.
» 18—Бѣльцы.
Предполагавшаяся въ Бѣльцахъ дневка уничтожена распоряженіемъ начальника дивизіи.
» 19—Фалешти.
» 20—Скуляны.
» 21, 22, 23, дневки въ Скулянахъ.

II. Маршрутъ по Румыніи.

» 24—изъ Скулянъ въ Яссы.
» 25—Кодоэшти.
» 26—Васлуй.
» 27—Кицканы.
» 28—Дневка.
» 29—Бырладъ.
» 30—Текучъ.
» 31—Фокшаны.
Сентября 1—Рымникъ.
» 2—Бузео.
» 3—Дневка.
» 4—Мезиль.
» 5—Плоэшти.
» 6—Сафтикъ.
» 7—Михалешти.
» 8—Драгонешти.
» 9—Александрія.
» 10—Дневка.
» 11—Зимница.